575.
5-96

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00021848547

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/vliudivyshel00leki

Изъ библіот. пок. ОСИ
ІОСИФА БЛЮМОВИЧА
умерш. въ Моск. 5 окт. 1919 г.

Н. А. Лейкинъ.

PG3467
.L3
V22
1906

ВЪ ЛЮДИ ВЫШЕЛЪ.

ИЗДАНІЕ ПЕРВОЕ.

CERCLE RUSSE
DE LA
VILLE DE MONTREAL

THE LIBRARY
THE UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Товарищество „Печатня С. П. Яковлева“, 2 Рождественская ул., д. № 7.
1906.

THE LIBRARY
THE UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ВЪ ЛЮДИ ВЫШЕЛЪ.

ВЪ ЛЮДИ ВЫШЕЛЪ.

I.

Мясникъ Евтихій Павловичъ Зваровъ встрѣчалъ свою жену Лукерью Ивановну, ѣдущую къ нему въ Петербургъ изъ деревни, изъ Ярославской губерніи, откуда онъ былъ родомъ и гдѣ до сихъ поръ постоянно жена его жила, а онъ пріѣзжалъ къ ней на побывку. Зваровъ былъ еще молодой человѣкъ, чистякъ-мужчина, какъ зовутъ мелкіе торговцы своихъ собратьевъ, склонныхъ къ нѣкоторому франтовству. На немъ было синее суконное пальто на лисьихъ бедеркахъ съ выпушкой и барашковымъ воротникомъ, барашковая шапочка и сапоги бутылками въ новыхъ глянцевыхъ резиновыхъ галошахъ. Самъ онъ былъ русый съ подстриженной бородкой, здоровый, коренастый, но уже склонный къ полнотѣ, хотя на видъ ему было не болѣе тридцати лѣтъ. Жену свою съ дѣтьми онъ вызвалъ къ себѣ въ Петербургъ письмомъ, на постоянное житье, и вотъ, она увѣдомила его съ дороги телеграммой, что ѣдетъ. Лукерья Ивановна хотя и была за нимъ замужемъ болѣе пяти лѣтъ, никогда въ Петербургъ не пріѣзжала, да и вообще по желѣзнымъ дорогамъ не ѣздила,

вотъ почему Зваровъ, зная ея неопытность, и опасался за ея путешествіе. Женился онъ на ней въ деревнѣ, въ одну изъ своихъ побывокъ, и жила она тамъ въ домѣ своей свекрови, его матери, подъ ея руководствомъ, въ сообществѣ старшей невѣстки.

Была ранняя весна. Апрѣльское солнце свѣтило сквозь стеклянную крышу Николаевскаго вокзала и радовало чирикающихъ воробьевъ, выбирающихъ съѣдобныя крошки около рельсовъ, воркующихъ голубей, пріютившихся на карнизахъ. Поѣздъ еще не приходилъ, и Зваровъ, пріѣхавшій много раньше, съ нетерпѣніемъ ходилъ по плитной галлереѣ вмѣстѣ съ другими встрѣчающими поѣздъ. Онъ заглядывалъ вдоль по полотну, не покажется ли дымокъ паровоза, и думалъ, тревожась:

„Глупая, неопытная бабенка... да къ тому же съ парой ребятишекъ... Не бывалая... ничего не знаетъ, никакихъ порядковъ не понимаетъ... Прямо изъ темнаго деревенскаго угла... Мудрено ей безъ приключеніевъ пріѣхать. Не растеряла ли багажъ-то по дорогѣ?.. Узлы, поди, подушки, корзинки съ ѣдой, пара ребятишекъ... А вѣдь съ ребятами мученье... Впрочемъ, дура, а телеграмму-то сумѣла прислать съ дороги, что ѣдетъ“, прибавилъ онъ себѣ въ утѣшеніе.

Но, вотъ, далъ знать о себѣ семафоръ своими звуками. „Поѣздъ близко“... проговорилъ кто-то изъ встрѣчающихъ. Засуетились сторожа. Показались носильщики съ нумерными бляхами. Вдали мелькнулъ дымокъ паровоза. Послышался двукратный свистокъ.

„Господи, спаси и помилуй... Ну, авось, и благополучно... Но, вѣдь, можетъ и не пріѣхать. Мало ли что на пути... хотя и прислала депешу изъ Бологова“, пронеслось въ головѣ Зварова. „Спаси Богъ всякаго... Доберется благополучно—свѣчку Николѣ поставлю. Эхъ, надо бы было самому за ней съѣздить! Да вотъ, дѣла-то“, досадливо прибавилъ онъ.

Вотъ показался и поѣздъ вдали. Зваровъ тайкомъ перекрестился. Ближе, ближе и поѣздъ тихимъ ходомъ вошелъ подъ стеклянную крышу. Носильщики бросились къ вагонамъ. Зваровъ сталъ искать вагоновъ третьяго класса, нашелъ ихъ и побѣжалъ отъ одного къ другому, смотря въ окна.

Въ одно изъ оконъ постучали. Зваровъ остановился. У окна стояла жена и улыбалась. Зваровъ просіялъ и замахалъ руками, указывая на выходъ изъ вагона.

„Слава Богу, пріѣхала! Умудрилась... И то сказать: ярославка... Наша губернія хитрая, смышленая... У насъ и дура-баба не пропадетъ“... мелькнуло у Зварова въ головѣ, и онъ бросился въ вагонъ на встрѣчу женѣ.

Жена снимала съ сѣтокъ узлы, подушки, корзинки. Зваровъ подскочилъ къ ней и поцѣловалъ ее. Она уцѣпила его за шею и три-четыре раза чмокнула его въ щеку. На глазахъ ея блестѣли слезы.

— Ну, что? Благополучно ли?.. спросилъ онъ.

— Все слава Богу. А только съ дѣтьми смучилась. Съ одного: то пить, то ѣсть... отвѣчала она.—А у меня на полдорогѣ молоко скислось.

Двѣ крынки съ собой взяла въ кувшинѣ, и скислось... Въ творогъ... А ужъ пуще старшенькій, Павлушка... Мы, почитай, на каждой станціи чай заваривали, такъ не пьетъ чай-то, а ему, кажись бы, и грѣхъ молоко-то въ посту... Вѣдь постъ Великій...

На скамейкѣ, на разостланной бѣличьей шубкѣ матери, сидѣли: Павлуша—мальчикъ лѣтъ четырехъ, въ розовой ситцевой рубашкѣ и разстегнутой жилеткѣ, и дѣвочка Дуня, лѣтъ двухъ, въ заячьемъ шугайчикѣ, съ головой окутанной въ байковый платокъ. Зваровъ наскоро поцѣловалъ и ихъ, сказавъ:

— Здравствуйте, шаршавые... Ну, что жъ, надо выходить, обратился онъ къ женѣ и прибавилъ:— Не до ночи же здѣсь... Одѣвай Павлушку-то. Что у него, тулупчикъ?..

— Да вотъ, прежде бы узелъ-то... указала жена на громадный узелъ на полкѣ.

— Это все артельщикъ сдѣлаетъ, а ты ребятъ собирай. Эй, почтенный!..

Зваровъ крикнулъ носильщика съ бляхой и приказалъ ему выносить багажъ, а самъ принялся одѣвать сына и бормоталъ женѣ въ упрекъ:

— Эхъ, ты!.. Надо бы заранѣе приготовиться, пока подъѣзжали къ мѣсту. Сколько мѣсть-то, покажи?

— Да вотъ, все наше... Все тутъ...

— Не сосчитала? Ну, хозяйка! А я тебя въ кассирши въ лавку прочу... Разъ, два, три, четыре... Семь мѣстъ... сказалъ Зваровъ носильщику. — Придется на двухъ извозчикахъ...

Н. А.Лейкинъ.

Дѣти были одѣты. Онъ взялъ на руки мальчика, а жена—дѣвочку, и оба стали выходить изъ вагона.

— Есть у тебя квитанція? Сдано у тебя что-нибудь въ багажъ? спрашивалъ онъ жену, выйдя изъ вагона.

Та не понимала, не зная словъ „квитанція“ и „багажъ“.

— Имѣется у тебя еще какое-нибудь добро съ собой? Такъ давай росписку, повторилъ онъ яснѣе.

— Есть, есть... Вотъ писулечка... отвѣчала жена и полѣзла въ карманъ; но ребенокъ мѣшалъ ей.

— Давай сюда ребенка-то, а то, храни Богъ, уронишь. А росписку передадимъ артельщику.

Онъ поставилъ на ноги мальчика и взялъ дѣвочку. Жена передала ему квитанцію.

— Многому тебѣ здѣсь придется обучаться, Луша, многому... Ты совсѣмъ настоящихъ словъ не знаешь, сказалъ онъ ей.

На подъѣздѣ, когда они стояли около своихъ пожитковъ и ждали побѣжавшаго въ багажный вагонъ за сундукомъ артельщика, швейцары различныхъ гостинницъ предлагали имъ помѣщенія, а приказчики съ извозчичьихъ дворовъ—кареты.

— Свои, свои... питерскіе... На квартиру къ себѣ пріѣхали... бормоталъ имъ въ отвѣтъ Зваровъ и отмахивался отъ приказчиковъ, сующихъ ему жестяные билеты, но вдругъ остановился.

„А что, не прокатить ли Лушу-то, на радостяхъ, въ каретѣ?“ мелькнуло у него въ головѣ. „Вѣдь карета-то немногимъ дороже двухъ извозчиковъ

обойдется"—и онъ тотчасъ же сторговался съ приказчикомъ за полтора рубля.

Подъѣхала четырехмѣстная карета, приказчикъ распахнулъ дверцы. Лицо Зварова просіяло гордостью. Насколько онъ помнитъ, онъ и самъ во всю свою жизнь только два раза ѣздилъ въ каретѣ: на свадьбу къ кому-то, въ складчину, да съ кладбища, съ похоронъ своего бывшаго хозяина мясника.

— Садись... важно сказалъ онъ женѣ. — Въ ландѣ поѣдемъ. Влѣзай, не бойся, а мы тебя поклажей заклинимъ.

Робко, и оглядываясь на мужа, полѣзла въ карету Лукерья Ивановна. Зваровъ передалъ ей туда ребятъ и сталъ укладывать узелъ, корзину и подушки. Артельщикъ принесъ сундукъ изъ багажнаго вагона. Сундукъ поставили на козлы къ извозчику. Зваровъ, вытащивъ громадный замшевый кошелекъ изъ кармана, какіе только и носятъ торговцы съѣстными припасами, разсчитался съ артельщикомъ, сѣлъ въ карету, и карета тронулась.

II.

Карета выѣхала со двора Николаевскаго вокзала, пересѣкла Знаменскую площадь и поѣхала по Невскому проспекту, но Лукерья Ивановна, никогда не бывавшая въ Петербургѣ, на первыхъ по-

рахъ совсѣмъ не интересовалась улицами и даже не смотрѣла въ окна, а съ замираніемъ сердца отъ восторга только осматривала внутренность кареты, пощупала руками ея обивку, тронула басонную кисть у окна, сидѣнье, побарабанила пальцами по стеклу, взглянула на потолокъ и стала разглядывать сквозь переднія стекла нижнюю часть складокъ наваченной спины сидѣвшаго на козлахъ кучера. Все это ей было въ диво.

— Невскій проспектъ... началъ было разсказывать женѣ Зваровъ, но тутъ же спохватился и спросилъ:—А что, какъ здоровье маменьки?

— Здорова... Что ей дѣлается! Письмо къ вамъ отъ нея у меня... неохотно отвѣчала жена, слезливо заморгала глазами и прибавила:—Заѣла она меня совсѣмъ... Ахъ, Евтихій Павлычъ, я уже такъ рада, что вы меня выписали и отъ нея избавили, такъ рада, что и сказать не могу... Вѣчная раба вамъ, голубчику, за это буду. Въ какую хотите меня работу пустите—на все пойду. А она... словно я ей врагъ лютый... Какъ ржа желѣзо точила.

— Ну, ну, ну... остановилъ ее Зваровъ и сдѣлалъ солидное лицо.—Брось ты это. Вѣдь это наука, а безъ науки молодой женщинѣ нельзя... Если она подчасъ и точила тебя, то за дѣло точила. Вѣдь она мать, свекровь тебѣ, хозяйка дома, стало быть, ты должна была и покоряться.

— Я и покорялась, Евтихій Павлычъ, да вѣдь подчасъ было не втерпежъ... А ужъ пуще всего она на меня набрасывалась, когда вы письмо съ деньгами на дорогу прислали, чтобы ѣхать мнѣ въ Петербургъ. Съ зависти, что ли... Она начнетъ,

старшая невѣстка пристанетъ — и давай вдвоемъ жрать...

— Оставь... Довольно... Мало ли что въ семействѣ старшіе! Къ старшимъ всегда должно быть почтеніе отъ младшихъ... Дѣти къ родителямъ... племянники къ дядямъ... приказчики къ хозяевамъ, наставительно продолжалъ Зваровъ. — Вотъ, оттого-то у насъ все и бунты повсюду, что ни у кого почтенія нѣтъ къ старшимъ. „Не хочу слушаться хозяина... не хочу предпочитать старшаго приказчика или мастера!“

Лукерья Ивановна слушала, и слезы ея усилились. Она достала носовой платокъ и стала утирать ихъ. Зваровъ перемѣнилъ тонъ и сдѣлался ласковѣе.

— Чего ты слезы-то распустила, глупая... сказалъ онъ, обнявъ жену за талію и кладя ей на плечо голову.—Или глаза на мокромъ мѣстѣ? Да должно быть, что такъ... Свекровь, говоришь, поѣдомъ ѣла, а никакой видимости отъ этого не осталось. Вотъ какая ты у меня гладкая, кормленная! Бѣлолица, круглолица и глаза съ поволокой. Настоящая ярославка, любимской породы!

Онъ поцѣловалъ ее въ щеку и, держа за талію, принялся раскачивать.

— Корму-то у насъ много, вы намъ на порядкахъ денегъ присылали, а вотъ...

— А остальное—молчи! Вѣдь ужъ теперь ау. Теперь сама хозяйка будешь, перебилъ ее мужъ.— У самой у тебя подъ началомъ три приказчика и два мальчишки будутъ, а открою вторую мясную лавку, такъ и десять человѣкъ. И всѣ передъ то-

бой преклоняться будутъ и должны предпочитать тебя. Вотъ и жри ихъ, вымещай за маменьку. Только, Лукерья Ивановна, напередъ я тебя прошу: построже съ ними! Воли не давать, потому нынче народъ—ой-ой какой! Народъ, прямо надо сказать, неуважительный. А такъ какъ мы теперь въ люди вышли...

— Не сумѣю я этого, Евтихій Павлычъ... проронила жена.

— Научишься... Учись... привыкать должна.. Такъ какъ за мое стараніе и трезвость Богъ меня благословилъ, что я на ноги сталъ—и ты обязана... Я грошъ къ грошу приколачивалъ, не зѣвалъ, и когда случай подошелъ, изъ приказчиковъ въ хозяева вышелъ—и ты подъ меня потрафляй. Поняла? Ну, а теперь, когда поняла, то и давай жить-поживать, да добра наживать. Трезвый ярославецъ, себя соблюдающій, не пропадетъ! хвастливо и съ достоинствомъ сказалъ Зваровъ, хлопнувъ себя ладонью по груди.

Лукерья Ивановна любовно смотрѣла на мужа и молчала. Это была недурненькая, круглолицая женщина лѣтъ двадцати пяти, съ черными глазами, съ длинными рѣсницами, русая, съ свѣжимъ румянымъ лицомъ, полненькая, не высокая ростомъ, но статная. Ее только нѣсколько портилъ костюмъ: безвкуснаго рисунка красный байковый платокъ съ зелеными и желтыми клѣтками, которымъ была окутана голова, и неуклюже сшитое въ деревнѣ суконное пальто съ куньимъ воротникомъ и таковыми же обшлагами. Платокъ былъ надѣтъ совсѣмъ не кокетливо: свѣсился на лобъ, съѣхалъ на бокъ

и выставилъ съ одной стороны большую прядь волосъ.

Зваровъ дернулъ жену за платокъ на лбу и ласково произнесъ:

— Ахъ, ты, кувалда! Вотъ, погоди, мы тебя въ шляпку потомъ одѣнемъ. Любо въ каретѣ-то ѣхать? спросилъ онъ.—Никогда вѣдь не ѣздила.

— Гдѣ же ѣздить-то? Даже и не видывала ея. Слыхать слыхала и читала, что князья и графини ѣздятъ, пробормотала она.

— Нынче насчетъ князьевъ и графинь ужъ аминь, чтобъ они одни въ каретахъ ѣздили. Многіе изъ нихъ кверху тормашками полетѣли. Да и генеральство-то верхнимъ концомъ да внизъ насчетъ каретъ. Да... Купецъ пошелъ... Торговый человѣкъ въ гору пошелъ. Чиновничество и военщина тоже вообще при пиковомъ интересѣ. Купецъ... Вотъ если по нашей по мясной части взять... Кому пудовой окорокъ ветчины продать можно? Купцу. Лучшая нога телятины... фрикандотъ, ежели, что по-нашему называется? Для купца. Купецъ и живого осетра съѣстъ, и стерлядь двинскую живую. Да развѣ еще инженеръ... А генеральство—ни-ни... Впрочемъ, что жъ ты, Луша, на улицу-то не смотришь? Уткнулась въ меня, и хоть бы что... А вѣдь въ первый разъ въ Петербургъ въѣхала! напомнилъ женѣ Зваровъ.—Ахъ, ты, кувалда!

Лукерья Ивановна, все время внимательно слушавшая супруга, перенесла взоры въ окна кареты и стала смотрѣть на улицу.

— Господи, дома-то какіе! ужасъ! вырвался у нея восторженный шопотъ съ придыханіемъ.

— Да, братъ... Дома обширнаго производства. Ты знаешь, въ каждомъ такомъ домѣ по десяти нашихъ ярославскихъ деревень сидитъ... Вотъ какое мѣстоположеніе... отвѣчалъ мужъ, прищелкнувъ языкомъ.

— Страсть Божія!.. вздыхала супруга.

— Да что я—десять деревень! Въ такомъ домѣ, къ примѣру, тысячи двѣ публичнаго народонаселенія, указалъ Зваровъ на домъ на углу Невскаго и Владимірскаго проспекта.

— Господи!.. Но простого народа, я думаю, нѣтъ? Все господа?

— Всякая нація есть. Отъ мужика до генерала. А во второмъ этажѣ, на двѣ улицы знаменитый Палкинъ трактиръ.

— Слышала я про Палкинъ трактиръ. Тамъ нашъ дяденька Каллистратъ Иванычъ служитъ прислужающимъ.

— Ну, вотъ... Онъ самый... Шестерокъ тамъ прислужающихъ человѣкъ сто... Но нашихъ въ такихъ трактирахъ мало. Все больше татарва касимовская. Наши больше по мелкимъ трактирамъ служатъ... Смотри, смотри, черезъ какой мостъ переѣзжаемъ! Кони-то какіе на углахъ стоятъ.

Они въѣзжали на Аничковъ мостъ.

— Батюшки! Для чего же это? спросила жена.

— Для видимости и для украшенія. Изъ мѣди отлиты... Тутъ мѣди-то пудовъ...

Зваровъ махнулъ рукой.

— А народу-то что, народу! дивилась жена.—Да что сегодня, праздникъ у васъ здѣсь, что ли?

— Ну, вотъ, чего ты!.. Самый обыкновенный будничный день. А по праздникамъ тутъ на тротуарахъ стѣной толпа, ступа непротолченная... Все дѣловой народъ... Кто за дѣломъ, кто отъ дѣла... Кто на работу.

— Поди жъ ты, а мы въ деревнѣ читали... да и сказывали намъ пріѣзжіе, что у васъ тутъ почитай всѣ бросили работу, никто ничѣмъ не занимается и безъ дѣловъ сидятъ.

— То фабричные. Брось. А торговый человѣкъ свою выгоду ведетъ и грошъ къ грошу приколачиваетъ. Нешто онъ можетъ быть безъ дѣла! отвѣчалъ Зваровъ и сказалъ женѣ:—Утри ребятишкамъ носы-то. Здѣсь Петербургъ, а не деревня. Теперь соблюдать себя должна. Въ дамы пріѣхала выходить...

III.

Карета свернула въ Караванную улицу, направилась къ Лѣтнему саду, переѣхала черезъ Троицкій мостъ на Петербургскую сторону. Зваровъ обращалъ вниманіе жены на вагоны конножелѣзной дороги, на автомобили, проносившіеся мимо ихъ. Лукерья Ивановна ѣхала и всему дивилась.

— Безъ воды, безъ пара, безъ топки ѣдетъ. Однимъ керосиновымъ духомъ... И лошадей, какъ видишь, никакихъ... сказалъ онъ про автомобиль.— На манеръ какъ-бы лампа тамъ. Ну, этимъ духомъ и ѣдетъ. А то бензинъ подливаютъ. Ну, да вѣдь ты, что такое бензинъ, не знаешь.

— Гдѣ же мнѣ знать! Помилуйте, отвѣчала она.—Сидимъ тамъ въ деревнѣ и ничего не знаемъ. Только развѣ кто изъ пріѣзжихъ на побывку что разскажетъ, да что въ газеткѣ прочтемъ, которую вы намъ посылаете. Только тамъ все больше про войну...

— Время такое .. Патріотизмъ... Ничего не подѣлаешь! щегольнулъ Зваровъ передъ женой словечкомъ и прибавилъ:—А только скорѣй бы все это кончалось. Ущербъ торговлѣ. Даже въ нашемъ мясномъ дѣлѣ замѣтно. Кто ѣлъ вырѣзку по шести гривенъ фунтъ—норовитъ на антрекотѣ отъѣхать. Суровщики ужъ очень на торговлю плачутся.

— Ахъ, а у насъ-то какъ плачутся! Остались бабы съ ребятами, и никакой помощи! Вы вотъ намъ посылаете, а кого забрали въ солдаты, тотъ ужъ не можетъ посылать. Тому самому подай... По семьямъ послѣднихъ овецъ продали, у которыхъ бабъ кончики холстовъ были—тоже продали... Всѣ воютъ...

Она говорила мужу то ты, то вы, но больше вы. Она плакалась на деревенскія нужды, но онъ толковалъ только о своихъ петербургскихъ нуждахъ.

— Да у насъ здѣсь настоящій-то вопль къ войнѣ прошелъ. Нѣтъ его, отвѣчалъ онъ и опять началъ на любимую тему.—Главная статья, что ни парад-

ныхъ обѣдовъ, ни баловъ—ничего нѣтъ. Ну, дорогая провизія и залеживается, и приходится ее во вторые сорта пускать. Вотъ оттого-то я и задумалъ вторую лавку открыть, а тебя въ ней за выручку поставить, чтобъ приказчики не воровали.

— За выручку! Ой! Да нешто я могу... усумнилась Лукерья Ивановна.

— Обязана пріучаться. Ярославка, да чтобы не смочь деньги считать? На то ты и ярославка, изъ торговой губерніи. У насъ теперь въ Петербургѣ и не ярославки, да мужьямъ помогаютъ. Ты знаешь, у насъ теперь въ Петербургѣ дамскій полъ въ чиновникахъ служитъ.

— Ну-у?.. усумнилась она.

— Вѣрно. Буду я врать, что ли! Мужъ въ одномъ департаментѣ, а жена въ другомъ... Въ пять часовъ домой сходятся и обѣдаютъ. И называется это женскій трудъ... Такая мода пошла. Объ этомъ нешто въ газетѣ не читала? Такая мода...

— А дѣти-то какъ же? А стряпня?

— Дѣтей няньчатъ няньки, а стряпаютъ кухарки. И у тебя стряпуха будетъ. Я работницу и по сейчасъ держу, которая намъ стряпаетъ, насъ обстираетъ и квартеру сторожитъ. Она и при тебѣ останется.

Въѣхавъ на Петербургскую сторону, они поколесили по двумъ-тремъ улицамъ съ деревянными домами и, наконецъ, Зваровъ постучалъ въ окно кареты и крикнулъ извозчику:

— Подержи налѣво у воротъ! Вотъ на углу наша мясная лавка, а на дворѣ наша квартира,

обратился онъ къ женѣ, отворилъ дверцу кареты и скомандовалъ женѣ:—Вылѣзай!

У Лукерьи Ивановны все время замирало сердце, пока она ѣхала мимо громадныхъ каменныхъ домовъ, ей было какъ-то жутко думать, что она должна жить въ такомъ домѣ, но когда она увидала деревянные двухъ этажные дома Петербургской стороны и передъ такимъ домомъ остановилась карета, у ней на сердцѣ стало легче.

— Это тоже Петербургъ? спросила она у мужа, выйдя изъ кареты.

— А то что же? Тотъ же Петербургъ, только зарѣчная часть!.. Эй, ты! Гаврюшка! крикнулъ онъ мальчику въ кровавомъ передникѣ, стоящему на порогѣ мясной лавки.—Полно тебѣ въ носу-то ковырять! Иди хозяйкѣ помогать выгружаться изъ кареты!

Мальчишка со всѣхъ ногъ бросился къ каретѣ. Прибѣжалъ и рыжебородый приказчикъ въ еще болѣе грязномъ передникѣ, опоясанный ремнемъ, съ наборомъ ножей въ ножнахъ, и вдвоемъ они начали вытаскивать изъ кареты пожитки Лукерьи Ивановны. Рыжебородаго приказчика она узнала. Онъ былъ изъ сосѣдской деревни и пріѣзжалъ туда годъ тому назадъ на побывку.

— Лаврентій Тихонычъ, кажется? привѣтливо спросила она его.

— Точно такъ, хозяюшка, отвѣчалъ онъ почтительно.

— Вамъ письмо есть отъ вашихъ и мѣшечекъ гостинца. Кланяются... Поскорѣй побывать у нихъ просятъ.

Зваровъ слушалъ и морщился. Ему, какъ хозяину, не нравилась такая фамильярность съ приказчикомъ.

— Забирай ребять-то, забирай! крикнулъ онъ на жену.—Нечего съ нимъ растабарывать!

Приказчикъ и мальчикъ понесли во дворъ пожитки. Лукерья Ивановна взяла на руки дѣвочку и направилась за ними. Сынъ Павля бѣжалъ сзади. Зваровъ остался разсчитываться съ извозчикомъ, отдалъ ему за проѣздъ и на чай и нагналъ жену.

— Пожалуйста, съ приказчиками себя держи въ аккуратѣ и особеннаго разговора съ ними не распускай, а то они сейчасъ всякое воображеніе на себя напустить могутъ, предостерегъ ее Зваровъ.— Ты хозяйка, а они въ людяхъ служатъ, стало быть должна быть препона.

— Да вѣдь землякъ онъ, Евтихій Павлычъ...

— Здѣсь въ Петербургѣ нашихъ земляковъ до Москвы не перевѣшаешь. Но ты хозяйка и обязана соблюдать себя. Поняла?

Пройдя по двору, Зваровы подошли къ крыльцу двухъ этажнаго деревяннаго флигеля и стали подниматься по лѣстницѣ во второй этажъ.

— Вотъ сейчасъ и квартира наша... говорилъ Зваровъ женѣ.—Это парадная лѣстница для хозяевъ, а тамъ есть еще черная для приказчиковъ и для прислуги. Впрочемъ, я и самъ всегда по черной.. Тамъ удобнѣе.. черезъ кухню. А сегодня это я ужъ для пріѣзда хозяйки.

Онъ позвонился у двери. Отворила кухарка, пожилая босая женщина въ платьѣ изъ темнаго мебельнаго ситца съ крупными цвѣтами величиной

въ яблоко. На Зваровыхъ пахнуло постными щами со снятками.

— Принимай, Матрена, хозяйку... Лукерьей Ивановной должна ее величать, обратился къ ней Зваровъ.—Снимай съ нея шубу-то! Разглядывать нечего... Послѣ разглядишь. Не узоры на ней...

— Матушка, хозяюшка, Лукерья Ивановна! привѣтствовала пріѣзжую Матрена, низко кланяясь.— Наконецъ-то пріѣхала! Самъ-то у насъ чуть не посохъ, тебя ждавши. Покажись-ка, покажись къ свѣту.. Ну-у, да какая ты хорошая и пригожая. Дѣточки-то какіе ангельчики! Совсѣмъ херувимы!

— Довольно, довольно... останавливалъ кухарку Зваровъ.—Не разводи прокламацію... А иди въ кухню и ставь самоваръ. Надо имъ чайку съ дороги.

— Да ужъ налила водой и приготовила, отвѣчала кухарка.—Только углей въ самоваръ наложить.

— Ну, и трафь.

Зваровъ ввелъ жену въ чистую комнату и произнесъ:

— Вотъ наша горница, а тамъ еще махонькая. Квартира изъ четырехъ комнатъ, но сами будемъ существовать въ двухъ. Въ одной у меня живутъ приказчики и мальчики, а другую зеленщику съ его молодцами сдаю, онъ у меня въ мясной полъ-лавки снимаетъ. У насъ они и харчуются. Разоблакай дѣтей-то, разоблакай. Вѣдь ужъ теперь у себя дома, сама хозяйка. Обязана это чувствовать, а тебѣ должны всѣ потрафлять.

Лукерья Ивановна, отыскавъ въ углу образъ, стояла передъ нимъ и истово крестилась. Перекрестился ей за компанію и Зваровъ.

IV.

Зваровъ стоялъ въ шубѣ, не раздѣваясь, и нетерпѣливо билъ себя шапкой по бедру. Онъ только привезъ жену, водворилъ ее въ квартиру, а самъ торопился въ лавку.

— Двухъ горницъ намъ и довольно будетъ, сказалъ онъ женѣ, когда та перестала креститься.— Куда намъ болтаться-то! Къ тому же и не балы давать. Вотъ эта чистая горница будетъ. Тутъ и похлебать, и чаю напиться, и принять нужнаго человѣка, а въ той, махонькой, спать будемъ съ ребятами. Тамъ я новую двухспальную кровать съ матрацемъ поставилъ. Нарочно для твоего пріѣзда купилъ. Кровать—быкъ забодаетъ... Во какая! прибавилъ онъ, улыбнувшись.—Мастери только кружева и прошивки для наволочекъ на подушки.

Лукерья Ивановна была въ восторгѣ и вся сіяла. Она посмотрѣла по сторонамъ и, не видя никого посторонняго, тихо произнесла:

— Въ такомъ разѣ позвольте васъ поблагодарить и поцѣловать...

— Послѣ, послѣ намилуемся, отвернулся онъ отъ нея, такъ что она чмокнула воздухъ, и мах-

нулъ шапкой.—Успѣемъ еще. А теперь гуляй, дѣвушка, гуляй, да дѣла не забывай... Пойду въ лавку... надо посмотрѣть, что тамъ молодцы. Двѣнадцатый часъ... И такъ горячее время упустилъ. Кухарки и хозяйки ужъ искупились. И такъ ужъ, я думаю, у приказчиковъ кой-что къ пальцамъ прилипло. Народъ тоже!.. Народъ ой-ой! Ну, до свиданья! Устраивайся тутъ. Попей чайку... А я часа черезъ полтора вернусь къ обѣду.

Послѣднія слова Зваровъ высказалъ на ходу и исчезъ въ кухню, чтобы мимоходомъ взглянуть на кухарку и выйти черезъ черный ходъ. Тамъ онъ по поводу чего-то мягко выругался и хлопнулъ дверью.

Лукерья Ивановна начала раздѣвать дѣтей и осматривалась.

Комната, гдѣ она находилась, имѣла два окна и была оклеена пестрыми обоями трактирнаго вкуса. Ни шторъ, ни занавѣсокъ въ ней не было. Въ углу висѣла икона въ кіотѣ съ лампадой. Въ простѣнкѣ между оконъ стоялъ столъ, покрытый красной скатертью, и надъ нимъ, на стѣнѣ, лампа. На противоположной стѣнѣ помѣщались старый диванъ потемнѣвшаго краснаго дерева, съ клеенчатой обивкой, пузатый комодъ, на комодѣ зеркало, кривящее лицо, лампа съ розовымъ абажуромъ, а далѣе шкапъ, сквозь стеклянную дверцу котораго виднѣлись чайныя чашки, стаканы и другая посуда. Нѣсколько посуды, четвертная бутыль съ квасомъ и бутылка съ лампаднымъ масломъ стояли на окнахъ. Если прибавить къ этому полдюжины гнутыхъ стульевъ, то вотъ и все убранство комнаты.

Лукерья Ивановна заглянула и во вторую маленькую комнату объ одномъ окнѣ. Тамъ окно было наполовину завѣшено коленкоровой занавѣской на шнуркѣ, а почти всю комнату занимала большая двухспальная кровать краснаго дерева, съ только что отполированными стѣнками у изголовья и ногъ, такъ что отъ нихъ даже пахло спиртнымъ лакомъ. Покрыта она была краснымъ плюшевымъ шерстянымъ одѣяломъ съ пестрыми каймами, а на одѣялѣ красовались четыре подушки, но только одна изъ нихъ въ бѣлой наволочкѣ. Надъ кроватью былъ прибитъ къ стѣнѣ восьмиконечный старообрядческій мѣдный крестъ. Тутъ же стоялъ небольшой платяной шкапъ. Лукерья Ивановна попробовала руками тюфякъ. Тюфякъ былъ пружинный.

Въ большой комнатѣ Матрена звенѣла чайной посудой и разговаривала съ ребятишками.

— Ангельчики... херувимчики... Умаялись, поди, въ дорогѣ-то? Не доспали, не доѣли... Охъ, ужъ эта дорога чугунная! Скоро везутъ, да отдыха не даютъ. По минутамъ на станціяхъ стоятъ. Виданное ли это дѣло! Устали? А? Ну, сейчасъ напоимъ васъ, накормимъ и спатеньки уложимъ, бормотала она.

Лукерья Ивановна вышла къ ней и сказала:

— Напрасно, милая, съ самоваромъ-то трудишься. Всю дорогу мы пили. Сыты по горло.

— Ну, вотъ... Какъ же съ дороги-то да безъ чаю? Не порядокъ. Чай не порохъ, не разорветъ. Выпьешь.

— Выпить, конечно, можно. Но лучше бы ты намъ криночку молочка для ребятъ раздобыла.

— Ой! Неужто по постамъ даешь? Вѣдь теперь у насъ постъ Великій.

— Грѣшимъ. Питерскіе мужчины избаловали. Понаѣдутъ на побывку, да учатъ, что ничего этого для дѣтей не надо. Сама-то я ни-ни-ни... Ни въ жизнь не оскоромлюсь. А вотъ дѣтямъ. Дѣвочка-то у меня хиленькая, по осени такъ горлышкомъ хворала, что ужъ подъ образа клали, думали, что совсѣмъ кончится, да ужъ фельдшеръ спасъ. Мальчикъ тоже свалился. Такъ вотъ свекровка и разрѣшила; чтобъ для поправки, значитъ. А свекровь у меня строгая.

— Такъ и слѣдуетъ, сударушка, кивнула ей Матрена.—Старые люди должны законъ соблюдать и по благочестію жить. А разрѣшила, такъ, стало быть, можно.

— Такъ нельзя ли достать, милая, криночку.

— Криночку нельзя. Кринокъ у насъ тутъ въ Питерѣ нѣтути. А бутылку или двѣ можно. Сколько хошь тебѣ бутылокъ изъ лавки предоставлю.

— Пожалуйста. Хоть бутылочку... Вотъ деньги.

— Мнѣ теперь отъ дома отойти невозможно, потому что сейчасъ приказчики и мальчики изъ лавки обѣдать приходить будутъ, такъ имъ собирать придется, а мальчишку я въ лавочку пошлю, какъ явится. Онъ живымъ манеромъ спорхаетъ. Охъ, мальчикъ-то! Вылитый папашенька! добавила старуха Матрена, постоявъ передъ Павлей, и отправилась за самоваромъ.

Вскорѣ никелированный нарядный самоваръ пыхтѣлъ на столѣ. Лукерья Ивановна заваривала чай въ расписномъ пузатенькомъ чайникѣ, а Матрена стояла у дверной притолоки, приложа ладонь руки къ морщинистой щекѣ и придерживая локоть дру-

гой и, переминаясь босыми ногами, спрашивала Лукерью Ивановну:

— Сколько разъ рожала-то ты, сударушка?

— Да вотъ двое у меня. Два раза, стало быть.

— И... Это что за роды! Я девять разъ рожала, да вотъ, не привелъ Богъ въ семьѣ жить. Мужъ пилъ несообразно. Сапожникъ онъ былъ въ нашей сторонѣ. У насъ все больше сапожники. Тверская я... Изъ-подъ Кимры мы... И вотъ одного только сохранила младшенькаго, да и тотъ на войнѣ въ солдатахъ. Дочка была выдана замужъ за скорняка, померла; одинъ сынъ на баркѣ утонулъ, еще дочка въ портнихахъ въ Твери была и теперь тоже померши. Вотъ теперь служу въ людяхъ, маюсь въ стряпухахъ за четыре рубля. Всѣ перемерли... Можетъ статься, и послѣдній-то, что въ солдатахъ, Богу душу отдалъ. Ничего объ немъ не извѣстно.

Старуха взяла кончикъ головного платка и отерла имъ слезившіеся глаза.

Лукерьѣ Ивановнѣ стало ее жалко.

— Постой-ка, я тебя деревенскимъ гостинцемъ подсдоблю ради моего пріѣзда, сказала она, полѣзла въ узелъ, достала оттуда полотенце съ кружевцемъ и прошивкой на концахъ и подала старухѣ.

— Ручничекъ? Ой, милая! Ой, сударушка! Да какое же тебѣ спасибо за это! Деревенскій ручничекъ!.. А я давнымъ давно ничего деревенскаго не видала!.. восклицала старуха, бросилась къ Лукерьѣ Ивановнѣ и поцѣловала ее въ плечо.

— Малинки тебѣ сушеной, нашей деревенской, горсточки двѣ дамъ потомъ, когда разберусь.

Заваришь да выпьешь для пота, продолжала Лукерья Ивановна.

— Спасибо тебѣ, хозяюшка, спасибо, ласковая, бормотала старуха и опять свернула разговоръ на прежнюю тему: — А ты еще рожать будешь много, ты молодая, мужъ у тебя гладкій. Вишь, какъ онъ о тебѣ чувствуетъ! Къ себѣ подъ бокъ выписалъ. А ужъ какъ ждалъ-то тебя! „Что это она не ѣдетъ? Что это застряла?“ А насъ ругаетъ, потому черезъ это все не по немъ. Вчера получилъ отъ тебя писулечку, что ѣдешь, и ожилъ. А сегодня поднялся чуть свѣтъ, сталъ собираться на чугунку—и опять насъ ругать. Меня изругалъ, приказчиковъ изругалъ. И все у него неумытые на языкѣ, прости Господи: „Кабы на васъ, такихъ-сякихъ, говоритъ, положиться было можно, то я долженъ былъ бы самъ съѣздить за женой въ деревню и привезти ее сюда... А вы, говоритъ, ужъ очень безъ меня до карманной выгрузки охочи“. И опять ругать. . А мы, вѣришь ли, какъ передъ Богомъ свѣчка... разсказывала словоохотливая старуха.

Но въ это время въ кухнѣ загромыхали тяжелыми сапогами.

— Наши приказчики обѣдать пришли. Кормить надо, сказала старуха и направилась въ кухню.

V.

Лукерья Ивановна пила чай усердно и сразу влила въ себя двѣ чашки горячей влаги. Пила она въ прикуску. Напоила она и ребятишекъ, давъ имъ по куску черствой булки. Чашки были пестрыя, расписныя, разнокалиберныя и трактирнаго вкуса, съ золотыми ободками. Лавочный тринадцатилѣтній мальчишка въ громадныхъ громыхающихъ сапогахъ, бѣлокурый, какъ ленъ, принесъ для дѣтей Лукерьи Ивановны бутылку молока, купленнаго въ лавкѣ. Остановившись въ дверяхъ и ковыряя въ поздрѣ, онъ глупо улыбнулся и произнесъ:

— Гм... гмы... Тетенька Мавра здорова ли?

— Какая Мавра? удивилась Лукерья Ивановна.

— Да вѣдь я вашъ же... Четырнадцать верстъ отъ васъ... Отъ Рождества... пояснилъ онъ.—Тетенька Мавра Алексѣевна.

— Рождество знаю... Бывала тамъ... А Мавры Алексѣевны не знаю....

— Кривулина. . Кривулины мы... А я сирота... Меня и привезли къ вамъ въ ученье.

— Не знаю, паренекъ... Ничего я не знаю, миленькій... А мужъ не сказывалъ.

Вошелъ рыжебородый приказчикъ Лаврентій Тихоновъ, прожевывая ѣду и съ мокрыми еще отъ хлебова усами. Отеревъ губы грязнымъ перед-

никомъ, онъ остановился у стола, поклонился Лукерьѣ Ивановнѣ и сказалъ:

— Чай да сахаръ... Пріятнаго аппетиту. Еще разъ здравствуйте, хозяюшка. Еще разъ съ пріѣздомъ... Какъ тамъ мои у васъ поживаютъ? Письмечишечко, говорили, есть...

—.Да, да... заговорила Лукерья Ивановна. Есть и письмецо, и посылочка съ гостинцемъ... Да вотъ я еще не разобралась. Сейчасъ я... Въ сундукѣ оно у меня...

— Не извольте безпокоиться.. Можно и до вечера.

— Нѣтъ, нѣтъ... Зачѣмъ же?.. Я сейчасъ.

Лукерья Ивановна достала изъ кармана платокъ, вынула завязанный въ платкѣ ключъ отъ сундука, стоявшаго тутъ же, и отперевъ его, передала приказчику небольшой свертокъ, обшитый пестрядиной, и сильно смятое письмо.

— Благодаримъ покорно. Напрасно безпокоились сейчасъ, хозяюшка, проговорилъ приказчикъ.—А я, собственно, спросить васъ, какъ мои тамъ существуютъ.

— Ничего, здоровы... Только у васъ телка пала лѣтошная... передъ Рождествомъ... Ну, Михайлу забрали въ солдаты... сообщала Лукерья Ивановна.

— Это мы знаемъ... Намъ отписано. Послали мы ему три рубля даже на чай и сахаръ. А вотъ телка-то. Съ чего бы это? Тсс... Падежъ, что ли, у насъ?

— Никакого падежа. Все была здорова... Бла... и вдругъ... А жена клапяется. Мальчика вашего старшенькаго на Елизаветинъ день въ школу опредѣлили къ учителю Митрофану Гавриличу.

— Это намъ все отписано. А не похудала она послѣ болѣзни-то ребятишекъ? Въ тѣлѣ держится? допытывался Лаврентій Тихоновъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Сама и письмо съ посылкой приносила. „Кланяйся, говоритъ, ему и проси, чтобъ пріѣзжалъ лѣтомъ погостить въ деревню".

— Не накопили еще денегъ, Лукерья Ивановна, чтобы на побывку къ своимъ ѣхать, отвѣчалъ приказчикъ.—Хозяинъ-то у насъ крутенекъ, не во гнѣвъ будь вамъ сказано. Просилъ я на Рождество прибавить малость, очень просилъ, потому человѣкъ я, сами знаете, семейный... Мнѣ и въ деревню надо, и на себя. Ну, заругался всякими нехорошими словами, затопалъ ногами... „Вы, говоритъ, воры, вы, говоритъ, грабители, вы, говоритъ, и такъ норовите хозяина на лѣвую ногу обдѣлать". Нѣтъ, не такой онъ человѣкъ, чтобы его обдѣлать!

Приказчикъ тяжело вздохнулъ и сталъ вытягивать изъ пестрядинной оболочки гостинецъ жены.

Хозяйка благоразумно ему отвѣчала:

— Ну, ужъ это ваше дѣло. Какъ-нибудь обойдется у васъ. А я не могу входить въ разсужденіе супруга, по тому самому, что и сама у него подъ началомъ.

— Ну, рубаху своего рукодѣлья прислала и пару ручниковъ! воскликнулъ, весь просіявъ, Лаврентій Тихоновъ.—А у меня только на прошлой недѣлѣ одинъ ручникъ въ банѣ украли. Какъ разъ кстати... Рубаха холщевая... Ахъ, дурища! Знала, чѣмъ угодить супругу. Не обожаю я ситцевыя рубахи.

— Холсты-то нынче вездѣ у насъ плохи... Главная статья, что льны-то подгуляли... бормотала Лукерья Ивановна.

— Свое—вотъ изъ-за чего мило, хозяюшка, улыбнулся онъ, потоптался, хотѣлъ уходить и опять началъ:—Ну, вотъ мы теперь и съ хозяйкой. А то какой домъ былъ? Домъ сирота... Да и пища-то подчасъ сиротская. А то у насъ иногда что было? Что у себя въ лавкѣ обвѣтрило, что съ запашкомъ, то и тащатъ на варево приказчикамъ. Право слово, Лукерья Ивановна... Санитарная команда выбросить приказываетъ, а у насъ: тащи на кухню... Ну, а теперь хозяюшка въ домѣ будетъ, и мы въ надеждѣ... закончилъ онъ, и рыжебородое лицо его стало масляным.

— Ничего я этого не знаю и ничего не вѣдаю, и вы напрасно такимъ манеромъ супротивъ Евтихія Павлыча разговариваете... отвѣчала Лукерья Ивановна.—Не станетъ онъ тухлаго ѣсть!

— Самъ-то онъ въ трактирѣ похлебаетъ за двугривенный... тихо, совсѣмъ понизивъ голосъ, прибавилъ Лаврентій Тихоновъ.—А вѣдь у него въ домѣ артель... Онъ, кромѣ насъ, троихъ зеленщиковъ съ мальчикомъ въ нахлѣбники взялъ. Зеленщикъ-хозяинъ поровитъ капусту промозглую домой свалить, а нашъ—мясо порченное. Каково приказчикамъ-то!

Въ это время показался Зваровъ. Вошелъ онъ черезъ кухню, въ резиновыхъ галошахъ, неслышными шагами, увидалъ стоявшаго передъ Лукерьей Ивановной приказчика и тотчасъ же взглянулъ на него звѣремъ.

— И чего ты тутъ зря топчешься, не понимаю я тебя! воскликнулъ Зваровъ.—Нешто тебѣ здѣсь мѣсто!

— Посылочку ваша супруга отъ моей супруги.... оправдывался Лаврентій Тихоновъ.

— Посылочку! передразнилъ его Зваровъ.—Такъ ты посылочку-то возьми и проваливай. А вѣдь ты пустопорожніе бобы разводишь. Нешто тебѣ здѣсь мѣсто? Нешто тебѣ моя хозяйка пара? Ты зачѣмъ домой пришелъ? Обѣдать? А теперь пообѣдалъ и проваливай въ лавку. Тамъ другіе свою очередь ждутъ и тоже ѣсть хотятъ.

— Я, Евтихій Павлычъ... Я только полюбопытствовалъ...

— Проваливай, проваливай! Нечего тебѣ здѣсь разговаривать! Послѣ поговоришь! Дармоѣды!

Приказчикъ скрылся.

Зваровъ снялъ галоши, снялъ шубу, повѣсилъ ее на гвоздь и очутился въ сѣромъ пиджакѣ. По двухбортному сѣрому же жилету лежала у него надѣтая черезъ шею серебряная часовая цѣпь, изъ-подъ бороды выглядывала пестрая вышивка рубахи-косоворотки. Онъ поцѣловалъ жену. Она притянула его къ себѣ и чмокнула два раза въ щеку.

— Какъ я рада-то, что ужъ я съ тобой теперь! Милый... проговорила она и предложила:—Чайку?

— Да, пожалуй, передъ обѣдомъ для аппетита можно... Да надо и обѣдать велѣть собирать. Матрена! собирай на столъ! Нечего тебѣ тамъ съ приказчиками-то лизаться! крикнулъ онъ кухаркѣ, а

самъ подсѣлъ къ женѣ и сталъ пить чай изъ поставленной ему женой чашки.

Пилъ онъ въ прикуску, подѣливъ на мелкіе кусочки щипчиками кусокъ сахару, взятаго изъ хрустальной сахарницы, пилъ наливая чай на блюдечко, громко всхлебывая и потомъ отдуваясь. Блюдечко держалъ на всѣхъ пяти пальцахъ правой руки и при этомъ блестѣлъ игравшимъ на солнцѣ золотымъ перстнемъ съ печатью, надѣтымъ на указательномъ пальцѣ.

Пила и Лукерья Ивановна „за компанію“ съ мужемъ, какъ она выразилась, и пила тоже въ прикуску.

Зваровъ замѣтилъ это и сказалъ женѣ:

— А здѣсь въ Петербургѣ ты и ребята можете въ накладку чай пить. Я не обожаю въ накладку... А вамъ отчего же?.. Можно и безъ эконо[illegible]ма это у насъ, слава Тебѣ, Госпо[illegible], хватитъ! самодовольно хлопнулъ онъ себя по начинающему вытягиваться животу.—Такъ и пейте... кивнулъ онъ.— Дѣтямъ насчетъ булокъ тоже не жалѣй. Пусть ѣдятъ... На черный хлѣбъ ихъ не неволь. Здѣсь теперь животная болѣзнь, брюшной тифъ, пошла, такъ надо соблюдать себя. И сырой воды имъ не давай пить... Ни, Боже мой... Пусть отварную пьютъ. Отъ сырой-то воды вся эта пакость и заводится. Невидимыя этакія букашки въ здѣшней сырой водѣ сидятъ, и отъ нихъ болѣзнь... Слышишь?

— Слушаю-съ, Евтихій Павлычъ... отвѣчала супруга.

— Ну, вотъ... Да и еще... Напредки мнѣ къ чаю чашки не ставь... Я привыкъ къ стакану.

— Слушаю-съ...

VI.

Напившись чаю, Зваровы обѣдали.

Матрена, убравъ самоваръ и чайную посуду, принесла изъ кухни глиняныя чашки съ поливомъ, солонку деревянную и четыре деревянныхъ ложки, поставила все это на столъ, покрытый красной скатертью, но Зваровъ тотчасъ остановилъ ее и сказалъ:

— Покрой [illegible] бѣлой скатереткой... Да и напредки также къ обѣду напривай.

— Ну-у!? Да вѣдь марко... Чего это вдругъ захотѣлось? Вѣдь не въ Пасху... попробовала возразить Матрена.

— Коли говоритъ хозяинъ—обязана дѣлать! возвысилъ голосъ Зваровъ.

— Мнѣ что! Я пожалуй... А только вѣдь стирки не оберешься. Ребятишки сейчасъ заплещутъ. А у насъ бѣлая скатерть только одна и есть. Къ Пасхѣ на розговѣнье понадобится, а у насъ и нѣтъ.

— Новую купимъ.

Кухарка накрыла столъ поверхъ красной скатерти бѣлой.

— И глиняныя чашки съ деревянными ложками убери, а поставь три тарелки. Серебряными ложками хлебать будемъ, отдалъ новый приказъ хозяинъ.—И такъ всегда ставь. Теперь по-господски обѣдать будемъ.

— Вишь, чего захотѣлъ! улыбнулась Матрена и повиновалась.—Серебряными ложками! Развѣ уже на радостяхъ? Развѣ ужъ изъ-за того, что хозяюшка-то пріѣхала? Ну, инъ, Богъ съ тобой...

Зваровъ полѣзъ въ шкафчикъ, досталъ оттуда три бѣлыя салфетки, трое ножей съ вилками, серебряную солонку и размѣстилъ все это на столѣ. Вошла Матрена съ миской щей со снятками и удивилась.

— Ахъ, вотъ что! Ахъ, вотъ чего захотѣлъ? Захотѣлъ, чтобы все было по-трактирному? сказала она.

— Не по-трактирному, а просто по-господски... отвѣтилъ Зваровъ.

— На что жъ тебѣ ножи-то съ вилками? Вѣдь говядины у насъ сегодня нѣтъ. Чай, постъ великій. А корюху жареную нешто кто рѣжетъ ножомъ?

— Для порядка. Понимаешь? И чтобы такъ было всегда...

Зваровъ перекрестился на икону и сѣлъ за столъ. Сѣла около него и Лукерья Ивановна. Онъ подалъ ей деревянный уполовникъ и сказалъ:

— Пожалуйте... Будьте хозяйкой настоящей. Разливайте по тарелкамъ.

Матрена принесла ломти хлѣба и положила на скатерть.

— На тарелкѣ надо хлѣбъ подавать, на тарелкѣ, наставительно говорилъ онъ ей.

— Ну, что это! Затормошилъ совсѣмъ... роптала Матрена.—Тогда ужъ это совсѣмъ какъ въ трактирѣ.

— Такъ и слѣдуетъ быть, какъ въ трактирѣ, отвѣчалъ Зваровъ.—Подай сюда тарелку. Желаю, чтобъ все было по-настоящему, обратился онъ къ женѣ, перекладывая хлѣбъ со скатерти на тарелку.—А ты, Луша, за всѣмъ этимъ сама наблюдай, когда меня дома не будетъ. Эхъ, уполовничекъ-то у насъ подгулялъ! Не подъ кадрель будетъ. Ну, да я металлическій куплю. Да многое чего купить надо, многое. Придется на многое раскошелиться. Тряси мошной, Евтихій Павловъ, тряси!

— Однако и любите же вы порядокъ! замѣтила ему Лукерья Ивановна.

Онъ уже ѣлъ горячія жиденькія щи, вылавливая въ нихъ снятковъ, и, прожевавъ хлѣбъ, отвѣчалъ:

— А то какъ же? Порядки первое дѣло! Прежде хозяйки не было—ну, и порядковъ не было. А теперь хозяйка... Теперь ау!.. Теперь раскошеливайся... Вонъ она у меня какая бархатная! И глаза миндальные.

— Ну, ужъ?... Что ужъ вы!.. Захвалите... Отъ этого можетъ что-нибудь съ глазу приключиться... заговорила она, вспыхнувъ отъ удовольствія и опуская глаза.

Онъ потрепалъ ее свободной рукой по щекѣ и съ улыбкой сказалъ:

— Мужнино слово никогда не сглазитъ. Кровать нашу двухспальную видѣла? Нравится?

— Ахъ, какая чудесная! Только господамъ и спать. Прямо господская.

— Такъ вѣдь и мы въ люди вышли. Ты вотъ смотри: три года тому назадъ весной я отъ хозяина отошелъ, отъ Луки Матвѣича... Легонькій капиталецъ былъ у меня скопированъ, оптовые мясники кредитомъ помогли, зная мою трезвость... И вотъ я съ возомъ ѣздилъ по дачамъ и цѣлое лѣто говядиной торговалъ. Осенью, собравъ съ дачниковъ должишки, у того же Луки Матвѣича лавку снялъ... Онъ прогорѣлъ и въ трубу вылетѣлъ, а я лавку снялъ и, слава Тебѣ, Господи, два съ половиной года торгую и грошъ къ грошу приколачиваю. И ужъ настолько сколотилъ, что вотъ вторую лавку на дачѣ открываю. Это, стало быть, уже такое происшествіе, что я настоящимъ манеромъ въ люди вышелъ.

— Вы у хозяина, кажется, за выручкой стояли? спросила жена.

— За выручкой... кивнулъ Зваровъ, похлебалъ, докончилъ тарелку и, облизнувъ ложку, сказалъ:—Но вѣдь Лука Матвѣичъ, покойникъ, нешто по поступкамъ поступалъ? Во-первыхъ, у него было большое малодушіе къ вину, а во-вторыхъ, онъ цѣлый день по трактирамъ сидѣлъ и только къ запору лавки за выручкой являлся... И все пьяный... А лавкой заправлялъ приказчикъ. Нешто такъ можно? Такъ никакихъ капиталовъ не хватитъ. Поняла?

— Еще бы не понять! Я не махонькая... ска-

зала супруга.—Ахъ, виномъ заниматься, такъ никогда проку не будетъ. Вонъ, у насъ Филиппъ Максимычъ... Получилъ послѣ тетки, говорятъ, двѣ тысячи рублей, пріѣхалъ въ деревню, женѣ даровъ видимо не видимо привезъ, да какъ началъ вертуномъ ходить...

— А я знаю заповѣдь—не зѣвай, и со мной этого не будетъ, похвастался Зваровъ, хлопнулъ себя въ грудь ладонью и принялся за кашу, жирно поливъ ее постнымъ масломъ изъ бутылки.—Я себя соблюдаю. Со мной этого не будетъ. А все-таки я для тебя и еще одну вещичку куплю. Намѣтилъ я... можно за долгъ взять очень дешево.

— Что такое? нетерпѣливо спросила Лукерья Ивановна.—Скажите...

— Зеркальный шкапъ—вотъ что... Внутри для одежды и всего прочаго, потому полки есть, а въ дверцѣ-то зеркало. Да вѣдь такое зеркало, что во весь ростъ смотрѣться можешь. Поняла?

— Сразу-то гдѣ же понять! Но потомъ пойму.. постараюсь...

— Вотъ тутъ на видномъ мѣстѣ въ этой комнатѣ и поставимъ для видимости... А этотъ старый комодъ можно въ маленькую комнату. Туда и зеркало, что на комодѣ стоитъ. Зеркало-то наше ужъ очень подгуляло.

— Какой вы добренькій!

— Это я отъ актрисы... Актриса тутъ одна есть... Набрала въ долгъ мяса по книжкѣ и не платитъ двадцать одинъ съ полтиной... Я говорю ей: „давайте ужъ хоть вещь какую, коли не можете уплатить“. А она: „да вотъ шкапъ зеркальный. Только

вы должны мнѣ прибавить двадцать пять рублей". А я ей—пятерку. Отдастъ, коли мировому подамъ на нее, за десять рублей... Барынька-то она честная, да заминка у нихъ: театральный хозяинъ сбѣжалъ. А шкапъ аховый, три четвертныя бумажки навѣрно стоитъ... разсказывалъ Зваровъ, кончивъ обѣдать, всталъ изъ-за стола и помолился на образъ. Онъ взялъ съ кровати подушку и, снявъ только пиджакъ, завалился на диванъ, сказавъ:

— Вы тутъ потише покуда, а я часокъ отдохну. Вотъ теперь безъ опаски соснуть можно, потому въ лавкѣ никакой торговли... Всѣ искупились... И такъ до четырехъ часовъ, пока на ужинъ не придутъ покупать... Хоть шаромъ покати, никого въ лавкѣ до четырехъ... Выручка заперта... Мясо у меня сосчитано. Сейчасъ сосчиталъ... Да мясо-то и украсть трудно... Куда его?.. Развѣ любовницѣ кусокъ сунутъ?.. Но опять сказать: опаска нужна... другіе приказчики видятъ. А мальчикъ Гаврюшка у меня зоркій и покуда еще не балованный... Я когда ухожу на короткій срокъ—за выручку его ставлю... Ежели и утянетъ—ну, утянетъ двѣ-три копѣйки на пряники и сѣмечки, много что пятачокъ. Да и то сказать: вѣдь ужъ у хлѣба не безъ крохъ...

Послѣднія слова онъ бормоталъ, ужъ засыпая, а минутъ черезъ пять засопѣлъ носомъ и потомъ захрапѣлъ. Громыхала сапогами вторая смѣна приказчиковъ, проходившая въ кухню обѣдать, шумѣли и ссорились съ кухаркой изъ-за харчей нахлѣбники-зеленщики, а Зваровъ не просыпался и продолжалъ храпѣть. Онъ соблюлъ свою запо-

вѣдь „не зѣвай“, и теперь отдался на отдыхъ спокойный.

Дремалъ и сынишка Зварова Павля, а дѣвочка Дуня такъ даже заснула на рукахъ матери. Лукерья Ивановна перетащила ихъ въ маленькую комнату и стала укладывать на новую кровать.

„Господи, какая я счастливая, что мужъ меня къ себѣ отъ свекрови выписалъ. Буду ему за это самой вѣрной рабой и работницей“... думала она, и на красивыхъ ея глазахъ выступили слезы радости.

Она перекрестилась.

VII.

Прошла у Лукерьи Ивановны первая ночь подъ петербургскимъ кровомъ мужа. Утромъ Зваровы проснулись рано, а весь домъ уже былъ на ногахъ. Приказчики, стараясь не шумѣть, пили чай и сбирались идти въ лавку. Громыхая желѣзной трубой около плиты, Матрена ставила для хозяевъ второй самоваръ, когда Евтихій Павловичъ съ перекинутымъ черезъ шею полотенцемъ привелъ жену въ кухню къ водопроводному крану умываться.

— Покуда вотъ здѣсь мойся. А потомъ купимъ и поставимъ себѣ рукомойникъ въ спальнѣ.

Лукерья Ивановна мылась и очень дивилась,

какъ это вода идетъ черезъ кранъ изъ стѣны, попадаетъ въ раковину и сама исчезаетъ неизвѣстно куда. До сихъ поръ, живя безвыѣздно въ деревнѣ, она никогда еще не видала водопровода.

— Какъ это чудно и удивительно! сказала она мужу, улыбаясь.

— Привыкай и не очень ахай. А то смѣяться будутъ! Здѣсь еще и почуднѣе вещи найдутся, отвѣчалъ онъ ей.—Напримѣръ, телефонъ. Знаешь ли ты, что это?

— Читать въ газеткѣ читала, а что такое—не знаю. Никогда не видала.

— По проволокѣ изъ одного конца города въ другой люди разговариваютъ. Ну, да потомъ разскажу... А теперь на вотъ полотенце, утирайся, а потомъ приноси ребятъ сюда умывать.

Зваровъ сталъ и самъ плескаться около крана.

Умывшись и садясь къ самовару, Лукерья Ивановна думала, что мужъ будетъ благодушествовать съ ней за чаемъ, но тотъ на другомъ концѣ стола щелкалъ на счетахъ, перебирая какія-то записки, наскоро выпилъ стаканъ и ушелъ, сказавъ, что ему надо принимать мясо, а къ обѣду онъ вернется.

Лукерья Ивановна осталась одна съ Матреной.

— Что же стряпать-то къ обѣду? Убѣжалъ онъ и ничего не сказалъ, говорила ей Матрена.—Стало быть, ты теперь хозяйка.

— Всегда онъ такъ уходитъ спозаранку? спросила Матрену Лукерья Ивановна.

— Всегда. Очень ужъ ретивъ къ дѣлу. Ой, какъ ретивъ! Приказчики-то дивятся. Ну, вотъ что,

сварю я горохъ, благо его ужъ съ вечера намочила.

— Горохъ, такъ горохъ.. Горохъ хорошо...

— Ну, это на хлебово. А кашу-то какую?

— Я, милая, ничего этого не знаю. Какъ у васъ заведено, такъ и дѣлай... Я вѣдь до сихъ поръ все подъ началомъ свекровки жила. Завари такую кашу, какую мужъ любитъ.

— Да онъ у насъ въ разносолахъ не зарывается. А есть положеніе такое, что если вчера была каша грешна, то сегодня пшенна, а завтра ячна.

— Ну, вари ячневую. Ребятишки мои любятъ.

— Ребятишкамъ-то не сварить ли манную на молокѣ отдѣльно въ махонькомъ горшечкѣ? предложила Матрена.—А вамъ, хозяевамъ, можно для твоего пріѣзда и третью ѣду. Хочешь трески вареной съ картошкой? А то и сушенаго судака можно.

Лукерья Ивановна согласилась и на манную кашу, и на треску.

Хозяйничать она не могла, да и не умѣла, но, привыкшая въ деревнѣ къ работѣ подъ началомъ свекрови, скучала безъ дѣла. Оставшись въ комнатѣ одна безъ Матрены, она вымыла чашки, убрала самоваръ, перестлала постель и, когда Матрена, повозившись въ кухнѣ, явилась въ комнату съ вѣникомъ, чтобы мести полъ, она выхватила у ней вѣникъ и принялась сама подметать. Матрена стояла, приложа руку къ щекѣ, умилялась на нее и говорила нараспѣвъ:

— Ой, хозяюшка! Ну, хозяюшка! Вотъ такъ золотыя ручки!

— Иди, иди въ кухню и стряпай, застѣнчиво отвѣчала ей Лукерья Ивановна.—Нечего меня хвалить-то! Захвалишь. А я вымету соръ, такъ приду къ тебѣ картошку помогать чистить.

— Да ужъ вычищена давно картошка, вычищена.

— Ну, дровъ наколю и натаскаю тебѣ въ подмогу. Гдѣ у насъ дрова-то лежатъ?

Матрена засмѣялась.

— Да что ты, хозяюшка! сказала Матрена.—На это у насъ есть дворникъ. Онъ и колетъ дрова и намъ сюда въ квартиру носитъ.

— Ахъ, стало быть, мужъ еще и работника держитъ? удивленно спросила она.

— Не работникъ, а дворникъ. Это ужъ отъ домоваго хозяина, у котораго мы квартиру снимаемъ... Онъ обязанъ... А ежели что нехватка, то у насъ на такую тяжелую работу и молодцы есть. А ты подметешь, да одѣнься... одѣнься да захвати ребятъ... Захвати ребятъ, да и выди съ ними на дворъ погулять. Осмотрись на дворѣ у насъ... Выди за ворота... на улицу. И ребятишекъ прогуляешь, и сама вокругъ дома оглядишься, чтобы тебѣ не совсѣмъ дико было, совѣтовала хозяйкѣ Матрена.—У насъ напротивъ черезъ улицу булочная, по нашей сторонѣ черезъ домъ мелочная лавочка, а наискосокъ-то пивная. Надо, чтобы тебѣ все знать. Такъ вотъ и оглядись... Да и къ мужу-то въ лавку загляни... На углу это .. въ нашемъ домѣ. Не видала вѣдь еще свою торговлю... А онъ радъ будетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, на лавку-то нашу мнѣ посмотрѣть надо... согласилась Лукерья Ивановна.

— Да какъ же нѣтъ-то? Непремѣнно... Зайди и потѣшь мужа. Охъ, молодо! Охъ, зелено! Хорошая ты бабочка, но всему тебя учить надо! покачала головой Матрена.

Подметя полъ, Лукерья Ивановна тотчасъ же сама одѣлась, одѣла ребятъ и стала съ ними уходить изъ квартиры, выйдя въ кухню. Дѣвочку она держала на рукахъ за пазухой шубы, а мальчикъ Павля держался за подолъ ея платья. Выходя на лѣстницу, она спрашивала Матрену:

— Ты вотъ мнѣ про лавочку, Матренушка, про пивную, про булочную... А гдѣ у васъ, милая, здѣсь... Какъ его?.. А гдѣ у васъ здѣсь телефонъ?

— Телефонъ? протянула Матрена.—Какой телефонъ?

— А вотъ что по проволокѣ-то другъ съ дружкой разговариваютъ.

— По проволокѣ? Ахъ, знаю, знаю! Я на бумагопрядильной фабрикѣ работала, такъ видѣла его. Только на что же онъ тебѣ-то, сударка?

— Да просто, чтобы посмотрѣть... конфузливо отвѣчала Лукерья Ивановна. — Ужъ учиться въ Питерѣ, такъ надо всему учиться. И къ лавочкѣ привыкать, и къ булочной, и на телефонъ заглянуть. Даве мужъ сказывалъ, что ужъ очень чудно. Съ одного, говоритъ, конца подойдутъ, а на другомъ концѣ разговоръ.

— Брось... Ничего нѣтъ чуднаго. Даже очень просто... Ничего забавнаго.

— А какъ же это, Матренушка?

— По всему городу проволоки надъ домами протянуты и на фабрики проведены. Ну, вотъ съ одной стороны одинъ возьметъ проволоку въ зубы, а съ другой другой... Ну, и разговариваютъ.

— Да гдѣ жъ эти проволоки-то можно посмотрѣть? допытывалась Лукерья Ивановна.—Хочется передъ мужемъ-то мнѣ поскорѣе всему обучиться, чтобы дурой не быть, прибавила она.

Матрена опять махнула рукой.

— Оставь, здѣсь глухая сторона, гдѣ мы живемъ, здѣсь этихъ проволокъ нѣтъ. А ты иди къ мужу-то скорѣй. Онъ ребяткамъ пряничковъ купитъ.

Лукерья Ивановна вышла на дворъ. Дворъ былъ грязный. Снѣгъ не вездѣ еще таялъ, лежалъ въ тѣни за углами. По грязному ледяному черепу были прорублены канавки и вода отъ тающаго снѣга бѣжала по нимъ въ водосточную трубу. Пригрѣвало солнце. На карнизахъ чирикали воробьи, радуясь пригрѣву. На обтаевшемъ навозѣ копались куры и торжествующе пѣлъ пѣтухъ, потрясая краснымъ гребнемъ.

Лукерья Ивановна обошла дворъ. Павля тотчасъ же нашелъ щепку, пустилъ ее по бѣжавшей водѣ канавки и крикнулъ:

— Мама! Лодка! Смотри, лодка плыветъ.

На заднемъ дворѣ за флигелемъ, гдѣ жилъ Зваровъ, около сарайчика дворникъ кололъ дрова. Изъ ветхаго помѣщенія, рядомъ съ этимъ сараемъ мальчикъ Зварова Гаврюшка тащилъ на спинѣ большой кусокъ ослизлой солонины и, увидя хозяйку, поклонился ей.

— Ты нашъ, паренекъ? спросила она его, не узнавъ.

— Вашъ, хозяюшка.

— А кому это ты мясо-то тащишь?

— Въ лавку, покупателямъ. Это ледникъ нашъ.

Поднялъ голову и дворникъ, коловшій дрова, и осмотрѣлъ Лукерью Ивановну съ ногъ до головы.

— А вы кто будете? Откуда вы? задалъ онъ ей вопросъ.

— Супружница Евтихія Павлыча. Вчера пріѣхала изъ деревни.

— Мясника? Прописаться надо, коли такъ. Безъ прописки жить нельзя. Здѣсь Питеръ, а не деревня, наставительно произнесъ онъ.—Приготовьте паспортъ. Я зайду за нимъ.

— А вы кто будете? Сотскій? поинтересовалась она.

— Какое сотскій! Дворникъ. Здѣшній дворникъ. И обязанъ паспортъ взять и въ участкѣ его прописать.

„Ахъ, вотъ дворники-то здѣсь какіе! Какой строгій мужчина“, подумала она и прибавила вслухъ:

— Коли мужъ отдастъ, берите. А я ничего этого не понимаю.

Она потопталась около дворника и стала отходить отъ него.

VIII.

Лукерья Ивановна робко вышла за ворота и посмотрѣла направо и налѣво вдоль улицы. Улица была узкая съ деревянными домами. Передъ ней разстилалась ухабистая послѣ весенняго взбучиванія булыжная мостовая. Какъ разъ напротивъ воротъ была мелочная лавочка съ ситными хлѣбами и расписными чашками и чайниками на окнахъ. Тутъ же лежали горкой апельсины и стояли рюмки съ воткнутыми въ нихъ лимонами. Ее потянуло въ лавку.

— Семъ-ка я сѣмечекъ себѣ куплю на потѣху на копѣйку, а ребятишкамъ по пряничку, подумала она и вошла въ лавку.

На полкѣ стояли банки съ вареньемъ и голова сахару, на полу кадки съ квашеной капустой, солеными огурцами, ящики съ крупой, мукой и макаронами. Пахло керосиномъ и постнымъ масломъ, висѣли связки веревокъ, кнуты, наклеенныя на картоны размалеванныя объявленія о папиросахъ „Зефиръ“ и „Купидонъ“.

„Совсѣмъ какъ у насъ въ деревнѣ“, рѣшила она и спросила, что ей нужно, у толстаго лавочника въ картузѣ, передникѣ и съ полусѣдой бородой на красномъ лицѣ.

Отпуская товаръ, лавочникъ вглядывался въ нее и спросилъ:

—А чьи вы будете, молодушка?

— Евтихія Павлыча супружница, опять отвѣчала она ему, какъ и давеча дворнику.

— Зварова? Знаемъ, знаемъ, какъ не знать! Со сѣдъ и покупатель. Хвастался онъ намъ, что выписываетъ сожительницу. Мы оттого и спросили, что видимъ новую даму въ публикѣ. Съ пріѣздомъ!. Когда изволили пріѣхать?

— А вчерась только.

— Такъ... такъ... Не бывали въ Питерѣ-то раньше?

— Гдѣ же бывать! У насъ такіе порядки, что мужчины къ намъ пріѣзжаютъ на побывку... а не мы...

— Такъ... такъ... Я вѣдь и самъ вашей губерніи... Землякъ... А только мы романовскіе.

— А мы любимскіе...

— Знаю... знаю... Дико, поди, въ Петербургѣ-то вамъ спервоначалу?

— Не то чтобы дико было, а само собой, все удивительно.

— Ничего... Попривыкнете помаленьку, успокоивалъ ее лавочникъ.—Теперь супругъ въ гору пошелъ, вторую лавку открываетъ. Парочка ребятишекъ-то только?..

— Мальчикъ и дѣвочка...

— Ну, люди молодые... Народите еще.

Онъ вышелъ изъ-за прилавка, погладилъ шершавой рукой по щекамъ Павлю и Дуню, полѣзъ въ банку, вынулъ оттуда два леденца, и далъ имъ по леденцу, ласково сказавъ:

— Молодымъ покупателямъ... Это отъ насъ... Пососите на здоровье... и кланяйтесь папенькѣ...

Лукерья Ивановна была окрылена лаской молочного лавочника и направилась къ мужу въ мясную лавку, которая была сейчасъ же на противоположной сторонѣ на углу улицы. Павля бѣжалъ около нея, держась за юбку, и ѣлъ пряникъ.

Прежде чѣмъ войти въ лавку, она полюбовалась на вывѣски, висѣвшія на дверяхъ. Одна изъ нихъ принадлежала мясной торговлѣ ея мужа, а другая зеленной торговлѣ, для которой снималъ полъ-лавки у ея мужа торговецъ-зеленщикъ Раструбинъ. На первой вывѣскѣ былъ изображенъ бурый быкъ съ необычайно громадными рогами и три бѣленькія овечки, пасущіяся на ярко-зеленомъ лугу, а на второй—группа, состоящая изъ кочна капусты, пучка красной моркови и пучка свеклы. Тутъ же были изображены кадушка съ надписью „масло“ и воза съ яйцами. Стоявшую у дверей лавки Лукерью Ивановну тотчасъ же замѣтилъ въ отворенную дверь самъ Зваровъ и вышелъ къ ней. Онъ былъ въ передникѣ поверхъ пальто.

— А! Кувалда Ивановна! Проминажъ съ ребятишками сдѣлать пошла? Чудесно... сказалъ онъ, улыбаясь.—А я только что за тобой мальченку хотѣлъ послать. Входи, входи...

— Полюбопытствовать пришла, какъ вы торгуете, отвѣчала она, переступая порогъ лавки.

— Не любопытствовать надо, а приглядываться и учиться. За тѣмъ я за тобой и посылать хотѣлъ.

Полъ лавки былъ усыпанъ опилками, на полкахъ лежало и на луженыхъ крючьяхъ висѣло мясо разныхъ сортовъ. Полъ-лавки было занято зеленной торговлей и за прилавкомъ стоялъ въ

бѣломъ передникѣ и картузѣ, съ серьгой въ ухѣ благообразный мужчина съ черной клинистой бородкой. Лукерья Ивановна, какъ вошла, тотчасъ же стала креститься на большой образъ Николы съ теплящейся передъ нимъ лампадкой, а затѣмъ поклонилась всѣмъ приказчикамъ направо и налѣво и произнесла:

— Здравствуйте! Богъ на помощь.

Въ лавкѣ стояла какая-то растрепанная кухарка въ дырявомъ байковомъ платкѣ и ругала приказчиковъ.

— Вамъ повѣрить, такъ трехъ дней не проживешь. Вы и Бога продадите. На то вы и торговцы, закончила она, обращаясь больше къ зеленщику.

— Потише, госпожа кухарочка, потише! А то неравно печенка лопнетъ, снисходительно останавливалъ онъ ее.

Она погрозила ему кулакомъ и, забравъ покупки, вышла изъ лавки.

Въ лавкѣ осталась еще нѣмка-хозяйка въ шляпкѣ и драповой кофточкѣ, съ ридикюлемъ въ рукахъ, плохо говорящая по-русски, которой приказчикъ Зварова только что сейчасъ отрѣзалъ и свѣсилъ три съ половиной фунта мяса. Она расплатилась со Зваровымъ, стоявшимъ за выручкой, и тоже ушла.

Въ лавкѣ были только хозяева и приказчики.

— Ну, что жъ, много жиру разгуляла? опять шутливо обратился Зваровъ къ женѣ.—Садись... Сейчасъ торговлѣ тебя учить будемъ. Ахъ, да съ жильцомъ-то нашимъ я тебя и не познакомилъ.

Вотъ Захаръ Кузьмичъ Раструбинъ... указалъ онъ на зеленщика.

Тотъ тотчасъ же вышелъ изъ-за прилавка и протянулъ Лукерьѣ Ивановнѣ руку.

— Вашъ же землякъ, только другого уѣзда. Огородницкаго... уѣзда, Ростовскаго, отрекомендовался онъ.—А васъ съ пріѣздомъ...

— Знаю я, что наши ростовскіе всѣ огородники... откликнулась Лукерья Ивановна, улыбаясь и показывая бѣлые зубы.

— Порѣчьинская волость, такъ вся сплошь цикорники и горошевники. А кто въ Питерѣ изъ мужчинъ существуетъ, такъ женскій полъ горошкомъ по лѣтамъ занимается. Вотъ и у меня въ деревнѣ такая же, какъ вы, благовѣрная на каменномъ фундаментѣ существуетъ и тоже горошкомъ занимается.

— А вы что жъ ее къ себѣ не выписываете?

— На ноги еще настоящимъ манеромъ не встали. А какъ будемъ въ исправности, то само собой... А пока пускай гряды копаетъ. Цикорій свой, а на кофей мужъ вышлетъ...

— Ну, садись и приглядывайся къ торговлѣ, сказалъ ей мужъ, когда разговоръ съ зеленщикомъ кончился.—Хочешь учиться, такъ сейчасъ я тебѣ разскажу про нашъ товаръ.

— А что жъ, разсказывайте... я очень рада.

— Лаврентій! Покажи кусокъ ссѣку! отдалъ приказъ Зваровъ.

Рыжебородый приказчикъ снялъ багромъ со стѣнного крючка кусокъ мяса и положилъ его на колодку.

— Вотъ это горбушка ссѣка называется, пояснялъ Зваровъ.—А вотъ при немъ голяшка. Кухарки и хозяйки ужасно какъ этой голяшки не любятъ и все изъ-за нея съ мясникомъ ссорятся. Да... Ссорятся и требуютъ ее отрѣзать. А отрѣзать нельзя. Тогда убытокъ будетъ. Поняла? Это первый сортъ будетъ.

— Какъ-нибудь поймемъ, отвѣчала Лукерья Ивановна.

— Ну, убирай, Лаврентій, и давай сюда середку бедра. Давай и кусокъ лопатки...

Приказчикъ перемѣнилъ кусокъ мяса и, ухмыляясь, произнесъ:

— Сразу не сообразить имъ. Всегда перепутаются.

— Два, три раза покажемъ, а потомъ сообразитъ и будетъ знать. На то ярославка. А вотъ это тонкій край на крюкѣ виситъ, вотъ это толстый край... Изъ этого вырѣзку для бикштеса вырѣзаемъ. Покажи ей вырѣзку.

Зваровъ взялъ багоръ и указывалъ на висящіе и лежащіе куски мяса, называя ихъ сорта.

— Чаю не хочешь ли? вдругъ спросилъ онъ ее.—Недавно заварили.

— Спасибо. Дома пила до отвалу.

Зеленщикъ выбралъ рѣпу, разрѣзалъ ее пополамъ и подалъ дѣтямъ Зварова, сказавъ:

— Отъ насъ угощеніе... Пускай побалуются. Все-таки зубкамъ потѣха.

Въ это время вошла сначала одна покупательница, а потомъ другая.

Застучалъ топоръ, дробя куски мяса.

IX.

Прошло дней пять со времени пріѣзда Лукерьи Ивановны. Она обжилась на новомъ для нея пепелищѣ. Съ Матреной она прямо подружилась, хотя мужъ на нее за это косился и даже прямо выговаривалъ:

— Хозяйка, такъ ужъ хозяйку въ себѣ и содержать должна, а ты съ ней кофеи да чаи распиваешь! Нашла компанію! Это все равно, если бы я съ своими приказчиками пиво пить по портернымъ ходилъ. Какой тогда у ней къ тебѣ страхъ будетъ?

Съ пріѣздомъ жены начала измѣняться и обстановка квартиры Зварова. Продранная на диванѣ клеенка была замѣнена новой. На окнахъ комнатъ появились шторы, купленныя въ рынкѣ, повѣшены были кумачевыя занавѣски на карнизахъ. Вѣшали ихъ приказчики, бѣлыми узенькими кружевцами обшивали Лукерья Ивановна и Матрена. Въ спальной появился желѣзный умывальникъ съ педалью и фаянсовой чашкой. Зваровъ долго забавлялся педалью, нажимая ее и показывая ребятишкамъ, какъ изъ крана струей выскакиваетъ вода. Павля гоготалъ отъ восторта и подсовывалъ подъ струю руки. Первое время самъ Зваровъ даже два-три раза въ день излишне мылся, до того ему нравился этотъ умывальникъ.

Наконецъ, два носильщика внесли въ квартиру и зеркальный шкафъ, о пріобрѣтеніи котораго го-

ворилъ Зваровъ. Самъ онъ сопровождалъ носильщиковъ и торжественно объявилъ женѣ:

— Только семь рублей прибавилъ актрисенкѣ къ ея долгу, а она, дура, и согласилась отдать! Вещь-то вѣдь аховая. Быкъ забодаетъ.

И супруги Зваровы, отпустивъ носильщиковъ, начали смотрѣться въ дѣйствительно прекрасное зеркальное стекло шкафа. Зваровъ корчилъ лицо передъ зеркаломъ, хмурилъ брови и, дѣлая важный видъ, даже кланялся въ зеркало и говорилъ самъ себѣ:

— Добраго здоровья, Евтихій Павлычъ... Какъ дѣла? Когда вторую лавку открываете?

Лукерья Ивановна захлебывалась отъ восторга и съ придыханіемъ произносила:

— Какой вы добренькій... и даже, можно сказать, душка...

Еще дня черезъ два Зваровъ сталъ толковать о покупкѣ лошади и телѣжки.

— Торгую я тутъ у одного цыгана меренка гнѣдого... Да и телѣжка наклевывается подержанная. А сбруя у меня есть старая. Вѣдь надо въ чемъ-нибудь товаръ-то возить въ дачную лавку. Вѣдь ежели по желѣзной дорогѣ возить, то выйдетъ канитель. Положимъ, на вокзалъ-то можно и на ручной телѣжкѣ съ мальчишками послать. Но на вокзалѣ-то сдай, а тамъ на мѣстѣ прими и опять вези на ручной телѣжкѣ. Потребуются двѣ ручныя телѣжки. Такъ ужъ лучше прямо до мѣста.

— Дѣлайте, какъ хотите... Вамъ съ горы виднѣе... Вы умный... А я что же понимаю? скромно отвѣчала жена.

— Такъ вотъ я присматриваю. А телѣжку куплю простую, крестьянскую, но легонькую и рессорную, чтобы можно было и самому подчасъ къ тебѣ на дачу проѣхать. Все-таки не платить по конкѣ и на желѣзной дорогѣ, прибавилъ онъ. — Полъ-теленка съ собой захватилъ для лавки—ну, и поѣхалъ.

Вскорѣ на дворѣ и появилась такая телѣжка, купленная Зваровымъ, и была поставлена въ дровяной сарай. А черезъ день цыганъ привелъ лошадь. Лошадь запрягали въ телѣжку, пробовали на ѣздѣ, на дворъ была вызвана Лукерья Ивановна и тоже смотрѣла лошадь, скормивъ ей ломоть хлѣба. Зваровъ торговался съ цыганомъ, прибавляя ему по рублю, цыганъ божился, клялся, что ему убытокъ, и сбавлялъ по рублю. Все населеніе двора присутствовало при покупкѣ лошади. Наконецъ, ударили по рукамъ. Лошадь была куплена и началась передача ея поводка „изъ полы въ полу“. Цыганъ взялъ поводъ лошади въ полу своего пальто и передалъ поводъ въ руку Зварова, прикрывшаго руку тоже полой пиджака.

Лошадь поставили тоже въ дровяной сарай около ледника и поручили старшему лавочному мальчишкѣ Игнашкѣ ходить за ней.

— Красную кумачевую рубаху за это тебѣ къ Пасхѣ подарю... объявилъ ему хозяинъ, но доволенъ покупкой лошади не былъ и, уходя со двора, говорилъ женѣ: — Пять рублей лишнихъ цыгану просолилъ. А изъ-за чего? Очень ужъ много всякой публики на дворѣ собралось, всякій свои слова распространяетъ, подъ руку говоритъ. Тьфу!..

плюнулъ онъ. — Пять рублей на куль овса годились бы...

На другой день, свѣтлымъ вечеромъ, Зваровъ поручилъ Матренѣ ребятъ и поѣхалъ на своей лошади вмѣстѣ съ женой показывать ей лавку, снятую имъ на дачѣ.

Лавка была снята между Лѣснымъ и Удѣльнымъ, въ маленькомъ деревянномъ ветхомъ домишкѣ. Была одна комната со стеклянной дверью для лавки, а сзади ея двѣ комнаты для жилья.

— Вотъ въ этихъ двухъ комнатахъ ты и будешь существовать съ ребятами и приказчиками, а я къ тебѣ изъ города наѣзжать буду, пояснилъ Зваровъ женѣ.—Я тамъ хозяйничать буду, а ты здѣсь. Сама за выручкой стой, пока утромъ покупатели, а потомъ запрешь выручку и стряпать ступай. Здѣсь ужъ стряпухи держать не будемъ. Сама можешь...

— Да это что!.. пробормотала она. — Только бы вамъ угодить.

— Мнѣ угодить, такъ смотри въ оба и не распускай слюни—вотъ и угодишь. Разумѣется, надо и приказчиковъ накормить, и мальчика... Не разносолы имъ готовить. Все это плевое дѣло... продолжалъ Зваровъ. — Сюда я къ тебѣ Лаврентья рыжаго поставлю, да придется еще одного молодца принанять. Лаврентій дѣло знаетъ, онъ ходокъ по мясной части, а только и воровать же!..

Затѣмъ въ садикѣ при дачѣ, на крытомъ крылечкѣ, пока отдыхала лошадь, Зваровы пили чай, сидя за самоваромъ, поставленнымъ для нихъ услужливой дворничихой. Вечеръ былъ тихій,

сравнительно теплый, пахло смолистыми почками тополя, бузины, нераспустившимися еще рожками свернутыхъ листиковъ черемухи.

— Старуха Матрена, стало быть, при васъ останется? робко спросила Лукерья Ивановна.

— А то какъ же? Кто же намъ стряпать станетъ? отвѣчалъ Зваровъ.

— Я собственно насчетъ дѣтей...

— Что насчетъ дѣтей? Начинаешь ужъ бѣлоручничать? Скоро!

Зваровъ возвысилъ голосъ.

— Нѣтъ, я собственно къ тому, что, значитъ, при себѣ ихъ въ лавкѣ держать, пока я за выручкой стоять буду...

— Само собой... Вѣдь не грудныя у тебя... Павлушка можетъ по улицѣ и по двору бѣгать. Чего ему?.. На воздухѣ-то даже лучше... Воспареніе вокругъ, и все... А Дуня при тебѣ... Ну, посадишь ее въ корзинку за прилавкомъ, положишь, что ли... Вѣдь жила же въ деревнѣ безъ работницы и сама работала.

— Въ деревнѣ бабушка присматривала.

— А здѣсь, въ случаѣ чего, лавочный мальчикъ Гаврюшка присмотритъ, котораго я поставлю въ здѣшней лавкѣ. Еще ничего не извѣстно, барышиста ли и тутошная лавка-то будетъ. Ширяться я не могу... чтобъ и тутъ работницу нанимать. Безъ хозяйскаго ока я эту лавку не могу оставить. Иначе все разворуютъ... Для этого только тебя и выписалъ, чтобъ помогала мнѣ. Свой глазъ — алмазъ. Ну, одинъ глазъ въ выручку, другой—на дѣтей.

— Хорошо, хорошо... Я только такъ спросила... оправдывалась жена.—Чего вы сердитесь!

— Не сержусь я... а хочу, чтобы ты была вразумительная... Работать надо... Не забастовки же намъ дѣлать, какъ теперь мода пошла... Мы, слава Тебѣ, Господи, теперь сами хозяева... Объ облегченіи нечего думать... а надо, не покладывая рукъ, работать, наставительно отчитывалъ жену Зваровъ.—Вѣдь рабочіе изъ-за чего не работаютъ? Досадить хозяевамъ хотятъ и лишнее у нихъ выудить. А намъ у кого выуживать? Кому досаждать? Мы сами по себѣ...

Попавъ на тему о недовольствѣ рабочихъ, Зваровъ, когда они ѣхали обратно, сообщилъ жёнѣ, что это недовольство существуетъ уже и среди лавочныхъ приказчиковъ. Онъ правилъ лошадью, сидя рядомъ съ женой, и говорилъ ей:

— Слышалъ я стороной, что даже и мясники, и приказчики изъ мясныхъ лавокъ вообразили о себѣ и дѣлаютъ всякія умствованія и сговариваются, чтобы забастовать передъ хозяевами. Право слово, слышалъ. Во-первыхъ, чтобъ по воскресеньямъ не работать, во-вторыхъ, чтобъ имъ жалованья прибавили, чтобы не сидѣть въ лавкахъ до ночи...

— Да что вы! въ угоду мужу удивлялась Лукерья Ивановна.

— Вѣрно, вѣрно. Прямо на манеръ фабричныхъ... Да позвольте васъ спросить: нешто наши приказчики работаютъ? Они торгуютъ съѣстными припасами... Да-съ... Говядиной торгуютъ, безъ которой публикѣ обойтись нельзя... разсуждалъ Зваровъ и погонялъ лошадь.

X.

Наступала Пасха. Пришла страстная недѣля. На окнахъ мелочныхъ лавочекъ появились пасхальныя яйца. На ниткахъ висѣли сахарныя и шоколадныя, въ лукошкахъ стояли куриныя, окрашенныя въ красный цвѣтъ. На улицѣ пахло праздникомъ. Въ деревянныхъ домахъ стараго устройства выставляли зимнія рамы и промывали стекла. То и дѣло виднѣлась растрепанная женская прислуга, взгромоздившаяся босыми ногами на подоконникъ и моющая окна. Православные люди, откладывавшіе говѣнье до послѣдней недѣли поста, спѣшили наскоро отговѣть, ѣли всякую дрянь и чистили квартиры къ празднику, выметали накопившуюся паутину въ углахъ, выколачивали мебель, зимнее платье, тюфяки, подстилки, мыли полы и двери. То же самое продѣлывали и Матрена съ хозяйкой Лукерьей Ивановной. Зваровъ, приходя домой обѣдать, сердился и говорилъ:

— Въ эти дни хоть чертямъ въ свайку играть въ лавкѣ. Никакой торговли. Главная статья, что у насъ въ нашемъ округѣ никакой нѣмецкой публики нѣтъ. Двѣ учительницы, два-три актера— вотъ только и ѣдятъ скоромное. Но какіе это покупатели! Больше трехъ фунтовъ мяса имъ отрѣжешь, такъ ужъ и отбавляй. Покупатели— уксусъ.

— А вотъ ужъ передъ самыми праздниками во всю заторгуете.

— Да, въ пятницу и въ субботу на страстной будетъ у насъ сѣнокосъ, но теперь-то обидно, что приказчики, зобы набивши до отвалу, сложа руки стоятъ. Не люблю я этого. Даже противно смотрѣть.

А ѣли Зваровы тоже всякую дрянь. Супъ и щи со снятками, какъ рыбное, уже исчезли изъ обѣда. Появились грибы волнушки съ жидкимъ квасомъ и лукомъ, ѣли рѣдьку, кислую капусту, вареный горохъ и отводили душу только развѣ пирогами съ рисомъ или гречневой кашей. Матрена проповѣдывала, что „по грѣхамъ нашимъ и этого-то не слѣдовало ѣсть, а вмѣсто пироговъ надо сидѣть на толокнѣ да на одной кислой капустѣ съ рѣдькой, да и то безъ масла“. Отъ этой пищи у людей происходила послѣ обѣда такая отрыжка, что кухонные ѣдоки прямо перекликались съ комнатными. Зваровъ при отрыжкѣ крестился, крестилъ ротъ и долго не могъ заснуть отъ нея послѣ обѣда. Даже отъ дѣтей по случаю поста было отнято молоко, и они сидѣли на булкахъ съ чаемъ. Маленькая Дуня просила молока и плакала, но мать говорила ей въ угрозу:

— Нельзя, милая, нельзя, дѣвочка... Грѣхъ... Попъ узнаетъ, такъ за это ушко отрѣжетъ.

Зваровы и ихъ приказчики отговѣли раньше и къ большимъ вечернимъ страстнымъ службамъ въ церковь не ходили. Въ четвергъ и въ пятницу они находились въ лавкѣ до полуночи, принимали свиные окорока изъ коптильни, парную телятину, баранину. Да съ вечера пятницы и началась тор-

говля мясомъ. Наголодавшійся простой православный людъ началъ запасаться пасхальной провизіей.

Въ четвергъ послѣ обѣда Зваровъ, послѣ отдыха на диванѣ, сказалъ женѣ:

— Передай Дуньку Матренѣ, а сама одѣвайся. Пойдемъ въ рынокъ... Надо тебѣ прифрантиться на Пасху. Вѣдь у тебя весенняя-то одежа деревенская.

Лукерья Ивановна вспыхнула отъ удовольствія, но отвѣчала:

— Нѣтъ, у меня пальтецо еще совсѣмъ хорошее. Я видѣла, что и здѣсь въ такихъ пальтахъ ходятъ.

— Ну, это пальто пойдетъ въ будничную одежду. А для праздника надо новомодную кофточку купить. Польскіе сапоги надо также купить хорошіе, на дамскій манеръ.

— За что вы меня такъ рядить хотите... право, я уже и не знаю...

— Не разводи бобы-то зря, не разводи... а поторапливайся лучше. Время дорого... Лучше старайся хорошенько мужу потрафить. Въ субботу съ утра горячее время начнется, такъ я поставлю тебя за выручку, чтобы мнѣ самому свободнѣе было вмѣстѣ съ приказчиками покупателей отпускать.

Она засуетилась и скоро одѣлась.

Зваровы поѣхали по конкѣ въ Александровскій рынокъ и сѣли наверху, на имперіалѣ. Съ высоты имперіала Зваровъ опять указывалъ женѣ на мѣстности, мимо которыхъ они проѣзжали, на зданія и говорилъ, какъ они называются, но вдругъ наклонился къ ней и шепнулъ:

— Хочешь, шляпку тебѣ дамскую куплю?

Лукерья Ивановна опять вспыхнула.

— Ну, что вы! проговорила она.—Надо прежде научиться, какъ ее носить.

— Научиться не долго... Здѣсь многія и изъ прислуги въ шляпкахъ щеголяютъ. Простыя кухарченки, что за восемь рублей въ мѣсяцъ живутъ— и тѣ...

— Здѣшняя прислуга все-таки по-питерски облыкавшись... А я что жъ?.. Я только пріѣхала...

— И ты облыкаешься... Ну, да ладно... Пофасонься пока въ новомодной кофточкѣ, а къ Троицѣ я тебѣ и шляпку куплю.

По Садовой они шли къ рынку пѣшкомъ. Зваровъ указалъ женѣ на зеркальныя стекла магазиновъ Гостинаго двора и сказалъ:

— Смотри, стекла-то какія! Есть по пятисотъ рублей за стекло, а то и больше.

— Ужасти!.. съ придыханіемъ проговорила супруга.

— И вотъ, когда фабричный народъ бросилъ работу и бунтовать сталъ въ январѣ, то сколько этихъ стеколъ было побито—страсть! Гостинодворы свои стекла щитами изъ досокъ заставлять стали— и все-таки хулиганы били..

— Съ чего же это народъ бунтовалъ-то?

— Хозяевъ перестали уважать, прибавки жалованья потребовали у хозяевъ и воли захотѣли, а тѣ, понятно, не даютъ, разсказывалъ Зваровъ.— Ну, и пошло. Превращеніе какое-то съ народомъ сдѣлалось... Словно по щучьему велѣнью... Какъ въ сказкѣ... Ты посмотри хоть на нашихъ... Вѣдь

у насъ въ нашемъ дѣлѣ тоже... Нешто наши приказчики чувствуютъ какое-нибудь уваженіе къ хозяину? Ни, Боже мой... И жалованьемъ недовольны. Все имъ мало... А чего бы, кажись?.. Сыты, напоены, накормлены, обуты, одѣты.

— Да вѣдь одежа-то у нихъ, кажется, своя... осторожно замѣтила Лукерья Ивановна.

— Странное дѣло! Да вѣдь жалованье-то на одежу я имъ плачу! Вѣдь не оборванцами ходятъ—ну, и должны быть покойны. Есть что отъ себя урвать, чтобы въ деревню послать своимъ—ну, и слава Богу. А имъ мало. Газетъ начитались. Вольнодумства много отъ всякаго головного воображенія—ну, вотъ и пошло. Подай имъ, чтобы поменьше работать и побольше жалованья получать, закончилъ онъ.

— Такъ зачѣмъ же фабричныя стекла-то въ лавкахъ били? Вѣдь это не фабричныя стекла, а лавочныя? спрашивала жена.

— Да фабричный-то народъ стекла не билъ, а били разные хулиганы, пропившаяся безмѣстная шляющаяся голь, но вышло такъ, что ужъ одно къ одному... пояснялъ Зваровъ.—Охъ, какъ нынче народъ безпокоенъ въ Петербургѣ сталъ! Всякій народъ. Даже мальчишки. Попробуй теперь лавочнаго мальчишку побить, къ примѣру. За дѣло побить... Сейчасъ онъ тебѣ: „не имѣете права, не смѣете“... А оттого, что ужъ наущенъ... Ну, побѣжитъ жаловаться по всему дому и начнутъ за него даже посторонніе люди вступаться. Да какъ ты смѣешь, да на какомъ основаніи... И кончится тѣмъ, что тебя или къ мировому притянутъ, или

ты въ газету попадешь. И такъ тебя отчехвостятъ въ газетѣ на обѣ корки, что хуже самого мальчишки. А за что? Вѣдь долженъ же я его уму-разуму учить, чтобъ человѣкомъ онъ сталъ.

Въ Александровскомъ рынкѣ Зваровъ купилъ женѣ кофту послѣдняго фасона, франтовскіе сапоги польскіе, перчатки, а себѣ новую фуражку и двѣ крахмальныя манишки съ рукавчиками и пестрый галстукъ. Покупая каждую вещь, онъ долго торговался, прибавлялъ по двугривенному, уходилъ, опять возвращался и на божбу приказчиковъ, что себѣ дороже, отвѣчалъ:

— Не божись. . Понимаемъ... Сами на томъ стоимъ... Ученые... Знаемъ...

Были куплены и сапоги съ красными сафьянными отворотами для Павли и кумачевая рубашка для лавочнаго мальчика за его новую должность, конюха около лошади.

XI.

Въ страстную пятницу, когда началась въ мясной лавкѣ передпраздничная торговля, Лукерья Ивановна впервые стояла за выручкой, прижавшись животомъ къ денежному ящику. Она кокетливо покрыла свою голову поверхъ пальто пестрымъ платкомъ, заштопливъ его подъ горломъ дешевенькой золотой брошкой съ фальшивой бирюзой, и была очень миловидна. На рукахъ у ней

были надѣты по деревенской модѣ ажурныя полуперчатки. Самъ Зваровъ въ чистомъ бѣломъ передникѣ съ нагрудникомъ, со стянутыми ремешками у кистей рукъ рукавами пальто, отпускалъ вмѣстѣ съ приказчиками товаръ покупателямъ. Зѣвать было некогда. Покупатели мужчины и женщины толпились въ лавкѣ и ждали своей очереди. Онъ рубилъ, рѣзалъ, взвѣшивалъ мясо, щелкалъ на счетахъ и, бросая на выручку деньги, принятыя отъ покупателя, выкрикивалъ женѣ:

— Пять фунтовъ съ четвертью второго сорта по четырнадцати—семьдесятъ четыре! Съ рубля сдачи двадцать шесть... Готово? Три съ восьмушкой телячьей грудинки по двадцать двѣ—шестьдесятъ девять... Трехрублевая бумажка... Два рубля тридцать одну сдачи.. Вамъ свинины-съ?.. подскакивалъ онъ къ третьему покупателю.—На щи свинины пожирнѣе? Сколько прикажете? Только два фунта? Гаврюшка! Отпусти два фунта свинины отъ грудинки! отдавалъ онъ приказъ лавочному мальчику.

Покупатель былъ все мелкій, бѣдный, явившійся съ двумя-тремя рублями, чтобы закупить на эти деньги всю праздничную провизію для розговѣнья. У зеленщика Раструбина во второй половинѣ лавки для этихъ покупателей были заготовлены и красныя яйца, и дешевыя маленькія пасхи изъ прогорклаго творогу, фигурки овечекъ изъ полуфунта сливочнаго масла, зеленый лукъ для селедокъ.

Вваливались и покупатели для артелей рабо-

чихъ. Они отыскивали глазами хозяина, здоровались съ нимъ за руку и спрашивали:

— Буженину свѣжую по чемъ на кругъ за пудъ отпустите?

А затѣмъ начинали торговаться.

Приходили хозяйки и за окороками ветчины, чтобы дома запечь ихъ. Съ этими Зваровъ уже исключительно занимался самъ, и занимался съ особенною любовью. Онъ подрѣзывалъ окорокъ, вынималъ тоненькій ломоточекъ на пробу и, расхваливая ветчину, указывалъ на горбылекъ ноги, ласкалъ ее ладонью и говорилъ:

— Не ветчина, а бархатъ. Съ большимъ пріятствомъ будете кушать — одно слово: что твое сливочное масло. Ветчина банкетная, тамбовскаго сорта. Прямо генералу или именитому купцу кушать.

Тѣмъ покупателямъ, которые требовали пломбу въ удостовѣреніе того, что окорокъ ветчины безъ трихинъ, онъ отвѣчалъ:

— Да вѣдь за пломбу только четвертакъ лишняго заплатите, а удовольствія никакого не получите. Какая тутъ трихина! Она уже давно изъ моды вышла. Да и раньше ея не было... Все это доктора выдумали, чтобы торговлю притѣснить. А съ молитвой и при освященномъ яичкѣ будете кушать, такъ если бы и была эта трихина, бояться ея нечего...

И покупатель соглашался.

Въ особенности Зваровъ расхваливалъ телятину.

— Вамъ фрикандончикъ? Пожалуйте, есть самая нѣжная и бѣленькая телятинка, бѣлѣе писчей бу-

маги, что твой мѣлъ, говорилъ онъ, подводя къ висящимъ внизъ головами выпотрошеннымъ телятамъ въ шкурахъ.—Вотъ-съ... образцовая. Конечно, у насъ здѣсь на Петербургской сторонѣ мѣсто глухое и настоящаго покупателя мало, но эту телятину хоть сейчасъ ко двору... Въ англійскій клубъ не постыдно предоставить. Вы посмотрите, какъ поена!.. Жирокъ съ большимъ пріятствомъ будете кушать, чѣмъ сливочное масло.

— А по чемъ? задаетъ вопросъ покупатель.

— На той сторонѣ, гдѣ-нибудь на Морской тридцать пять копѣекъ заплатите, а я съ васъ только по двадцать восемь возьму. Прямо говорю, только изъ-за того и уступаю, что у насъ здѣсь понимающаго покупателя нѣтъ.

— Это дорого... Ой, ой! качаетъ головой покупатель.—Надо уступить.

— Нѣтъ, ужъ это вы, ахъ, оставьте! Зачѣмъ Бога гнѣвить? Дешевле и быть не можетъ за такой сортъ... У насъ глухое мѣсто, здѣсь, конечно, поваровъ нѣтъ. А покажи эту ногу повару—обѣими руками ухватится. Телятина такая, что одно, можно сказать, воображеніе. Прикажете фрикандончикъ вырѣзать?

Покупатель торгуется. Зваровъ спускаетъ двѣ копѣйки и мастерски начинаетъ вырѣзать изъ теленка заднюю ногу. Нога брошена на вѣсы. Звякаютъ гири, и Зваровъ, объявивъ вѣсъ и сосчитавъ, сколько нога стоитъ, кричитъ женѣ:

— Лукерья Ивановна! Извольте получить четыре шестьдесятъ пять. Вотъ пятирублевый круглячокъ... Тридцать пять сдачи!

Въ страстную пятницу мясная лавка Зварова была отворена почти до полуночи. Одолѣвалъ мелкій покупатель. Фабричные и заводскіе рабочіе только сегодня вечеромъ получили расчетъ и спѣшили запастись провизіей, чтобъ завтра приняться за приготовленіе ея къ празднику. Иные и потому торопились „искупиться“ сейчасъ же, чтобы какънибудь не прогулять полученныя деньги. Торопили ихъ большею частью жены. Отъ нѣкоторыхъ мужчинъ и сейчасъ сильно припахивало водкой. Были и полупьяненькіе. Боясь оскоромиться, всѣ ѣли разную постную дрянь, а водку пили.

Хозяева и приказчики пришли домой измученные. Несчастные лавочные мальчики, таскавшіе въ корзинахъ по домамъ покупателей проданные имъ окорока и другую провизію, какъ говорится, ногъ подъ собой не слышали, до того они устали, взбираясь съ тяжестями по лѣстницамъ. Зваровыхъ и ихъ приказчиковъ, а также нахлѣбниковъ-зеленщиковъ встрѣтила заспанная Матрена. Ее насилу добудились, стуча въ дверь.

— Господи Іисусе! Что это до какой поры засидѣлись! сказала она, щурясь на свѣтъ, зѣвнула и стала крестить ротъ.

— Деньги наживали, Матренушка, весело откликнулась Лукерья Ивановна.—Что дѣти?

— А что имъ дѣлается? Напоены, накормлены, уложены и ужъ пятый сонъ, поди, спятъ давно. Охо-хо-хо-хо! зѣвнула Матрена еще разъ уже вслухъ и съ раскатомъ, ступая по полу босыми ногами.

— Ну, зѣванье-то брось. На праздникахъ позъ-

ваешь! оборвалъ ее Зваровъ.—А теперь давай намъ да приказчикамъ что-нибудь поѣсть. Да надо спать ложиться. Завтра рано вставать...

Войдя въ комнату, Зваровъ сейчасъ же раздѣлся, сбросилъ съ себя пиджакъ, жилетку и, вытащивъ рубаху на выпускъ, принялся считать принесенныя съ собой вырученныя за товаръ деньги, а Матренѣ кричалъ:

— Поворачивайся, поворачивайся, старуха! Не топчись, какъ слѣпая въ банѣ! Самоваръ-то поставленъ ли?

— Ужъ и кипѣлъ давно, да потухъ... Шутка ли вы до какого времени досидѣлись!

— Тебя, жаль, не спросили, вѣдьму. А то бы ты посовѣтовала дѣло бросить, которое только разъ въ году и бываетъ.

— Сейчасъ, сейчасъ... Только угольковъ подложу. Теперь живо закипитъ, откликалась Матрена изъ кухни.

Приказчики и нахлѣбники-жильцы, не дожидаясь ее, сами вытащили корчагу каши изъ духовой печки, сами кромсали на куски каравай хлѣба, ставили на столъ чашки съ ложками, и вскорѣ уста ихъ заработали; мальчики, которымъ мѣста за столомъ въ кухнѣ не хватило, ѣли на подоконникѣ, на остывшей плитѣ.

Собрала на столъ сама и Лукерья Ивановна, поставила на столъ остывшаго гороховаго супа и краюшку пирога съ рисомъ и черными грибами. Зваровъ запихивалъ въ ротъ куски пирога, жевалъ, а самъ продолжалъ считать деньги, вынимая ихъ изъ кармановъ брюкъ и изъ своего гро-

мадпаго кошелька. Серебряные рубли онъ ставилъ стопочками, бумажки разглаживалъ. Лицо его было влажно отъ пота.

— Торговали сегодня на порядкахъ... самодовольно произнесъ онъ, обращаясь къ женѣ.—Да мелочь и мѣдяки, что въ лавкѣ остались, я не считаю.

— А на сколько? спросила жена.

— Цыплятъ осенью считаютъ. Завтра скажу... Что завтра день скажетъ... уклончиво отвѣчалъ Зваровъ.—Завтра, кромѣ фабричныхъ, мастеровой народъ пойдетъ покупать. Мастеровые сегодня работаютъ, а завтра послѣ полудня у нихъ получка. Ты завтра съ утра опять въ лавку сбирайся. Да приходи пораньше. Двоимъ хозяевамъ сподручнѣе. Завтра и мы, и приказчики въ лавкѣ и обѣдать будемъ. Гдѣ тутъ отлучаться! Горшокъ каши мальчишка принесетъ въ лавку—вотъ и вся недолга. По очереди и поѣдимъ.

— Да вѣдь и на дыбахъ чайку-то съ ситнымъ напиться можно, поддакнула ему супруга.

— Само собой...

Опять началась по всему дому послѣобѣденная отрыжка постнымъ масломъ. На столѣ пыхтѣлъ самоваръ. Зваровъ сталъ заливать отрыжку чаемъ, выпилъ два стакана и сталъ клевать носомъ.

Черезъ полчаса весь домъ спалъ крѣпкимъ сномъ.

XII.

Въ страстную субботу покупатели осаждали лавку Зварова только до четырехъ часовъ, а затѣмъ начали рѣдѣть. Зваровъ отпустилъ жену, стоявшую за выручкой, и сказалъ ей:

— Иди и приготовляйся по дому. Матренѣ въ стряпнѣ помогать надо. А теперь я въ лучшемъ видѣ и одинъ управлюсь. Да вотъ захвати съ собой это... Тутъ пятнадцать фунтовъ мяса... Оно у насъ завалялось, слегка пообвѣтрилось и немножко съ душкомъ, такъ санитарный докторъ его забраковалъ. Зря бракуютъ... А оно въ солонину годится. Пускай его Матрена вымоетъ, помочитъ въ водѣ съ уксусомъ, а потомъ просолитъ въ обрѣзѣ покрѣпче. Приказчики на праздникахъ въ лучшемъ видѣ съѣдятъ. Не пропадать же ему зря!

Онъ досталъ изъ-подъ прилавка кусокъ и передалъ Лукерьѣ Ивановнѣ. Отъ кулька уже значительно припахивало.

— Эхъ...—вздохнулъ онъ, когда жена уходила.— Грѣшники мы... Надо бы хоть свѣчку къ плащаницѣ поставить, да оторваться отъ торговли-то мнѣ невозможно. А тебѣ по дому надо... Ну, да я мальчишку пошлю. Онъ поставитъ свѣчку.

Зваровъ вынулъ изъ выручки два пятака, постучалъ ими по прилавку и крикнулъ:

— Гаврюшка! Вотъ тебѣ гривенникъ. Бѣги въ церковь и поставь свѣчку. Да живо обратно! По

дорогѣ у оконъ булочныхъ не останавливаться, сахарныя яйца съ куличемъ не разглядывать.

Лавочный мальчикъ побѣжалъ.

Въ лавку заглядывали оборванные нищіе обоего пола, монахини съ сборными книжками въ черныхъ чехлахъ. Ради праздника Зваровъ всѣмъ подавалъ по копѣйкѣ. Монахинямъ онъ говорилъ:

— За здравіе Евтихія, Лукерьи и чадъ ихъ... Игнашка! закричалъ онъ вдругъ лавочному мальчику, взглянувъ случайно на образъ и увидавъ, что лампадка у него потухла.—Подлей масла-то въ лампадку къ иконѣ и зажги! Ни за чѣмъ не смотрите! Бога въ васъ, подлецахъ, нѣтъ. Эдакій праздникъ великій, а у насъ лампадка въ лавкѣ не теплится.

Пришла въ лавку худая и желтая изъ лица растрепанная женщина въ дырявомъ сѣромъ платкѣ и съ подбитымъ глазомъ.

— Вотъ они, мужья-то! обратилась она плаксивымъ тономъ къ стоявшему за выручкой Зварову.— Полюбуйтесь, какъ передъ праздникомъ изукрасилъ. А изъ-за чего?.. Зачѣмъ у него у пьянаго пять рублей отняла. На семью, на праздникъ отняла, чтобъ по-христіански разговѣться. Связалъ меня Богъ съ человѣкомъ! Двѣнадцатый годъ отъ него маюсь, ирода.

— Какого товару-то прикажете? равнодушно спросилъ Зваровъ женщину.

— Говядинки дайте. Да не худо бы буженинки свѣжей... Возьму ужъ всего сразу дня на четыре на варево. А то разопьется, узнаетъ, что деньги не истрачены—все равно отниметъ. И яичекъ и

пасху придется взять. Колбаски и ветчинки надо въ колбасной... Наберу уже... Съѣдобное-то все-таки не пропьетъ.

— Отпустите, молодцы, говядины и буженины! отдалъ приказъ Зваровъ.

— Нѣтъ, каково это? Наканунѣ-то праздника принять эдакое награжденіе! опять обратилась къ нему женщина.—Портной штучникъ онъ, хорошій портной... и получилъ сегодня отъ хозяина расчетъ.

Но Зваровъ опять перебилъ ее:

— Ваше семейное дѣло... Не понимаю, чего вы разсказываете? Побилъ—не живота лишилъ.

Пришла кухарка въ пестромъ передникѣ и красномъ платкѣ на головѣ, черноглазая, молодая, остановилась противъ Зварова, улыбнулась и заговорила:

— За магарычемъ на праздникъ пришла... Давайте на кофей и на помаду...

— Гм... За магарычемъ... Да вѣдь и вы такъ, госпожа кухарочка, каждый разъ при покупкѣ норовите то пятачокъ, то гривенникъ утянуть, то какой-же магарычъ?

— Ну, вотъ, заговаривайте зубы-то! Праздничное изъ мясной всегда кухаркамъ полагается.

Зваровъ полѣзъ въ выручку и вынулъ тридцать копѣекъ.

— Что вы! Что вы! И срамиться не смѣйте! По крайности ужъ рубль давайте! воскликнула кухарка.

— Рубль? Позвольте... Было бы за что... Вы никогда больше четырехъ фунтовъ мяса-то и не покупаете.

— Правильно. Но зато сквозь пальцы смотришь,

какъ вы говядину на вѣсахъ вѣшаете. Давайте, давайте еще хоть полтинникъ.

Зваровъ приложилъ двугривенный къ тридцати копѣйкамъ. Кухарка перешла къ зеленщику Раструбину и стала отъ него требовать праздничныя.

Послѣ восьми часовъ торговля и совсѣмъ затихла. Только у зеленщика Раструбина покупали еще масло и крашеныя яйца, но Зваровъ все-таки досидѣлъ въ лавкѣ до десятаго часа вечера и наконецъ скомандовалъ приказчикамъ запираться.

О, съ какой радостью начали приказчики гасить лампы, лампадку у иконы и загремѣли запорами у дверей!

Когда Зваровъ пришелъ домой, дома ужъ было все испечено, изжарено и сварено для пасхальнаго розговѣнья. Пахло ветчиной, лампаднымъ масломъ. Лампады пылали передъ образами во всѣхъ комнатахъ, а въ кухнѣ передъ старообрядческой иконой Де-Іисуса, принадлежащей Матренѣ, кромѣ того, горѣла свѣчка желтаго воска. На вымытыхъ еще сырыхъ полахъ лежали холщевые половики, а изъ кухни въ спальню Зваровыхъ была разостлана холщевая узенькая дорожка. Дѣти спали. Лукерья Ивановна встрѣтила мужа съ засученными рукавами у платья. Она ставила на столъ пасхальныя яства для розговѣнья и украшала ихъ громадными бумажными розанами, подаренными ей зеленщикомъ.

До розговѣнья ужина сегодня не полагалось, до розговѣнья пили только чай съ ситнымъ хлѣбомъ. Приказчики пожевали хлѣба на ходу и одѣвались въ праздничное платье, чтобы идти къ заутрени.

Матрена была старообрядка, по старой стариковской вѣрѣ, какъ она выражалась, и стала проситься отпустить ее къ старикамъ въ моленную; она уже переодѣлась въ сарафанъ.

— Это съ Петербургской-то стороны да на Лиговку? Близкое мѣсто! воскликнулъ Зваровъ.—Не ходила, не ходила, да вдругъ къ старикамъ захотѣла. А кто будетъ квартиру караулить? Кто съ ребятами останется? Сиди дома... И такъ хороша. А то, пока мы еще не ушли къ заутрени, сходи въ нашу часовню, поставь свѣчку да и вернись домой. Ты вѣдь смиршившаяся... Такъ чего тебѣ?

— Мало ли что смиршившаяся. А вашимъ иконамъ никогда я свѣчекъ, милый, не ставила, да и впредь ставить не буду, обидчиво отвѣчала она и стала утирать кулакомъ глаза.

— На вотъ... Утѣшься... Возьми себѣ на праздникъ подарокъ... сказалъ Зваровъ.—Луша, дай ей... Да дай по кумачевой рубахѣ и Гаврюшкѣ съ Игнашкой.

Лукерья Ивановна вынесла Матренѣ изъ спальной двѣнадцать аршинъ ситцу. Та чмокнула ее въ плечо и, въ самомъ дѣлѣ, утѣшилась. Жилецъ зеленщикъ Раструбинъ подарилъ Матренѣ отъ себя большой шерстяной платокъ. Матрена, придя въ кухню, тотчасъ же стала щупать ситецъ, смотрѣть его на свѣтъ передъ лампой. Она даже отрѣзала маленькій кусочекъ ситцу и, помочивъ его въ уксусѣ, ждала, не слиняетъ ли краска.

Гаврюшка, получивъ подарокъ, былъ посланъ къ церкви святить куличъ и пасху, обложенную пяткомъ крашеныхъ яицъ. Зваровъ, давая ему

гривенникъ на свѣчку и „попу за кропило“, прибавилъ:

— Да ротъ-то не очень разѣвай въ оградѣ, а ставь ѣду-то въ сторонкѣ, а то кто-нибудь въ толпѣ ногой наступитъ. А главное, не зѣвай. Перекрестился на крестный ходъ. да и скорѣй домой...

Отправляясь съ пасхой изъ дома, Гаврюшка надѣлъ новую рубаху и жирно смазалъ себѣ постнымъ масломъ голову и сапоги.

— Ну-съ, супруга моя любезная, пойдемъ и мы съ тобой къ заутрени, сказалъ Зваровъ.—Протискаемся въ церковь, такъ ладно,а нѣтъ, вокругъ церкви малость побродимъ и услышимъ Христосъ воскресъ. Одѣвайся.

Лукерья Ивановна встрепенулась.

— Новую кофточку надѣвать и новые сапоги? спросила она.

— Зачѣмъ новую! Еще воскомъ въ толпѣ закапаютъ да подпалятъ свѣчкой. Накидывай старое пальто... Завтра пощеголяемъ. Я и самъ въ старомъ... Вѣдь здѣсь не то, что у васъ въ деревнѣ. Народу будетъ ступа не протолченная, хоть по головамъ ходи.

Было одиннадцать часовъ. Раздался первый выстрѣлъ, возвѣщающій начало чтенія полунощницы. Зваровы отправились. Отправились въ церковь и поголовно всѣ приказчики.

Дома осталась одна Матрена, да спавшія дѣти. Она тотчасъ же перемѣнила догоравшую уже передъ иконой Де-Іисуса свѣчку желтаго воска и затеплила новую, разостлала подручникъ для земныхъ

поклоновъ, взяла кожаныя лѣстовки и принялась молиться, крестясь двухперстнымъ сложеніемъ.

До конца пасхальной службы никто не достоялъ. Къ двумъ часамъ ночи Зваровы вернулись домой и ужъ застали дома всѣхъ домашнихъ. Перехристосовавшись со всѣми, они разговлялись вмѣстѣ съ своими приказчиками и жильцами.

XIII.

Ночью во время розговѣнья было и выпито изрядно. Зваровъ поставилъ своимъ приказчикамъ на столъ бутылку водки, и зеленщикъ Раструбинъ—тоже бутылку. Поставлено было на столъ и пиво. Кромѣ того, приказчики вознаградили себя выпивкой и послѣ розговѣнья изъ своего запаса. Подвыпила и Матрена, которой поднесли нѣсколько рюмокъ. Въ результатѣ было то, что, улегшись спать, всѣ проспали довольно долго. Еще часу въ десятомъ въ квартирѣ Зварова царила необычайная для нея тишина. Зваровыхъ разбудили хорошо выспавшіяся дѣти. Зваровы, въ свою очередь, подняли весь домъ. Матрена загромыхала дровами, растапливая плиту, лавочные мальчики стучали желѣзной трубой, ставя самовары для хозяевъ и приказчиковъ. Началось чаепитіе. Ѣли куличи, пасху, ветчину, яйца, еще вчера испеченные пироги съ мясомъ. Не забыты были и возліянія. Приходилъ дворникъ въ новой шерстяной фу-

файкѣ, въ новой ситцевой рубахѣ, выставленной изъ-подъ фуфайки, и христосовался со всѣми. Приходили два городовыхъ, стоявшіе на посту на углу улицы, противъ лавки, и тоже христосовались. Имъ подносили водки. Праздничныя деньги и провизію они получили уже съ вечера.

Часамъ къ одиннадцати приказчики, одѣвшись во все праздничное, пришли къ хозяину просить отпустить ихъ со двора, и дать денегъ на гулянку. Лица у нихъ были красныя, лоснящіяся, глаза узенькіе, волосы на головѣ смазанные. Зваровъ счелъ за нужное прочитать наставленіе.

— Гулять гуляйте, но пораньше домой, а главное, насчетъ выпивки-то полегче...

— Да вѣдь ужъ праздникъ великій, Евтихій Павлычъ, такъ ежели какую малость и ошибемся, то отчегоже... Одинъ разъ въ году Христосъ Воскресе... отвѣчалъ молодой бѣлокурый приказчикъ Сидоръ, въ бархатной жилеткѣ, съ кудрявой бородкой.

— О малости никто и не говоритъ, а чтобы не пришлось изъ-подъ шаровъ выручать.

— Чтобы въ участокъ попасть? Что вы, хозяинъ! Да когда же это было?.. Ни, Боже мой... Мы въ аккуратѣ...

— Бывать не было, а все лучше, какъ скажешь вамъ... На Рождествѣ, однако, когда ходилъ со двора, ты чуть не на карачкахъ взобрался по лѣстницѣ въ квартиру,..

— Ужъ и на карачкахъ! улыбнулся Сидоръ.— А все-таки скажу, что и Рождество великъ у Бога праздникъ.

— Ну, сколько же вамъ дать? По рублю довольно?

— Что вы, хозяинъ! Какое же въ Питерѣ на рубль гулянье! Ужъ хоть три рубля позвольте...

— Мнѣ два позвольте. Съ меня достаточно будетъ, перебилъ Сидора рыжебородый Лаврентій Тихоновъ.

— Ты-то мужчина осторожный. Тебя я знаю... Ты копѣйку бережешь, похвалилъ его хозяинъ.— А ему-то три зачѣмъ? Чтобы намазаться такъ, что маму не выговоришь... Ну, вотъ что... Дамъ я вамъ по два рубля, и ужъ это отъ меня на гулянку будетъ. На манеръ награжденія...

— Благодаримъ покорно, хозяинъ.

Трое приказчиковъ поклонились, тряхнувъ волосами. Хозяинъ выдалъ имъ по два рублевика каждому и прибавилъ:

— Да вотъ еще что... Земляковъ сегодня если увидите, такъ нѣтъ ли какого свободнаго молодца нашего торга. Пусть послѣ праздниковъ зайдетъ переговорить. Съ Ѳоминой недѣли я лавку на дачѣ открываю.

— Слышали, хозяинъ... Что же, дай Богъ... отвѣчалъ третій, черненькій, какъ жукъ, тщедушный приказчикъ, первый годъ еще вышедшій въ приказчики у другого хозяина и поступившій къ Зварову на первое жалованье.—А увидимъ кого, такъ поговоримъ. Можетъ статься, кто и съ мѣста перебѣжитъ, коли побольше жалованья дадите.

— Жалованье, какъ жалованье... Кто же по нынѣшнимъ временамъ въ жалованьѣ ширится! Торговлишка плохая. Кто на войну поѣхалъ изъ офицерства, кто сжался. Первые-то сорта какъ идутъ?

Развѣ первые сорта мяса такъ прежде шли? Всѣ сжались, потому изъ-за войны и доходы не тѣ.

Лаврентій Тихоновъ стоялъ и улыбался въ бороду.

— Гм... Торговлишка плоха, а самъ вторую лавку открываетъ, проговорилъ онъ.

— Да, открываю... Потому открываю, чтобы въ двухъ мѣстахъ взять побольше. А по барышамъ нешто можно нынче прибавлять жалованье? Времена тугія...

— Тугія-то, тугія... пробормоталъ Сидоръ.— И вотъ черезъ тугія времена всѣ и жалуются на жалованье... Хозяину они туги—ну, и приказчикамъ тоже...

— Невразумительные люди жалуются. Такіе, у которыхъ въ головѣ основательности нѣтъ.

— Однако и фабричные, и пекаря, и на желѣзной дорогѣ служащіе—всѣ бастовали и прибавки себѣ требовали. Требовали и получили.

— Фабричные! возвысилъ голосъ Зваровъ и выругался.—Дуракъ! Ты развѣ фабричный? Ты приказчикъ. Фабричные на своихъ харчахъ живутъ. А ты на всемъ готовомъ. Хозяинъ тебя поитъ, кормитъ, такъ какого тебѣ еще лыска надо, коли ты сытъ до отвалу!

— И приказчикъ человѣкъ, хозяинъ. По нашему торгу у всѣхъ домашніе въ деревнѣ, имъ послать надо. Тамъ тоже времена тугія. Да по нынѣшнему-то, пожалуй, еще хуже, чѣмъ въ Питерѣ.

— Поговори еще у меня! Поговори! закричалъ на него хозяинъ.—Не радъ я, что чорту полосатому и порученіе сдѣлалъ. Не надо мнѣ молодца для лавки. Самъ себѣ сыщу.

— Только ужъ не за такое жалованье, какъ намъ даете, потому послѣ Пасхи по всѣмъ мяснымъ лавкамъ приказчики прибавку къ жалованью просить будутъ. Да-съ... И мы потребуемъ прибавки...

Зваровъ вскочилъ со стула и хлопнулъ кулакомъ по столу.

— Ты что же это? Смутьянить? Въ деревню захотѣлъ на толокно да на хлѣбъ съ мякиной сѣсть? Сдѣлай, братъ, одолженіе. Паспортъ тебѣ въ руки, расчетъ, и поѣзжай въ деревню. На твое мѣсто найдутся.

— Не найдутся безъ прибавки, коли всѣ мясники ее потребуютъ.

— Молчать! Чего ты мнѣ праздникъ, паршивецъ, портишь! Вишь, какую канитель затянулъ! Пошелъ вонъ, лѣшій! Брюхо и щеки на хозяйскихъ харчахъ наѣлъ, да еще куражится!

Зваровъ разсердился и въ волненіи сталъ ходить по комнатѣ.

— Насчетъ прибавки, хозяинъ, это вѣрно... робко прибавилъ приказчикъ Василій.

— Проваливай, проваливай, махнулъ ему рукой Зваровъ, весь красный отъ гнѣва.

Приказчики стали выходить изъ комнаты. Зваровъ тронулъ за плечо рыжебородаго Лаврентія Тихонова и сказалъ:

— Постой, Лаврентій Тихонычъ... Благо, что ужъ сказалъ я вамъ про лавку на дачѣ, то съ тобой надо особо поговорить. Ты человѣкъ вразумительный... и виды видалъ на своемъ вѣку. Мужчина, можно сказать, съ понятіемъ къ жизни. А вѣдь это мальчишки... Садись.

Зваровъ сѣлъ къ столу съ куличемъ и пасхой, обложенной крашеными яйцами. Сѣлъ и Лаврентій Тихоновъ, молча поглаживая бороду.

— Безпутные! Дурачье писаное! Какъ они меня раздразнили! бормоталъ Зваровъ и утиралъ клѣтчатымъ бумажнымъ платкомъ красное, потное лицо и шею.—Какая теперь прибавка! Ни росбифъ, ни вырѣзка съ рукъ не идутъ. А съ тобой за разговоромъ мы даже пива выпьемъ. Лукерья Ивановна! Луша! Дай-ка намъ пивка бутылочку.

Лукерья Ивановна, слыша гнѣвъ мужа, робко поставила на столъ бутылку пива, два стакана и положила штопоръ. Зваровъ самъ откупорилъ бутылку, налилъ два стакана, чокнулся съ приказчикомъ и началъ:

— Открываю я вторую лавку на дачѣ, на лѣтнее время, для чего и жену себѣ въ подмогу выписалъ.

— Знаю, слышалъ, поддакнулъ ему Лаврентій Тихоновъ.

— Жена будетъ за выручкой стоять, принайму приказчика, откомандирую мальчика Гаврюшку ей на услугу, и тебя прошу туда старшимъ приказчикомъ стать. Тамъ тебѣ на вольномъ воздушкѣ даже и лучше будетъ. Помѣщеніе тамъ просторное... Большая комната для приказчиковъ. Жена въ другой комнатѣ. Я здѣсь, и на дачу только погостить къ женѣ пріѣзжать буду. А ты тамъ, на дачѣ... И такъ какъ ты торговлю нашу мясную хорошо знаешь, то и буду я спокоенъ, потому ты человѣкъ основательный.

Зваровъ кончилъ и пристально посмотрѣлъ на

Лаврентія Тихонова. Тотъ отрицательно покачалъ головой и отвѣчалъ:

— Нѣтъ, Евтихій Павлычъ, не поѣду я... Спасибо.

— Отчего? Что за причина? удивился Зваровъ.— Тамъ тебѣ лучше будетъ. Воспареніе легкаго воздуха и все эдакое...

— Оттого, что самъ съ Ѳоминой недѣли въ тѣхъ же мѣстахъ мясомъ торговать по дачамъ буду. Въ телѣжкѣ на лошади буду возить по дачникамъ. Надо и мнѣ на ноги становиться. Не вѣкъ же по хозяевамъ служить. А меня на Пасхѣ уволь и разсчитай.

Зваровъ слушалъ его и выпучилъ глаза отъ удивленія. Онъ не ожидалъ этого.

— Канкаренція! Мнѣ канкаренція! Ловко! воскликнулъ онъ и гнѣвно поднялся со стула.

XIV.

Сообщеніе приказчика Лаврентія Тихонова о томъ, что тотъ послѣ Пасхи покидаетъ Зварова и будетъ самъ торговать мясомъ въ развозъ и именно въ той же самой дачной мѣстности, гдѣ и Зваровъ открываетъ лавку, привело Зварова прямо въ бѣшенство. Зваровъ никогда этого не ожидалъ. Подступившую къ нему съ какимъ-то разговоромъ жену онъ послалъ къ чортовой матери, взявшему со стола крашеное яйцо Павлѣ далъ

здороваго подзатыльника, обругалъ Матрену ни за что ни про что и выгналъ вонъ изъ комнаты мальчишекъ, пришедшихъ къ нему проситься отпустить ихъ гулять. Долго онъ не могъ успокоиться. Его ударило въ жаръ, и потъ съ него лилъ градомъ.

„И на какіе шиши этотъ Лаврентій торговать будетъ? У него за мной какихъ-нибудь семьдесятъ рублей“, думалъ онъ. „Развѣ на семьдесятъ рублей возможно?.. Лошадь дороже стоитъ. А телѣга? А вѣсы съ гирями? А наборъ ножей? На все нужны деньги. Неужто у меня изъ выручки наворовалъ?“ задавалъ онъ себѣ вопросы. „Кажется, у меня трудно утянуть. Глядѣлъ я зорко“...

Вскорѣ отъ Матрены было узнано, что Лаврентій давно задумалъ торговать самостоятельно и что его братанъ двоюродный, трактирщикъ, даетъ ему въ долгъ на торговлю двѣсти рублей.

— Амосъ Сидорычъ Заклепкинъ? Ловко! воскликнулъ Зваровъ.

— Амосъ Сидорычъ, Амосъ Сидорычъ... поддакнула Матрена.

— Знаю Амоса Сидорыча. Нашъ же любимскій... Въ семнадцати верстахъ отъ насъ... Мужчина ходовой... Недавно кафтанъ вывернулъ и по три гривенника за рубль кредиторамъ заплатилъ. Ну, что жъ, не свои даетъ, а кредиторскіе, награбленные... Луша! Слышишь, кто ногу-то мнѣ подставляетъ? Заклепкинъ, обратился онъ къ женѣ.

— Заклепкинъ? Не знаю я Заклепкина, Евтихій Павлычъ, добродушно отвѣчала Лукерья Ивановна.

— Ну, пошла вонъ, дура! Не радъ, что и заговорилъ. Заклепкина изъ Волосова не знаешь! разсердился Зваровъ.—Дура, такъ дура и есть.

— Да что вы сердитесь-то! Волосово село я знаю, какъ не знать.

— Молчи. Не распространяй словъ...

— И Игнашку, мальчишку нашего Лаврентій къ себѣ сманилъ, продолжала разсказывать Матрена.

— Какъ, и Игнашку? Да вѣдь годовъ своихъ еще не выслужилъ въ ученьѣ, проговорилъ Зваровъ, побагровѣвъ.

— Ничего я тамъ не знаю. А только что сманилъ.

—Игнашку сюда! закричалъ Зваровъ.—Игнашка! Гдѣ ты?

Вошелъ Игнашка, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, въ красной кумачевой рубахѣ, подаренной ему хозяиномъ съ вечера, остриженный по-русски, съ подбритымъ затылкомъ и въ большихъ не по росту сапогахъ. Нижняя губа его дрожала, самъ онъ слезливо моргалъ глазами, предчувствуя хозяйскій гнѣвъ.

— Тебя, говорятъ, Лаврентій къ себѣ сманилъ? задалъ ему вопросъ Зваровъ, хмуря лобъ и брови.

— Я что же... Я ничего... А меня дяденька Андрей ему передаетъ. Нешто я смѣю... отвѣчалъ Игнашка, чуть не плача.—Онъ говоритъ: „тебѣ тамъ лучше... Ты отъ Лаврентія пять рублей получать будешь“.

— Пять рублей! Тебѣ, паршивцу, пять рублей? Да тебя на выжигу, подлеца, отдать, такъ пяти

рублей не выручишь. И наконецъ, какъ смѣетъ твой дядя тобой распоряжаться, если я тебя, мерзавца, два года поилъ, кормилъ, одѣвалъ, обувалъ, училъ... Не бывать этому! Не отпущу я тебя! Иначе пускай твой дядя мнѣ за твою одежду сто рублей заплатитъ. Ахъ, подлецы, подлецы! Какъ они хозяина-то подводятъ! Ну, народъ!.. Пошелъ! И благодари Бога, что я тебя за волосы не оттаскалъ.

Зваровъ схватился за голову.

Разговоръ этотъ происходилъ уже въ отсутствіе приказчиковъ, которые ушли изъ дома на гулянку.

Выслушавъ все это, Зваровъ долго не могъ успокоиться. Онъ ходилъ по комнатѣ, какъ тигръ въ клѣткѣ, пихая ногой попадавшіеся ему на дорогѣ стулья. Павля, видя въ такомъ положеніи отца, запрятался отъ страха подъ кровать. Лукерья Ивановна убралась съ Дуней въ кухню, кормила ее манной кашей и шушукалась съ Матреной. Наконецъ Зваровъ надѣлъ пальто, картузъ и, не простясь съ женой, вышелъ изъ дома.

Сѣвъ на улицѣ въ конку, Зваровъ поѣхалъ съ Петербургской стороны на ту сторону къ земляку своему Скалкину, торгующему въ Сѣнномъ рынкѣ щепеннымъ и посуднымъ товаромъ. Скалкина онъ засталъ дома. Онъ перехристосовался со всѣмъ домомъ, его усадили за пасхальный столъ и начали угощать водкой, настоянной на апельсинныхъ коркахъ, лисабономъ, ветчиной, поросенкомъ. Онъ тотчасъ же началъ разговоръ о неблагодарности приказчиковъ и нашелъ откликъ.

— Дѣйствительно, въ грошъ не ставятъ нынче приказчики хозяевъ, говорилъ Скалкинъ.—Никакого почтенія, никакого уваженія, никакого страха въ нихъ. Прямо ножовый народъ. И все имъ мало, все они недовольны и дуются на харчъ, какъ ни напихивай имъ въ утробу. А поступки?.. Прислугу молодую ужъ и не заводи... Передъ постомъ у меня цѣлая исторія... Приходитъ кухарка, жалуется и реветъ... Такъ и такъ... И кто же?—женатый парень... А самъ уѣхалъ въ деревню... А съ мальчишками еще хуже... Нахожу я вдругъ передъ Пасхой рубль тридцать копѣекъ въ щепенномъ ведрѣ. Лежатъ завязанные въ тряпку. Слѣдить, доискиваться... Мальчишка Гараська... Ну, что ты съ нимъ подѣлаешь! А бить не смѣешь. Какъ поколотишь хорошенько—сейчасъ скандалъ. Разскажетъ—и со всѣхъ сторонъ вступаться начнутъ. Бѣда, чистая бѣда! закончилъ Скалкинъ.

— Да, да... поддакивалъ Зваровъ.—А помнишь, какъ насъ-то, бывало, учили?

— Еще бы... Меня покойникъ хозяинъ, бывало, какъ схватитъ за волосья и начнетъ раскачивать. И я до сихъ поръ благодаренъ, потому человѣкомъ сталъ.

— А меня ремнемъ... Сниметъ отъ брюкъ и давай полосовать...

Уходя отъ Скалкина, Зваровъ сказалъ ему:

— Да вотъ еще что... Это ужъ просить буду. У васъ на Сѣнной мясныхъ лавокъ много. Не переманишь ли ты мнѣ парочку молодцовъ мяс-

никовъ? Вторую лавку я открываю на дачѣ, такъ туда.

Скалкинъ почесалъ затылокъ.

— Можно-то можно попробовать для земляка, отвѣчалъ онъ.—А на какое жалованье? Вѣдь переманивать, такъ нужна прибавка. Иначе перебѣгать не будутъ.

— Помоложе какихъ-нибудь, такихъ, что изъ мальчиковъ недавно вышли и набаловаться еще не успѣли. Ну, по пятнадцати рублей я дамъ. Да ты присылай... Ежели ходовой парень и дѣло знаетъ, то я и двадцать дамъ. Видно, пришло такое время, что раскошеливаться надо, чтобы удержать народъ. Кругомъ вода. Ничего не подѣлаешь! вздохнулъ Зваровъ и сталъ прощаться.

— Тугія времена пришли, тугія... бормоталъ Скалкинъ, провожая гостя въ прихожую.—Главная статья, что никакого предпочтенія къ хозяину. За твое хозяйство онъ тебя въ грошъ не ставитъ и думаетъ, что онъ съ тобой равный. Прямо чихать на тебя хочетъ.

Домой вернулся Зваровъ нѣсколько успокоенный. Онъ все-таки отвелъ душу, жалуясь земляку на свою непріятность, и это нѣсколько облегчило его. Вечеромъ онъ ѣздилъ даже съ женой кататься въ своей телѣжкѣ по Каменноостровскому проспекту и опять проѣхалъ въ дачную лавку, гдѣ пилъ чай.

Но на утро случилось обстоятельство, которое опять довело его до бѣлаго каленія. Приказчики, вернувшіеся въ первый день праздника полупьяные, принесли съ собой нѣсколько бутылокъ пива, пили и долго бурлили. Дѣло обыкновенное. Зва-

ровъ загасилъ у нихъ лампу и принудилъ ихъ спать. Они легли, уснули, но на второй день праздника, когда Зваровъ проснулся и вышелъ въ кухню, они продолжали еще спать.

— Это еще что за музыка спать до этихъ поръ! воскликнулъ онъ.—Эй, вы, олухи! Чего дрыхнете? Въ лавку пора идти! Вѣдь сегодня не первый день Пасхи. Разыгрывали изъ себя бояръ вчера, да и сегодня хотите! Дудки! Сейчасъ вставать!

Отвѣта не послѣдовало.

— Будила ужъ я ихъ, сказала Матрена:—пробовала, да что, только грѣхъ одинъ. Ругаются, говорятъ, что не пойдутъ сегодня въ лавку.

— Какъ не пойдутъ! Да что они, бѣлены, что ли, объѣлись? Вѣдь жрать-то будутъ, такъ какъ же въ лавку не идти? Сейчасъ вставать, черти полосатые!

— Не встанемъ и не пойдемъ въ лавку, пока не пообѣщаешь къ жалованью по пяти рублей въ мѣсяцъ прибавить, отвѣчалъ съ койки хриплымъ, заспаннымъ голосомъ Сидоръ.

— Да... Коли пять рублей, то въ лучшемъ видѣ согласны, а нѣтъ—будемъ сидѣть дома, прибавилъ Василій.

— Что же это, бунтъ? Стачка? Забастовка? Новая мода? Ну, такъ я вамъ покажу! Я въ полицію!.. заревѣлъ Зваровъ.

Въ люди вышелъ.

XV.

Какъ ни горячился Зваровъ, какъ ни ругался съ своими приказчиками Сидоромъ и Василіемъ, они поставили на своемъ и въ мясную лавку на второй день Пасхи, не заручившись обѣщаніемъ прибавки къ жалованью, не вышли.

— Эй, вы, забастовщики, социвалисты! крикнулъ наконецъ имъ Зваровъ.—Такъ ужъ и быть, потѣшу я васъ, въ слѣдующее воскресенье гулять отпущу и по три рубля дамъ на гулянку.

— Не нужно намъ твоей потѣхи и подачекъ мы отъ тебя не желаемъ, а ты прибавь жалованья, отвѣчалъ Сидоръ.—Пятнадцать рублей въ мѣсяцъ я получаю, а теперь двадцать хочу. Какой расчетъ? Расчетъ плевый... Да и не ты одинъ... Теперь вездѣ прибавляютъ. Такія времена пришли.

— Не дамъ, не позволю надъ собой куражиться! стоялъ на своемъ Зваровъ.

Нѣсколько робкій Василій, получавшій всего только двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ, сдался на два рубля и проговорилъ:

— Ну, ладно, Евтихій Павлычъ, помиримся на восемнадцати рубляхъ. Два рубля я спущу.

— Дуракъ! закричалъ на него Сидоръ.—Какъ ты смѣешь товарища выдавать! Не товарищъ ты, а подлецъ послѣ этого. Рѣшили на двадцати рубляхъ стоять—и будемъ стоять.

Зваровъ подступилъ къ Сидору съ сжатыми кулаками.

— А за подстрекательство-то ты знаешь, что бываетъ? произнесъ онъ шипящимъ шопотомъ.— Читалъ ты своды законовъ? Знаешь, скотина, какой законъ есть?

— Не ругаться! И потише съ кулаками-то. У насъ тоже свои есть.

Такъ Зваровъ ничего и не добился. Онъ вышелъ изъ приказчицкой къ женѣ и тихо сказалъ:

— Приходится съ одними мальчишками въ лавку выходить. Уперлись, какъ быки. Словно чортъ на нихъ насѣлъ. А поблажки давать нельзя. Во-первыхъ, расчетъ... Вѣдь это пахнетъ почти полутораста рублями въ годъ... А во-вторыхъ, они послѣ всего этого сядутъ на тебя, ноги свѣсятъ да и поѣдутъ. Тогда и самъ чортъ имъ не братъ... Такое воображеніе нельзя допускать. Правду я?..

— Конечно же... Вамъ съ горы виднѣе, Евтихій Павлычъ... пробормотала Лукерья Ивановна.

— Ну, то-то... Собирайся и ты въ лавку. За выручку встанешь, а я съ мальчишками товаръ буду отпускать.

Зваровъ снялъ со стѣны ключи и, захвативъ жену съ мальчишками, отправился отворять лавку. Послѣдовалъ за нимъ и зеленщикъ Раструбинъ. Они изрядно опоздали. У лавки ужъ стояли двѣ кухарки съ соломенными мѣшками для провизіи и ждали. Подошелъ и стоявшій на посту городовой.

— Чего вы это запраздновали? Покупатели приходятъ, замку кланяются, а вы отъ денегъ отказываетесь,—шутливо привѣтствовалъ онъ хозяевъ.

— Долгонько спать изволите, господа хозяева. Или вчера очень ужъ много горькаго до слезъ хватили? шутили въ свою очередь кухарки.

— Съ народомъ не сообразишь. Народъ нынче ножовый сталъ. Видите, безъ приказчиковъ выходимъ, мрачно отвѣчалъ Зваровъ.

— Загуляли? Бываетъ, милый, бываетъ. У насъ на лѣстницѣ у офицера денщикъ набралъ вчера отъ гостей праздничныхъ, загулялъ, а ночью и совсѣмъ пропалъ, разсказывала одна изъ кухарокъ.—Офицеръ проснулся, кричитъ: „сапоги подавай!“ а денщика и слѣдъ простылъ. Дверь на лѣстницу всю ночь стояла отворенная. Да еще вчера нагрубилъ барину. Прямо обругалъ. Вотъ тебѣ и солдатъ!

Другая кухарка, покупая говядину на книжку, сказала Зварову:

— Ну, должно быть, сегодня въ послѣдній разъ съ вами бобы развожу. Прощайте, господа хозяева.

— Что такое у васъ стряслось? задалъ вопросъ Зваровъ.

— Почтенія никакого отъ барыни нѣтъ. Да и жалованья мало. Вездѣ кухарки по двѣнадцать рублей...

— Тьфу ты, пропасть! И вы, цикорницы, то же самое... Что за время такое проклятое настало! вырвалось у Зварова.

— Да какъ же, милый... Я знаю кухарку, которая двѣнадцать рублей получаетъ и не умѣетъ даже сладкаго готовить, а я и сладкое, и заливное могу и всего только на восьми рубляхъ сяжу. Да еще если бы доходы были, а то и мясо беремъ на

книжку, и въ зеленной лавкѣ на книжку. Что тутъ у кухарки къ пальцамъ прилипнетъ?

— Шесть гривенъ даже отъ насъ на праздникъ получили, заявилъ зеленщикъ Раструбинъ.

— Такъ вѣдь это на праздникъ. Да и много ли это шесть гривенъ? Я и съ Евтихія Павлыча рубль получила, но объ этомъ и говорить не стоитъ Развѣ столько кухарки на хорошихъ мѣстахъ наживаютъ? А отъ хозяевъ своихъ какой подарокъ я на Пасху получила? Срамъ въ люди сказать, плакалась кухарка.—Двадцать три аршина ситцу на двѣ юбки. Вотъ и весь подарокъ. Двѣнадцать рублей теперь, и ни копѣйки меньше.

— Смотрите, не облопайтесь, злобно замѣтилъ Зваровъ.

— Дадутъ. Теперь прислугѣ вездѣ жалованье прибавляютъ. Да и не одной прислугѣ. Такія времена пришли. Да и не одной прислугѣ... всѣмъ, всѣмъ.

— Однако, довольно это слушать. Надоѣло.

— Позвольте... На что, вонъ, прачки-поденщицы, что по стиркамъ ходятъ, такъ и тѣ себѣ цѣну поднимаютъ. Передъ праздниками мыла у насъ окна и двери поденщица-поломойка и говоритъ мнѣ: „ходятъ, говоритъ, по угловымъ квартирамъ старики-рабочіе и сговариваютъ прачекъ поденщицъ и поломоекъ, чтобы съ Ѳоминой недѣли никакъ меньше восьми гривенъ въ день въ поденщину не ходили, и я, говоритъ, ужъ въ послѣдній разъ у вашей барыни за шесть гривенъ работаю“.

— Эко мелево! воскликнулъ Зваровъ.—Да вѣдь

голоднымъ-то народомъ прудъ пруди. Не она, такъ другая за шесть гривенъ стирать и поломойничать пойдетъ.

— Нѣтъ, постой... Съ голоду, говоритъ, подохнемъ, а свое возьмемъ. И чтобъ, говоритъ, прачкѣ передъ обѣдомъ и завтракомъ по двѣ рюмки водки было и кофею вволю. Вотъ какъ разсуждаютъ. Да чтобъ за обѣдомъ послѣ хлебова бикштесъ былъ, а не каша.

— Уходи, уходи. Не желаю я слушать... махнулъ рукой Зваровъ и отвернулся, но кухарка подскочила къ Раструбину и продолжала:

— И въ самомъ дѣлѣ, что это за манера такая, чтобъ всякую прислугу кашей кормить. Что мы за каменщики такіе, чтобы на кашѣ сидѣть! Я не про себя говорю, я кухарка, я всегда себѣ на бикштесъ урву, своя рука у меня владыка,—а про другую прислугу. Каша! У меня знакомая горничная дѣвушка прямо изъ-за каши съ мѣста сбѣжала, а десять рублей получала и мѣсто было безъ стирки.

Кухарка долго еще болтала, и, наконецъ, ушла изъ лавки.

— Хвативши... замѣтилъ про нее зеленщикъ Раструбинъ Зварову и щелкнулъ себя по галстуху.

— Бога забывать начали, отозвался Зваровъ.— Вѣдь вотъ и мои олухи. Если бы они Бога помнили, нешто они сдѣлали бы такой скандалъ хозяину? Ни въ жизнь.

Часовъ въ десять пришелъ въ лавку рыжебородый приказчикъ Лаврентій Тихоновъ.

— Ну, что жъ тебѣ дѣло портить, сказалъ онъ.— Я хоть ужъ и отказался отъ мѣста набѣло и поругались мы съ тобой, а пока я безъ собственнаго еще дѣла, помочь тебѣ пришелъ.

Лаврентій началъ надѣвать на себя передникъ, но Зваровъ закричалъ на него:

— Не требуется! Сами управимся! Намъ Христа ради служить не надо!

— Да не Христа ради, а чтобы разстаться честь-честью... Все-таки служилъ у тебя, хлѣбъ-соль твою ѣлъ.

— Хороша честь у васъ, коли вы чужихъ мальчишекъ изъ ученья сманиваете!

— Позволь, другъ... Не я его сманиваю, а евонный дядя проситъ меня, чтобы я взялъ его хоть за пять рублей. Что у васъ вышло тамъ, я не знаю, но дядя евонный мнѣ говоритъ, что отдалъ онъ Игнашку всего только на три года въ ученье, а онъ безъ жалованья четвертый годъ.

— Ничего мнѣ это не извѣстно-съ. Я отъ покойника Луки Матвѣича лавку снялъ съ мальчиками, и мнѣ было сказано, что Василій, вотъ что теперь въ приказчикахъ и свинью со мной сыгралъ, послѣдній годъ въ ученьѣ доживаетъ, а Игнашкѣ четыре года жить. Лука Матвѣичъ теперь померши, и ничего я не знаю.

— Не такъ, хозяинъ... Видитъ Богъ, не такъ... началъ было Игнашка, мальчикъ лѣтъ шестнадцати.

— Молчать, паршивецъ! закричалъ на него Зваровъ.

— Такъ хочешь, помогу покупателей-то отпу-

скать? опять предложилъ ему Лаврентій Тихоновъ. — Съ какой стати намъ съ тобой ссориться! Земляки мы, изъ одной я съ тобой деревни.

Зваровъ сердито молчалъ. Покупатели начали прибывать въ лавку. Лаврентій Тихоновъ счелъ молчаніе за знакъ согласія, надѣлъ на себя передникъ и сталъ опоясываться ремнемъ съ наборомъ ножей.

XVI

Послѣ полудня, когда настало въ лавкѣ затишье торговли, Зваровъ послалъ сначала жену съ Лаврентіемъ Тихоновымъ домой обѣдать, а потомъ пошелъ самъ съ мальчиками, когда жена вернулась. Приказчиковъ Сидора и Василія дома не было.

— Поѣли и пошли слоновъ водить по Питеру, доложила Зварову Матрена.

— А зачѣмъ жрать давала имъ? Зачѣмъ, если они не работали? накинулся на нее Зваровъ. — Эхъ, фефела!

— Да они, милый, и не спрашивались, а взяли уполовникъ и чашки, да и въ котелъ... А я съ ребятишками... Ладили вечеромъ за расчетомъ придти.

— Ну, ужъ это дудки! Такъ я и дамъ имъ сейчасъ расчетъ, какъ же! Гдѣ доказательства, что я имъ долженъ? Нѣтъ доказательствъ. Пас-

портъ имъ въ зубы, и иди на всѣ четыре стороны. Нѣтъ, я ихъ повожу. Такихъ учить надо. Пусть жалуются мировому.

Зваровъ ѣлъ вяло. Приказчики испортили ему аппетитъ. Поѣвъ, онъ не пошелъ прямо въ лавку, а сдѣлалъ крюкъ, обойдя двѣ улицы, и передъ окномъ одной изъ мясныхъ лавокъ остановился и сталъ смотрѣть, есть ли въ лавкѣ хозяинъ. Лавка была нѣкоего Гуслина, его знакомаго. Онъ зналъ тамъ и одного молодого приказчика Якова, его земляка, только что съ годъ вышедшаго изъ мальчиковъ на жалованье. Приказчикъ Яковъ, круглолицый блондинъ съ еле пробивающейся бородкой, былъ въ лавкѣ, а хозяина Гуслина не было. Зваровъ зашелъ въ лавку и заговорилъ, обращаясь къ Якову:

— Здравствуй, Яша... Шелъ я мимо и зашелъ, чтобы сказать тебѣ, что у меня жена пріѣхала въ Петербургъ изъ нашего мѣста и привезла тебѣ гостинца отъ родныхъ. Да что жъ я?.. Христосъ воскресе!..

Они сняли картузы и похристосовались. Яковъ былъ въ недоумѣніи.

— Гостинцевъ, говорите, Евтихій Павлычъ? Отъ кого бы это могло быть? произнесъ онъ.—Только одна невѣстка съ ребятами теперь въ деревнѣ. Братъ въ Москвѣ въ амбарѣ служитъ. Сестра—за сорокъ верстъ замужъ выдана. Неужто невѣстка надумала?

— Ну, ужъ этого я не знаю, а только у жены есть махонькая посылочка, вывертывался Зваровъ, чувствуя, что запутался.—Такъ вотъ ты по-

слѣ запора лавки отпросись у хозяина и зайди къ намъ за посылкой.

Зваровъ кивнулъ ему и вышелъ изъ лавки, но только что сдѣлалъ десятокъ шаговъ, какъ услышалъ, что за нимъ гонится Яковъ.

— Евтихій Павлычъ! Евтихій Павлычъ! кричалъ Ему Яковъ въ догонку, и когда Зваровъ остановился, то спросилъ его:—А гдѣ же вы теперь, Евтихій Павлычъ, живете? На старой квартирѣ?

Зваровъ обрадовался, что увидѣлъ Якова наединѣ. Въ лавкѣ Яковъ стоялъ вмѣстѣ съ другими приказчиками, и Зваровъ не хотѣлъ ему сказать при нихъ о настоящей сути своего прихода и придумалъ посылку съ гостинцами.

— На старой, на старой, отвѣчалъ онъ.—Да дѣло не въ посылкѣ. Жена моя, дѣйствительно, пріѣхала, но никакой у ней посылки нѣтъ. А дѣло вотъ въ чемъ, голубчикъ... продолжалъ онъ, стараясь говорить какъ можно ласковѣе.—Дѣло въ томъ, милый, что я открываю вторую лавку на дачѣ и сталъ говорить своимъ двумъ одрамъ, что ихъ переведу изъ городской лавки въ дачную, а они на дыбы, и вотъ приходится ихъ сгонять. Да и пьяный народъ, а ты, я знаю, парень трезвый... Такъ вотъ, не хочешь ли ко мнѣ перебѣжать? А я тебя куда хочешь поставлю... Хочешь, въ городскую лавку, хочешь, въ дачную... Вотъ въ чемъ дѣло. А не въ посылкѣ.

Яковъ почесалъ затылокъ.

— Что жъ, я пожалуй... Откровенно говоря, Евтихій Павлычъ, у нашего хозяина я очень мало

жалованья получаю... Такой жмохъ, что упаси Богъ..

— А сколько? спросилъ Зваровъ.

— Да всего тринадцать рублей.

— Что жъ, это жалованье для перваго года совсѣмъ хорошее Вѣдь ты только первый годъ, слава Тебѣ, Господи, и изъ мальчиковъ въ приказчики вышелъ. Ну, да ладно. Я тебѣ положу пятнадцать.

— Не расчетъ, Евтихій Павлычъ, переходить изъ-за двухъ рублей. Пятнадцать-то мнѣ и Гуслинъ положитъ, если я уходить буду. Дайте двадцать.

Зваровъ вспыхнулъ и перемѣнилъ тонъ.

— Нѣтъ, братъ, зажирѣешься! Такой цѣны нѣтъ, заговорилъ онъ.—Гдѣ-жъ это видано, чтобъ молодому парнишкѣ...

— Есть, Евтихій Павлычъ, есть. Теперь жалованье вездѣ поднимаютъ. Прочтите, что въ газетахъ-то пишутъ...

— А! Ты изъ умниковъ!.. Газеты читаешь... Съ головнымъ воображеніемъ!..

— Да вѣдь какъ же-съ... Современность... Нельзя безъ этого... Вы прочтите: булочники-съ, хлѣбопеки, бойцы на бойнѣ, всѣ стачились и потребовали прибавки... Такія времена. А наборщики-то въ типографіяхъ...

— Плюю я на эти времена... А тебѣ совѣтую бросить все это. Ни къ чему хорошему это не привѣдетъ. То-есть, газеты-то читай, но не вѣрь тому, что пишутъ. Это все социвалисты людей путаютъ, жиды разные... А ты православный христіанинъ. Брось... Такъ вотъ, если за пятнадцать—перекоче-

вывай ко мнѣ, закончилъ Зваровъ, опять принявъ ласковый тонъ, и подалъ Якову руку, сказавъ:— Прощай, голубчикъ! Подумай, а я вечеромъ буду ждать отвѣта... А то, можетъ статься, товарищи у тебя есть, которые пожелаютъ ко мнѣ служить, такъ мнѣ троихъ надо. Присылай. А жалованье— пятнадцать...

Зваровъ зашагалъ къ себѣ въ лавку. Онъ ругался и про себя произносилъ:

— Анаѳемы проклятые! Чорту праведники! Оказывается, что не у меня одного паршивцы воображеніе въ голову забрали, а и этотъ тоже... Въ газетахъ, видите ли, напечатано, что булочники и хлѣбопеки себѣ прибавку запросили, такъ и мясникамъ надо. У парня молоко на губахъ еще не обсохло, а ему, подлецу, ужъ и пятнадцати рублей жалованья мало! А я-то ему: голубчикъ, милый... Прямо съ лаской... А онъ... Тьфу! Даже сердце поворачивается—вотъ какъ обидно.

Придя къ себѣ въ лавку, Зваровъ, чтобы сорвать злобу, накинулся на жену, зачѣмъ та подсолнухи въ лавкѣ ѣстъ и насорила шелухой около выручки.

— Вотъ деревня, такъ деревня! Нешто можно въ Петербургѣ дамѣ, женѣ обстоятельнаго торговца, подсолнухи лущить при покупателяхъ! Здѣсь и хорошая-то прислуга стыдится этого фрукта! кричалъ онъ.

Лукерья Ивановна сконфузилась, покраснѣла и отвѣтила:

— Я, Евтихій Павлычъ, не при покупателяхъ. Я начала грызть, когда никого нѣтъ.

Изъ своей лавки Зваровъ послалъ записку къ своему дальнему родственнику на Большой проспектъ, гдѣ тотъ служилъ въ приказчикахъ, и писалъ ему:

„Нѣтъ ли у тебя, Иванъ Иванычъ, свободныхъ прикащиковъ по нашему мясному дѣлу, такъ пришли мнѣ. Мои два олуха сдурились и пришлось согнать ихъ. Даже и троихъ возьму, потому что дачную лавку на лѣто открываю. Жалованье, глядя по человѣку, но не больше пятнадцати рублей. Пришли отвѣтъ съ мальчикомъ".

Записка была писана на адресъ лавки. Носилъ ее Гаврюшка. Черезъ полчаса былъ полученъ отвѣтъ тоже на адресъ лавки. Иванъ Ивановичъ писалъ:

„Симъ удостовѣряю, что теперь на примѣтѣ у меня безмѣстныхъ прикащиковъ нѣтъ, а прослышу, такъ пришлю. Съ мѣстовъ ежели снять, то на пятнадцать рублей не пойдутъ. У нашего хозяина три мясныхъ, и въ среду на Страстной всѣ одиннадцать прикащиковъ запросили прибавку. Бился онъ, бился, а все-таки пришлось пообѣщать кому три, кому пять рублей въ мѣсяцъ прибавить. Я тоже натянулъ себѣ пятерку въ мѣсяцъ. Иванъ Крючкинъ".

Прочитавъ отвѣтъ, Зваровъ побагровѣлъ, выругался про себя и тотчасъ же разорвалъ записку.

Лавку Зварова заперли рано, часовъ въ шесть, и отправились домой.

Столкновеніе съ приказчиками совершенно разстроило Зварова. Съ женой онъ, придя домой, совершенно не разговаривалъ, даже не отвѣчалъ на

ея вопросы, сидѣлъ пригорюнившись и щелкалъ на счетахъ.

Онъ высчитывалъ, сколько придется отдать зажитыхъ денегъ Сидору, Василію и Лаврентію Тихонову. Приходилась изрядная сумма. Всѣ трое давно уже не брали цѣликомъ своего жалованья, а брали по два, по три рубля на свои мелкія нужды. Онъ сбилъ костяжки счетовъ и тяжело вздохнулъ.

„Такъ или этакъ, а приказчиковъ раздобыть слѣдуетъ. Безъ приказчиковъ ни въ городской лавкѣ торговать нельзя, ни новую, дачную лавку открывать невозможно. Вѣдь не одной же дурѣ бабѣ Лукерьѣ тамъ съ мальчишкой Гаврюшкой сидѣть! думалъ онъ.—Что они понимаютъ? Не больше кота лавочнаго...

Въ это время пришелъ къ нему землякъ щепенникъ Скалкинъ, у котораго онъ былъ вчера самъ.

XVII.

Максимъ Ермолаичъ! привѣтствовалъ гостя Зваровъ.—Спасибо, спасибо, что пришелъ. И прямо къ самовару...

— Вотъ какъ я скоро съ отвѣтомъ. Здравствуй, Евтихій Павлычъ, отвѣчалъ Скалкинъ, стягивая въ кулакъ свою съ значительною уже просѣдью черную бороду клиномъ, подалъ хозяину руку, посмотрѣлъ на Лукерью Ивановну, кормившую у

подоконника дѣвочку Дуню кашей, и спросилъ:—Новопріѣзжая хозяюшка?

— Она самая.

— А съ вами-то—Христосъ воскресъ! Съ мужень-комъ-то мы ужъ вчера похристосовались, а съ вами надо...

Скалкинъ отеръ ладонью губы и троекратно поцѣловался съ Лукерьей Ивановной.

— Ну, что жъ, не пужаетесь у насъ здѣсь въ Питерѣ послѣ деревни-то? спросилъ Скалкинъ, садясь.—Шумно у насъ здѣсь въ Питерѣ, особливо въ нынѣшнія времена. Никто ничѣмъ не доволенъ, на все критика и каждый норовитъ на дыбы стать. Вотъ вчера и сегодня ждали, что весь Петербургъ заблажитъ, толковали, что хулиганы будутъ въ магазинахъ стекла бить, однако все обошлось благополучно. Дико, поди, вамъ?..

— Не то чтобы дико, а разумѣется, супротивъ деревни происшествіе большое... жеманно проговорила Лукерья Ивановна и облизнула губы.—Впрочемъ, и у насъ на Пасхѣ-то въ колокола на погостѣ звонятъ, попъ по деревнѣ съ образами ходитъ, поповскія дѣти яйца по избамъ собираютъ. Ну, и дѣвушки пѣсни поютъ на улицѣ.

— А здѣсь за пѣсни-то на улицѣ полиція сейчасъ нравоученіе по загривку... а то пожалуйте ночевать на казенную квартиру за ниспроверженіе порядка. А только все это ни къ чему не ведетъ. Вѣдь ужъ какъ учатъ!—а народъ все ножовѣе и ножовѣе становится, прибавилъ Скалкинъ и, обратясь къ Зварову, сказалъ:—Ну, говорилъ я сегодня мясникамъ-приказчикамъ насчетъ того, что тебѣ

люди въ лавку нужны. Перебѣжать къ новому хозяину многіе желаютъ, но и слышать не хотятъ, чтобы за пятнадцать рублей. Всѣ двадцать рублей хотятъ. Прямо сговорились. Слышалъ я стороной, что вчера около скотобойни въ трактирѣ сходка была у нихъ. Пьянствовали и постановили требовать отъ хозяевъ прибавки, никому дешевле двадцати рублей у хозяевъ не служить, а нѣтъ, такъ забастовать на манеръ заводскихъ.

— Вотъ, вотъ! подхватилъ Зваровъ.—И у насъ на Петербургской сторонѣ въ мясныхъ лавкахъ тѣ же самыя пренія. Я подсылалъ сегодня къ молодымъ ребятамъ... Перебѣжать согласны, но двадцать рублей. Стало быть, и наши были на сходкѣ.

— Непремѣнно. Говорятъ, по разнымъ трактирамъ были сходки. Вотъ они, праздники-то! Чуть маленько свободны, сейчасъ ужъ они супротивъ хозяевъ интригу и контру ведутъ. А сегодня на Сѣнномъ рынкѣ по мяснымъ лавкамъ всѣ приказчики съ вчерашнимъ угаромъ, и одинъ разговоръ: не меньше двадцати рублей.

Зваровъ наклонился къ Скалкину и шепнулъ:

— Представь себѣ, Максимъ Ермолаичъ, вѣдь и у меня съ народомъ то же самое. Два мои одра сегодня и въ лавку не пошли, и я торговалъ съ одними мальчиками.

— Да что ты! удивился Скалкинъ.—Нѣтъ, у насъ сегодня въ щепенномъ ряду слава Богу... и никакихъ среди приказчиковъ разговоровъ. Загулявшіе съ вечера есть, какъ всегда, кой-кто въ лавку не вышелъ, но чтобы супротивъ хозяевъ бунтовать—ни,

Боже мой. И у зеленщиковъ, и у бакалейщиковъ тихо.

Матрена подала самоваръ. Лукерья Ивановна начала заваривать чай. На столѣ появился початый окорокъ ветчины, крашеныя яйца, куличъ, бутылка водки. Хозяинъ и гость выпили по рюмкѣ. Хозяинъ грустно сказалъ:

— Если это повсюду такъ, то мясникамъ-хозяевамъ нынче и праздникъ не въ праздникъ. Социалисты, а не приказчики. И откуда они такого духу набрались? Хуже студентовъ.

— Въ воздухѣ, братецъ ты мой, носится, въ воздухѣ, подмигнулъ ему Скалкинъ и перекрестился, принимая вторую налитую ему хозяиномъ рюмку.—Давно уже это недовольство пошло. И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Скоро грудной ребенокъ будетъ говорить, что у матери въ груди молоко скислось. Никто ничѣмъ не доволенъ. Ты посмотри, какъ приказчики теперь на харчъ дуются! Фрикадели имъ да бламанже подавай.

Вмѣсто отвѣта Зваровъ только безнадежно махнулъ рукой.

Принялись за чай. Скалкинъ продолжалъ на ту же тему.

— На страстной говорили, что будто бы въ первый день Пасхи кучера и кондуктора на конкахъ забастуютъ и потребуютъ прибавки, однако обошлось дѣло, проговорилъ онъ. — Я сейчасъ по конкѣ пріѣхалъ. Говорили и про почтальоновъ...

— Вотъ это-то и скверно, что повсюду зря болтаютъ. Словно иного разговора нѣтъ, отвѣчалъ Зваровъ.—А наши олухи слушаютъ, думаютъ, что

такъ и надо, и на стѣну лѣзутъ. Разумѣется, каждому лестно пять рублей лишнихъ въ мѣсяцъ получить, но хозяевамъ-то каково! Вѣдь эту пятерку хозяинъ потомъ и кровью долженъ заработать. Конечно, богачамъ, кто при широкой торговлѣ, все это, можетъ быть, и наплевать, а каково тѣмъ, кто только въ люди вышелъ! Вотъ я, напримѣръ... Только что на ноги всталъ, хочу вторую лавченку открыть, а тебѣ служащій народъ палки въ колеса ставитъ. Просто хоть не торгуй! плакался Зваровъ и тяжело вздохнулъ.

Скалкинъ побарабанилъ пальцами по столу, улыбнулся и отвѣчалъ:

— Теперь, по настоящему бы, мясники-хозяева должны стачиться, поднять цѣну на мясо по копѣйкѣ на фунтъ и эти пятерки на покупателя возложить. Съ лихвой очиститься можетъ.

— Хозяева... Гм... улыбнулся въ свою очередь Зваровъ, только иронически.—Будто ты, Максимъ Ермолаичъ, не знаешь хозяевъ. Хозяева одного торга всѣ на ножахъ другъ съ другомъ, а мясники въ особенности. Мелкій мясникъ готовъ другъ друга въ ложкѣ воды утопить. Станетъ онъ стакиваться! Вѣдь здѣсь не на заграничный манеръ.

— Что правда, то правда... Да вотъ, хотя бы взять по нашей щепяной торговлѣ ушатъ еловый...

— Выпьемъ!.. перебилъ его Зваровъ.—Никогда я трехъ не пью, а это ужъ съ горя.

Онъ опять махнулъ рукой и снова налилъ двѣ рюмки.

Черезъ часъ Скалкинъ распрощался и ушелъ.

На утро Зваровъ опять приступилъ къ приказ-

чикамъ, но уже мягко, и сталъ ихъ усовѣщевать, чтобъ они шли въ лавку на старыхъ условіяхъ.

— Покуражились, пободали хозяина—ну, и будетъ съ васъ, говорилъ онъ.—Должны хозяйскіе хлѣбъ-соль помнить и не артачиться. Я прибавлю вамъ, прибавлю, но не теперь, а осенью, когда со второй лавкой подсчитаюсь.

Приказчики Сидоръ и Василій, однако, не сдавались и сейчасъ же потребовали расчетъ и свои паспорты.

Зваревъ отправился изъ приказчицкой къ себѣ въ комодъ за паспортами, которые лежали въ торговой книгѣ, и остановился передъ женой.

— Луша, придется вѣдь согласиться и пообѣщать имъ прибавку, тихо обратился онъ къ ней за совѣтомъ.—Что жъ, отъ слова, вѣдь, ничего не сдѣлается. А потомъ, если найдутся люди дешевле ихъ, то этихъ можно и по шеѣ... Вѣдь не дѣтей съ ними крестить. А? Какъ ты думаешь?

Та опять отвѣчала уклончиво.

— Я что жъ... Какъ знаете... Вамъ съ горы виднѣе, Евтихій Павлычъ.

— Ну, такъ ладно. Я объявлю имъ, что согласенъ. Пусть идутъ въ лавки. Вѣдь ужъ я пробовалъ, совался къ другимъ приказчикамъ. Нигдѣ нѣтъ дешевле... Не идутъ. Никто не идетъ. Стачка. Чортъ съ ними! Какъ-нибудь наверстаемъ. Въ харчахъ можно будетъ имъ поурѣзать. Давали кашу съ масломъ по скоромнымъ днямъ—теперь съ саломъ давать будемъ. Съ саломъ отлично...

— Да конечно же... пробормотала Лукерья Ивановна.

Зваровъ опять отправился къ приказчикамъ.

— Согласенъ на прибавку. Идите отворяться и торговать. А только грѣхъ вамъ такъ хозяина притѣснять, не слѣдъ такую короткую совѣсть имѣть.

— Благодаримъ покорно.. поклонился черненькій приказчикъ Василій.

Но Сидоръ выступилъ впередъ и, пощипывая кудрявую бѣлокурую бородку, сказалъ:

— И еще, господинъ хозяинъ, условіе... Чтобы черезъ воскресенье послѣ трехъ часовъ дня со двора насъ отпускать.

— Черезъ воскресенье? Позвольте... Но вѣдь это значитъ ужъ сѣсть на хозяина и верхомъ на немъ поѣхать. Послѣ всего этого вы и такихъ вывертовъ запросите. Черезъ воскресенье со двора на гулянку. Да вѣдь это значитъ черезъ воскресенье ты и пьянъ будешь. Знаю я вашу гулянку-то. Нешто вы честь честью умѣете!

— Такое наше условіе, стоялъ на своемъ Сидоръ.—Иначе пожалуйте расчетъ.

— Эхъ, Евтихій Павлычъ, прибавилъ Василій.—Вѣдь когда-то и вы были приказчикомъ и желали свободы, такъ вотъ вы вспомните о себѣ и пожалѣйте насъ.

— Ну, ладно, ладно! Идите только скорѣе въ лавку-то! крикнулъ Зваровъ.

XVIII.

Приближалось дачное время. По Каменноостровскому и Сампсоніевскому проспектамъ уже потянулись изъ Петербурга первые возы съ мебелью раннихъ дачниковъ, направляясь въ Лѣсной, въ Удѣльную, Шувалово и Парголово.

— Ну, пора и мнѣ торговать по дачамъ съ воза, сказалъ въ среду на Святой недѣлѣ Лаврентій Тихоновъ Зварову. — Разсчитай меня, пожалуйста. Телѣга куплена, а сегодня надо на Конную ѣхать, лошадь покупать. Время ужъ... Дачники съ возами ползутъ, какъ муравьи.

Зваровъ очень не любилъ отдавать деньги, сморщился, нахмурилъ брови и отвѣчалъ:

— Отчего жъ ты раньше меня не предупредилъ, что тебѣ сегодня нужны деньги? А я вчера только за мясо заплатилъ.

— Какъ не предупредилъ? Я передъ Пасхой еще сказалъ тебѣ, что желаю отъ себя торговать.

— Ну, вотъ еще! Свинью насчетъ своей собственной торговли ты мнѣ къ Пасхѣ подпустилъ, и утѣшилъ на праздникъ за мою хлѣбъ-соль, а что тебѣ понадобятся деньги сегодня — ничего не говорилъ.

— Я не твою у тебя хлѣбъ-соль ѣлъ, Евтихій Павлычъ, а свою собственную, заслуженную.

— Подождать надо. Ближе какъ на Ѳоминой недѣлѣ денегъ отдать не могу. Подкузьмили хозяина

со всѣхъ сторонъ, черти-приказчики, да еще расчета требуютъ!

— Какъ же это такъ на Ѳоминой? недоумѣвалъ Лаврентій Тихоновъ.—Мнѣ сегодня деньги нужны. На лошадь нужно. На Конной сегодня торгъ... А я въ концѣ Святой торговать начать долженъ.

— Ну, и подождешь, такъ не лопнешь. Я самъ только съ Ѳоминой на дачѣ торговать собираюсь.

— Это твоя воля. А у меня желаніе на Святой.

— Ну, поговори еще, такъ и ничего не получишь! Гдѣ росписка, что я тебѣ долженъ? Ни росписки, ни рабочей книжки съ условіемъ у тебя нѣтъ, возвысилъ голосъ Зваровъ.

— Да вѣдь обидѣть-то легко, спокойно проговорилъ Лаврентій Тихоновъ.—А ты вспомни, что я тебѣ землякъ, одной деревни съ тобой.

— У насъ одной деревни со мной двѣсти сорокъ шесть душъ. Такъ и на столбѣ при въѣздѣ написано. Такъ если я каждому угождать буду, печенки не хватитъ. Сказалъ, что на Ѳоминой, и отдамъ на Ѳоминой твои сорокъ два рубля.

— Какъ сорокъ два? Шестьдесятъ восемь. Да и шестьдесятъ-то восемь, если по первый день Пасхи считать, когда я отказался. А я тебѣ работалъ и на второй, и на третій день Пасхи, выручилъ тебя, можно сказать, когда Сидоръ и Василій забастовали. За это долженъ что-нибудь заплатить.

— Очень ужъ вы свою ступню цѣните. Вѣдь не золотая.

— Ну, да ладно, второй и третій день Пасхи тебѣ въ скидки. А шестьдесятъ восемь рублей подай... И не обижай ты меня, Христа ради... Брось

гордость и отдай по-земляцки, сегодня. Вѣдь самъ въ люди выходилъ, самъ знаешь, какъ каждая копѣйка дорога ко времени. Вспомни свое-то бытье, когда еще отъѣвшись не былъ.

— Я когда въ люди выходилъ, то хозяину поперекъ дороги не становился, канкаренцію ему не дѣлалъ, а вѣдь ты норовишь въ той же мѣстности торговать, гдѣ я лавку открываю. Стало быть, свинью подпускашь.

— Да какая же свинья, помилуй! Ты большой корабль, а я маленькій, ты въ лавкѣ торговать будешь, а я съ возу.

— Ну, такъ что жъ изъ этого? Ты ни приказчикамъ, ни за наемъ лавки платить не будешь, такъ завсегда цѣну на товаръ испортить можешь и дешевле продавать говядину. А я двухъ одровъ приказчиковъ кормить долженъ, да вѣдь и жена, которая за выручкой станетъ, тоже чего-нибудь стоить будетъ.

— Разсчитай ты меня, Евтихій Павлычъ, сегодня честь-честью... Слезно тебя прошу! Сейчасъ деньги нужны.

Лаврентій Тихоновъ поклонился хозяину въ поясъ. Зваровъ съ сознаніемъ своей силы взглянулъ на него, злобно усмѣхнулся и проговорилъ:

— Пѣть-то вы умѣете сладко передъ хозяиномъ, когда нужно. А зачѣмъ же ногу-то ему подставляете за его доброту? На вотъ, бери покуда двадцать пять рублей, а остальные потомъ. Больше у меня нѣтъ.

Зваровъ вынулъ изъ своего громаднаго кошелька

четвертную бумажку и положилъ на столъ. Лаврентій Тихоновъ взялъ ее и спросилъ:

— А остальные сорокъ три рубля, стало быть, на Ѳоминой недѣлѣ?

— Тамъ видно будетъ, уклончиво отвѣчалъ Зваровъ.

— Такъ, стало быть, сорокъ три рубля за тобой?

— Сколько по моей книгѣ будетъ значиться, столько и есть.

Лаврентій Тихоновъ покрутилъ головой, почесалъ въ раздумьи затылокъ, крякнулъ, тяжело вздохнулъ и отправился покупать лошадь. Зваровъ улыбнулся вслѣдъ ему, злобно прошептавъ: „Походишь, голубчикъ, за деньгами-то“.

Разговоръ этотъ происходилъ въ квартирѣ Зварова въ девятомъ часу утра. Зваровъ собирался идти въ лавку, гдѣ ужъ стояли его приказчики Сидоръ и Василій, но Лаврентій Тихоновъ, уѣзжая ужъ отъ Зварова совсѣмъ, предупредилъ его приходъ и зашелъ проститься съ товарищами по службѣ.

— Прощайте, братцы, перебираюсь сегодня къ себѣ въ уголъ. Нанялъ себѣ полъ-комнаты у Ситнаго рынка. Тамъ и помѣщеніе для лошади и телѣгу себѣ сговорилъ, сказалъ онъ.

— Прощай, Лаврентій Тихонычъ... Счастливо тебѣ... Дай Богъ расторговаться... отвѣчали приказчики.—Деньги-то получилъ ли?

— Нѣтъ. Всего четвертную бумажку выкинулъ, а остальныя, говоритъ, потомъ. Охъ, тугъ на деньги! Деньги у него нужно клещами вытаскивать. Не любитъ отдавать. И какъ платить—сейчасъ

жилить и утягивать. Вотъ и сейчасъ: „не шестьдесятъ восемь рублей, говоритъ, я тебѣ долженъ, а всего сорокъ два. Гдѣ доказательства“?

— Ого! воскликнулъ Сидоръ.—Такъ стало быть намъ теперь передъ нимъ, какъ съ прибавкой-то служить, надо свое зажитое выгребсти.

— Совѣтую, братцы. Теперь, пока вы нужны, вамъ только и напереть на него, посовѣтовалъ Лаврентій Тихоновъ.

Сидоръ подмигнулъ Василію и произнесъ:

— Слышишь, Вася? Такъ надо его сейчасъ же на рога...

Въ это время вошелъ въ лавку Зваровъ и сталъ усердно креститься на икону. Лаврентій Тихоновъ тотчасъ-же скрылся.

— Что жъ лампадка-то не зажжена? Сегодня всю недѣлю праздникъ, сказалъ Зваровъ.—Сейчасъ обѣдня идетъ. Будетъ крестный ходъ. Эй, ты, чертенокъ! Гаврюшка! Чего въ ноздрѣ-то ковыряешь! Зажги лампадку!

Лампада зажжена.

Появились кухарки-покупательницы. Застучалъ топоръ, разсѣкая воловьи кости, звякали гири на вѣсахъ, кухарки переругивались съ приказчиками, чтобъ поменьше было имъ отпущено костей и побольше мясной мякоти, Зваровъ за выручкой щелкалъ на счетахъ, принималъ за товаръ деньги, сдавалъ сдачу или записывалъ взятое въ заборную книжку.

Сидоръ, выбравъ время, когда покупатель перемежился, приступилъ къ Зварову.

— Мнѣ, Евтихій Павлычъ, деньжонокъ надо, началъ онъ.

— Какихъ деньжонокъ? спросилъ Зваровъ, какъ бы не понявъ, въ чемъ дѣло, и сдѣлалъ кислое лицо.

— Своихъ собственныхъ, зажитыхъ.

— Только что по пятеркѣ прибавилъ въ мѣсяцъ къ жалованью—сейчасъ ужъ и денегъ! Да ты хоть бы Бога-то побоялся. Вѣдь есть, чай, на тебѣ крестъ! И прибавку къ жалованью подай, и денегъ подай ему, и все въ одно и то же время. Съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ.

— Я зажитыя прошу... Надо на сапоги, надо въ деревню домашнимъ послать.

— И мнѣ тоже на спиньжакъ. Очень ужъ я обносился, Евтихій Павлычъ... прибавилъ Василій.

— И тебѣ тоже? Врете вы, черти! Вы вотъ задумали гулянки дѣлать по воскресеньямъ, такъ вамъ на пьянство надо! воскликнулъ Зваровъ. — Не дамъ, пока Святая недѣля не пройдетъ. Не желаю я потакать разврату.

— Въ такомъ разѣ я ухожу изъ лавки. Не желаю я при такихъ порядкахъ служить. Я свои деньги прошу, а не чужія, и мнѣ ихъ непремѣнно сегодня или завтра надо, сказалъ Сидоръ.

— И мнѣ... И я то же самое... поддакнулъ Василій, всегда вторящій Сидору.—Иначе не согласенъ...

Зваровъ выпучилъ глаза.

— Да что вы, бѣлены объѣлись, что ли? Или васъ бѣшеная муха укусила? заоралъ Зваровъ.

— Ни то и ни другое... А позвольте деньги... стоялъ на своемъ Сидоръ.—Времена не тѣ, чтобы задерживать зажитое.

— Какія времена, лѣшій? Какія?

— Знамо, какія! Наша весна пришла... Засіяло солнышко и на нашей улицѣ Довольно ужъ этого хозяйскаго тиранства-то! И приказчики такіе же люди, какъ хозяева. Мы даже союзъ мясныхъ приказчиковъ затѣваемъ. Объ этомъ въ первый день Пасхи у насъ уже разговоръ былъ въ трактирѣ.

— Тсс... прошипѣлъ Зваровъ, весь измѣнившись въ лицѣ.—Вонъ оно куда пошло! Ловко! Да вы совсѣмъ социвалисты!

— Социвалисты или не социвалисты, а пожалуйте наши зажитыя деньги... Можетъ быть, мы даже и молодая партія союза супротивъ хозяйскихъ звѣрствъ. А деньги позвольте. Иначе снимаю наборъ ножей и прощенья просимъ.

Сидоръ взялся за ремень съ ножами и сталъ его отстегивать.

— Газетъ начитались... Заблужденія ложныя почувствовали... Бунтовать хотите... Ловко! хрипломъ голосомъ бормоталъ Зваровъ.

— Обѣщаете не позже завтраго деньги отдать? рѣшительнымъ голосомъ спрашивалъ Сидоръ.

Зваровъ сразу сообразилъ, что если онъ откажетъ, то сегодня же опять останется безъ приказчиковъ, и понизилъ тонъ.

— Я не понимаю, о чемъ разговоръ... проговорилъ онъ.—Никто вамъ не отказываетъ въ деньгахъ. Но нельзя же съ ножомъ къ горлу приста-

вать. Не могу же я сразу выдать. Вотъ поторгуемъ сегодня, а завтра и дамъ.

— Вѣримъ до завтра хозяйскому слову! махнулъ рукой Сидоръ. —Василій, надѣвай на себя ножи до завтра, прибавилъ онъ.

XIX.

Далеко не легко было Зварову успокоить приказчиковъ своей городской лавки. Обстоятельства такъ сложились, что пришлось пойти и многія уступки, кромѣ прибавки къ жалованью. Прежде, какъ у него, такъ и у другихъ хозяевъ, жалованье никогда не платилось людямъ въ извѣстный срокъ, а выдавалось по частямъ, по мѣрѣ требованія, то на сапоги, то на пиджакъ, на бѣлье, на посылку въ деревню, всегда отпускалось въ меньшемъ противъ просимаго количествѣ, и приказчики какъ-то обходились при этой урѣзкѣ. Считалось прямо за правило, что за три, за два мѣсяца зажитыя деньги всегда были за хозяиномъ, при чемъ въ утѣшеніе приказчикамъ говорилось хозяиномъ такъ: „у меня цѣлѣе будетъ. Тебѣ же лучше, когда подкапливается“. Исключеніе бывало только тогда, если приказчикъ увольнялся отъ мѣста или ѣхалъ въ деревню на побывку, да и то иногда не полностью. Зачастую находились причины, по которымъ слѣдовало удержать сколько-нибудь денегъ, а то просто „счеты не сходились“,

и въ результатѣ выгода оставалась на сторонѣ хозяина. Дѣлалось это и для того, чтобы, задерживая у себя деньги служащихъ, всегда имѣть возможность держать служащихъ въ рукахъ. И въ самомъ дѣлѣ, это всегда былъ хорошій рычагъ для этой цѣли, такъ какъ хозяинъ могъ и не признать долга, тѣмъ болѣе, что расчетныя книжки съ договоромъ найма существуютъ въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ.

И въ данномъ случаѣ Зваровъ выдалъ Сидору и Василію далеко не полностью просимое ими жалованье.

— Вѣдь еще мѣсяцъ не кончился, такъ чего же вамъ?.. Придетъ первое число—послѣ перваго числа и получите, говорилъ онъ приказчикамъ.

Сидоръ и Василій, скрѣпя сердце, на это согласились, но потребовали заведенія расчетныхъ книжекъ съ условіемъ.

— Вишь, какъ вы бунтарей-то наслушались! воскликнулъ Зваровъ.—Однимъ гулянка въ пользу, а вамъ прямо вредъ. Повидались съ кѣмъ-то и совсѣмъ социвалистами стали.

— Никакихъ мы бунтарей не слушали, а просто желаемъ по правиламъ жить, отвѣчалъ Сидоръ.— Расчетная книжка по правиламъ... Расчетная книжка—любезное дѣло... Ни хозяинъ приказчика не обманетъ, ни приказчикъ хозяина.

— Однако, вы прежде хозяину и безъ расчетной книжки вѣрили. А теперь на васъ словно чортъ насѣлъ.

— Позвольте... Да вѣдь почти всѣ рабочіе теперь съ книжками... замѣтилъ Василій.

— А вы нешто рабочіе? Вы приказчики. Поднимай выше. Носъ передъ хозяиномъ задираешь, а цѣнить себя не умѣешь. Ну, и вышелъ дуракъ.

На расчетныя книжки пришлось, однако, согласиться.

Пришлось и лавочному мальчишкѣ Игнашкѣ положить пять рублей въ мѣсяцъ жалованья, чтобы не отпустить его къ Лаврентію Тихонову. Игнашка уже настолько наметался въ торговлѣ, что могъ вполнѣ замѣнять приказчика.

— Бѣда съ народомъ!.. Безначаліе какое-то... Все хотятъ перевернуть шиворотъ-на-выворотъ... жаловался женѣ Зваровъ, придя домой обѣдать.— Прибавилъ жалованья... кажется, ужъ хорошо. А они, кромѣ того, денегъ требуютъ. Подавай имъ расчетъ.

— Лишнее требуютъ? спросила жена.

— Да не лишнее, а подавай имъ все зажитое сразу...

— А у васъ денегъ не хватаетъ, чтобъ сразу?..

— Какъ не хватать! Такія деньги всегда есть. Иначе что бы я былъ за торговецъ. А нельзя же служащимъ людямъ потакать. Иначе они такъ задерутъ голову, что ихъ и не обуздаешь. Ну, да ты дура баба, совсѣмъ непонимающая! Я тебѣ про Еврему, а ты про Ѳому, такъ ужъ лучше молчать, закончилъ Зваровъ.

Вообще торговая наука давалась Лукерьѣ Ивановнѣ туго, хозяйскій смыслъ, заставляющій дѣлать все возможное, чтобы держать въ рукахъ своихъ служащихъ, усвоивался ею плохо.

Еще труднѣе было для Зварова уговориться въ

условіяхъ при наймѣ служащихъ для дачной лавки. Рядившіеся приказчики, видя, что эти мѣста временныя, только на лѣтнее время, старались выговорить себѣ какъ можно больше привилегій. Зваровъ торговался, ругался, велъ переговоры болѣе чѣмъ съ десяткомъ лицъ, и въ концѣ концовъ двумъ приказчикамъ для дачной лавки пришлось дать большее жалованье, чѣмъ своимъ приказчикамъ городской лавки.

— Всѣ себѣ цѣну подняли. А съ чего подняли, настоящимъ манеромъ и не сообразишь, жаловался онъ женѣ.—Думаю, что тутъ фабричные и заводскіе виноваты. Имъ удалось. За ними разные другіе рабочіе. Кто-кто только не бунтовалъ супротивъ хозяевъ—ну, и наши приказчики слѣдомъ... Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней...

— Не по-божески, значитъ? спросила Лукерья Ивановна мужа.

— Да ужъ чего тутъ божескаго, коли норовятъ шкуру снять съ хозяина! отвѣчалъ тотъ и умолкъ.

На дачу начали Зваровы собираться на Ѳоминой недѣлѣ. Дабы переѣхать дешевле, переѣзжали, по частямъ, на своей лошади, въ своей телѣжкѣ. Перевозилъ вещи новый приказчикъ Филатъ—молодой, здоровый рябой парень съ попорченнымъ оспой глазомъ и ноздрями. Сначала онъ свезъ пару чугунчиковъ, посуду, самоваръ, ухватъ, сундукъ съ хозяйскимъ бѣльемъ и вѣсы съ гирями и оставилъ все это на попеченіе Игнашки, который остался ночевать въ дачѣ караульнымъ. Наканунѣ отъѣзда на дачу самой хозяйки онъ повезъ

новую двухспальную кровать и пружинный тюфякъ, а также свой и Игнашкинъ сундуки и три стула.

— Достаточно и трехъ стульевъ, говорилъ Зваровъ женѣ.—Для тебя, для меня и для Павли. А столы тамъ есть. Отличные три стола сколотилъ плотникъ, который дѣлалъ лавочныя полки. Онъ же и скамеекъ съ табуретками надѣлалъ, козлы для коекъ приказчикамъ сколотилъ. Вѣдь на дачѣ и господа-то подчасъ кое-какъ живутъ, а намъ ужъ и Богъ велѣлъ, прибавилъ онъ въ свое оправданіе.

— Да что тутъ! Лѣто-то можно бы и на сѣновалѣ... согласилась Лукерья Ивановна.—А вы такую богатую кровать берете.

— Нѣтъ-съ... Ужъ на сѣновалѣ-то совсѣмъ не модель. Во-первыхъ, надо домъ и лавку караулить...

— Ужъ развѣ только что караулить, а то я у насъ въ деревнѣ прошлымъ лѣтомъ въ лучшемъ видѣ подъ навѣсомъ на сѣнѣ спала съ ребятишками.

— Позвольте... Во-первыхъ, лавку караулить, перебилъ ее мужъ.—А во-вторыхъ, ты все-таки должна понимать, что ты дама, жена торговца, и торговца обстоятельнаго, при двухъ лавкахъ, и хозяйка и жена мясника, наставительно добавилъ онъ —Хозяйка, и будетъ по сѣноваламъ валяться!

— Я къ тому, что кровать-то новую жалко, Евтихій Павлычъ. Эдакая чудесная вещь...

— А что ей сдѣлается? Нарочно куплена, чтобъ свое удовольствіе на ней имѣть. Здѣсь же она зря все лѣто простоитъ. Ни красы отъ нея, ни радости,

если хозяйка будетъ на дачѣ существовать. А тамъ мы и пологъ кисейный къ ней отъ мухъ и комаровъ устроимъ. Не лѣнись только иголкой поковырять. Тамъ насчетъ шитвы будетъ свободно. Послѣ полудня до вечера въ лавкѣ хоть шаромъ покати—вотъ какъ пусто. Сиди и ковыряй иголкой. А то кружева и прошивки вяжи для наволочекъ... Давно я тебя просилъ насчетъ этого, а ты все ни съ мѣста.

— Да вѣдь гдѣ же было!.. Передъ Пасхой торговля и по дому убирка, на Пасхѣ съ приказчиками суматоха и неурядица.

— А тебѣ-то что были приказчики? Мнѣ они на загривокъ сѣли, а не къ тебѣ, моя грудь да подоплека знали ихъ безобразіе, а не твои.

— Навяжу, навяжу, миленькій... Столько навяжу всякихъ прошивокъ, что и вшивать будетъ не во что.

— Ну, то-то... И еще прошу тебя объ одномъ, продолжалъ Зваровъ.—Прошу тебя въ растрепанномъ видѣ въ лавку не выходить и босой за выручкой не стоять. А то ты любишь по-деревенскому...

— Да когда же я?.. обидѣлась было Лукерья Ивановна.

— А третьяго дня, къ примѣру. Даже дѣтскія рубашенки вышла босая на нашъ дворъ сушить и колотырничала съ сосѣдкой кухаркой.

— Ну, это я на минутку.

— А тамъ и на минутку не слѣдъ... И еще.. Какъ-нибудь помоднѣе надо въ лавкѣ стоять... помоднѣе одѣвшись, чтобы всѣ чувствовали, что

ты хозяйка. Поняла? Распустившись-то не выходить... Да поровить больше по-петербургски насчетъ одежи, а не по-деревенски... Зеленое-то свое платье съ желгой оборкой брось. Купи себѣ матеріи на другое платье и закажи... Тамъ портнихи есть на дачѣ. Да глазастости-то поменьше. Эту деревенскую моду надо бросить. А деньги я дамъ. Надо, чтобъ подъ хозяйку потрафлять, училъ Зваровъ.—Чтобы всѣ видѣли, что ты хозяйка, жена мясника... и чувствовали. Соблюдать себя надо.

Лукерья Ивановна обѣщалась соблюдать себя.

На утро, забравъ ребятъ, она въ сопровожденіи приказчика Филата уѣхала на дачу. Зваровъ снабдилъ ее билетомъ на право торговли, счетами съ большими костяжками, книгой для записи проданнаго товара, иконой для лавки. Вмѣстѣ съ ними положили въ телѣжку пуда два говядины и четверть теленка, завернутые въ рогожу.

XX.

Какъ только Лукерья Ивановна пріѣхала на дачу, сейчасъ же ее встрѣтила дворничиха Афимья и дворникъ Калистратъ въ опоркахъ на босую ногу и въ картузѣ съ разорваннымъ козырькомъ. Они тотчасъ же стали помогать ей разгружаться, хотя при ней были и свои люди: рябой Филатъ и произведенный въ приказчики лавочный

мальчикъ Игнашка. Дворникъ былъ полупьянъ, поздравлялъ съ пріѣздомъ и просилъ на чай.

— А ужъ это хозяинъ знаетъ, уклончиво отвѣчала Лукерья Ивановна.—Когда хозяинъ пріѣдетъ—у него и просите. А мы что же... мы супруга... и ничего этого не знаемъ.

— Съ хозяина-то я отдѣльно... А это съ тебя, хозяюшка... Тебя я съ новосельемъ поздравляю.

— Уходи, уходи, пьяница. Чего присталъ! закричала на мужа дворничиха и прогнала его.

Оставшись одна съ Лукерьей Ивановной, она стала помогать ей разбираться въ перевезенномъ добрѣ, помогала постлать постель, вбивала въ стѣну гвозди для одежи и жаловалась на свое житье-бытье.

— Ужъ и такъ-то бѣдность наша велика, да и пьетъ же онъ неудержимо. Чуть не догляди—сейчасъ что-нибудь у меня утащитъ и пропьетъ. Какъ только мы зиму прожили — одному Богу извѣстно. На хлѣбъ не хватало, говорила она.— Прямо голодали.

— При мѣстѣ живете, жалованье получаете, и голодали! дивилась Лукерья Ивановна.—Какъ же вы это такъ? Чудно что-то.

— И, милая! Да какое наше жалованье! Восемь рублей въ мѣсяцъ отъ хозяина, а жильцовъ зимой нѣтъ. Только съ весны и оживемъ, когда дачники пріѣдутъ. Ну, тутъ, конечно, за воду и за колку дровъ дачники у насъ обложены. Теперь, говорятъ, вездѣ въ Питерѣ всѣмъ жалованье прибавили, а только вотъ несчастные дачные дворники на прежнемъ положеніи сидятъ. Вѣдь тутъ и на хлѣбъ-то

еле хватитъ двоимъ. А надо варевце, надо чайку, сахарку купить. Милость Божья, что у насъ дѣтей нѣтъ. А есть съ дѣтьми, на восьми рубляхъ сидятъ. Лѣтомъ я у дачниковъ по стиркамъ хожу, а зимой на кого тутъ стирать, коли все снѣгомъ занесено и пусто? Ладили наши дворники стачиться передъ хозяевами на масляной, но ничего не вышло. Трое бросили, отказались караулить, стали передъ хозяевами на дыбы, да на бобахъ и остались. Сейчасъ же на ихъ мѣсто голодный народъ явился.

— Ахъ, и у васъ было это самое упрямство? У насъ наши приказчики на святой недѣлѣ на дыбы стали и тоже прибавки запросили, сказала Лукерья Ивановна.

— Было, милая, было, только толку-то никакого не вышло. Мой Калистратъ какъ взбунтовался, отправился въ трактиръ на сходку—и вернулся домой безъ жилетки. Вотъ только и хорошаго... А ужъ какъ туго зимой было, какъ туго!

Затѣмъ она подмела вѣникомъ полъ въ комнатахъ, поставила самоваръ и стала просить:

— Не пожертвуешь ли, миленькая, дворничихѣ-то фунтика два мясца на варевце? Всю зиму, окромя хлѣба да селедки, ничего во рту не было. А тутъ хоть похлебать горяченькаго на вашемъ новосельѣ.

— А ужъ это ты къ хозяину... Вотъ хозяинъ пріѣдетъ, у него и проси, начала было Лукерья Ивановна, но дворничиха ее перебила.

— Мужа боишься? Такъ, такъ... Что жъ, это хорошо, которая жена мужа боится. А только неужто онъ тебя въ двухъ-то фунтахъ усчитаетъ?

Столько мяса сюда привезли и на ледникъ погрузили, да чтобъ усчитать? Господи Іисусе! Ты дай и не говори ему...

— Не въ этомъ дѣло, голубушка... А такъ какъ я еще вновѣ при торговлѣ и только пріѣхавши изъ деревни...

— Правильно, правильно. А если бы и усчиталъ? А если бы ты и сказала ему, то неужто онъ тебя изъ-за двухъ-то фунтовъ ругать будетъ? Что ты, родная! Да неужто ты двухъ-то фунтовъ не стоишь? А то прямо: „Сама, молъ, съ ребятами съѣла“.

Дворничиха до того говорила убѣдительно, что Лукерья Ивановна покраснѣла, отправилась въ лавку и велѣла Филату отрѣзать ей два фунта мяса, „которое поплоше“.

Лавку открыла Лукерья Ивановна только на другой день утромъ. Встать пришлось очень рано, до открытія лавки заварить гречневую кашу и поставить ее въ духовую печь, положить въ чугунчикъ мясо и капусту для щей и поставить на плиту вариться. Плиту, впрочемъ, растапливалъ Игнашка. Онъ же чистилъ картофель. Не взирая на это, въ девятомъ часу всѣ уже были въ лавкѣ. Лукерья Ивановна въ ковровомъ платкѣ на головѣ и въ драповомъ пальто со стеклярусной отдѣлкой сидѣла за выручкой. За подолъ ея платья держалась еле стоявшая на ногахъ, закутанная въ теплый платокъ Дуня. Павли не было въ лавкѣ. Онъ пускалъ по журчавшей водѣ придорожной канавки кораблики изъ щепокъ. Хотя на глазастой вывѣскѣ надъ лавкой и былъ изображенъ золотой быкъ съ

подписью „Мясная торговля“, но быкъ этотъ не заманивалъ покупателей. Въ лавкѣ было пусто. Пришелъ какой-то мужикъ въ форменной фуражкѣ и съ бляхой и спросилъ на гривенникъ обрѣзковъ или что-нибудь отъ зарѣза, но такъ какъ такого сорта мяса не было въ лавкѣ, то покупатель удалился.

— Дачники еще не съѣхались, а которые переѣхали—о лавкѣ еще не знаютъ, говорилъ Лукерьѣ Ивановнѣ въ утѣшеніе рябой приказчикъ Филатъ.— Дачная торговля такая, что надо ходить по дачамъ и приглашать покупателя.

— Такъ ты бы вотъ и походилъ, сказала ему Лукерья Ивановна.

— Не съѣхались еще господа. Что жъ попусту ходить! Вотъ съѣдутся, такъ походимъ. Надо будетъ заборныя книжки предлагать. Тутъ чиновникъ больше въ этихъ мѣстахъ живетъ, а чиновникъ любитъ въ долгъ и чтобъ послѣ двадцатаго числа платить.

— Отчего послѣ двадцатаго? спросила хозяйка.

— Оттого, что онъ двадцатаго самъ жалованье получаетъ.

Наконецъ, пришелъ франтоватый околоточный съ портфелемъ, отрекомендовался Лукерьѣ Ивановнѣ, поздоровался съ ней за руку, посмотрѣлъ на торговый билетъ, отобралъ около десяти фунтовъ мяса и, не спрашивая про цѣну, сказалъ:

— Вотъ пришлите по этому адресу.

Онъ взялъ карандашъ, написалъ свой адресъ на обверточной бумагѣ, лежавшей на выручкѣ, и сталъ уходить.

— А деньги, господинъ? начала было Лукерья Ивановна.

— А это ужъ мы потомъ съ вашимъ супругомъ сочтемся, отвѣчалъ онъ и исчезъ за дверью.

Лукерья Ивановна недоумѣвала.

— Филатъ Андреичъ, какъ же быть-то? тревожно обратилась она къ приказчику.—А вдругъ какъ онъ?..

— Непремѣнно нужно послать-съ... отвѣтилъ тотъ.—И какъ можно скорѣе. А то какого бы худа не вышло. Начальство... Игнатій, отнеси, обратился онъ къ мальчику.

— Ну, смотрите... Коль ежели что—вы будете передъ Евтихіемъ Павлычемъ въ отвѣтѣ, замѣтила она Филату.

— Хозяинъ поймутъ-съ. Это ужъ всегда такъ... Порядокъ извѣстный.

Послѣ обѣда, часамъ къ тремъ пріѣхалъ Зваровъ. Отъ станціи желѣзной дороги онъ шелъ пѣшкомъ и несъ въ кулькѣ телячью головку, ножку и печенки, большую связку крупныхъ баранокъ и трехфунтовую банку варенья. Зваровъ былъ запыхавшись.

— Проклятые извозчики дешевле трехъ гривенниковъ не берутъ. Словно стачились, окаянные, сказалъ онъ, кладя на выручку принесенное, и сталъ креститься на икону.—Вотъ это тебѣ на новоселье гостинцу, указалъ онъ женѣ на варенье и баранки,—а вотъ это въ торговлю. Были ли покупатели-то? задалъ онъ вопросъ.

— Только четыре съ четвертью фунта второго

сорта продали по пятнадцати, да телячьей грудинки два фунта.

Зваровъ покачалъ головой, просвисталъ и сказалъ приказчику:

— Ловко! Кормн послѣ этого васъ, чертей! Да еще черезъ недѣлю скажете, что вамъ жалованья мало. Опять стачитесь. Сегодня вонъ чухны-пароходчики на финляндскихъ пароходахъ стачились и пароходы черезъ Неву не ходятъ, такъ отчего вамъ подъ нихъ не подражать.

Онъ разсердился.

XXI.

Лукерья Ивановна обрадовалась мужу и тотъ часъ же бросилась ставить для него самоваръ, но мужъ былъ мраченъ, какъ туча. Отсутствіе торговли въ лавкѣ очень волновало его, хоть и сознавалъ онъ, что съ лавкой еще не успѣли ознакомиться живущіе въ этой мѣстности, да и дачники еще не съѣхались.

— Торговцы въ возахъ у лавочниковъ-мясниковъ много покупателей отбиваютъ, бормоталъ онъ, сидя за самоваромъ, на крылечкѣ, выходившемъ во дворъ.—Вотъ эдакіе Лаврентіи Тихоновы. Вѣдь они по всей дачной мѣстности шныряютъ съ возами, на дворы въѣзжаютъ.

— Вамъ лучше знать. Конечно... Вы сами когда-то изъ воза мясомъ торговали... Но отчего бы вамъ и

теперь съ возомъ не ѣздить, если вы такъ думаете, робко сказала ему жена.

— Дурища полосатая! воскликнулъ онъ.—Да если бы я съ возомъ ѣздилъ, то кто бы за городской лавкой-то смотрѣлъ! Тебя пустить съ возомъ, что ли. такъ ты ни отрубить мяса, ни свѣсить не умѣешь, да и не заведено это, чтобы бабы съ мясомъ ѣздили. Вдругъ, баба съ ребенкомъ на рукахъ и мясо по дворамъ продаетъ. Тебя въ городской лавкѣ оставить, а самому съ возомъ ѣздить—это значитъ изъ кулька въ рогожку перерядиться. Скажутъ: вонъ онъ изъ купцовъ-то — верхнимъ концомъ да внизъ... Кредитъ пропадетъ.

Когда же Лукерья Ивановна сообщила ему объ околоточномъ, взявшемъ мясо, онъ разсердился еще больше и воскликнулъ:

— Вонъ оно! Еще конь не валялся, а ужъ они берутъ! Тьфу!

Послѣ этого она не знала какъ къ нему и подступиться, чтобы вывести его изъ мрачнаго состоянія.

Черезъ минуту она заговорила:

— А хорошо здѣсь на дачѣ! Воздухъ легкій... Черемуха распускаться стала... Куда здѣсь лучше, чѣмъ у насъ на дворѣ въ городѣ.

— Кто къ деревнѣ привыкъ, то само собой... Но барыши-то тамъ настоящіе, а не здѣсь, хоть и начнетъ откликаться покупатель. Здѣшняя лавка для подспорья—и ничего больше.

Она промолчала и опять произнесла:

— Сегодня мы рано встали, такъ утречкомъ кукушечка такъ хорошо куковала.

— А ну ее къ лѣшему, эту кукушку! воскликнулъ Зваровъ.—Я о дѣлѣ соображаю, а она съ кукушкой!..

Пришелъ дворникъ Калистратъ, поздравилъ съ пріѣздомъ и сталъ просить на чай. Зваровъ далъ ему пятіалтынный, но ругательски изругалъ его. Дворникъ вытерпѣлъ и пробормоталъ:

— Ну, купецъ! У насъ купцы жили, такъ такіе щедрые, что на рѣдкость.

— Было бы за что. А ты вотъ послужи—потомъ и разговаривай...

— Да я заслужу. Я ласковый, и за пивомъ ли сбѣгать, за водочкой...

— А на это у насъ свои люди есть.

— У насъ купецъ Дохловъ жилъ, подрядчикъ. Такъ этотъ пріѣдетъ, бывало, пьяненькій... И за пивомъ пошлетъ, и мнѣ поднесетъ.

— Уходи, уходи... Съ дворникомъ пьянствовать я никогда не намѣренъ. Здѣсь совсѣмъ другое руководство...

— Ну, стало быть, мясники хуже, чѣмъ подрядчики. А я думалъ: переѣдетъ мясникъ съ лавкой, то-то сладко мы жить будемъ! Смотришь—солонинки кусочекъ пообвѣтрившейся на варево дастъ...

— Рыломъ еще не вышелъ, чтобы солониной тебя кормить. Облопаешься. Да и за что? За воду берешь, за колку дровъ берешь. А у меня свои люди безъ дѣла сидятъ.

— Это я по положенію... жильцы отданы мнѣ, чтобы кормиться.

— Ну, довольно! Проваливай!

Вечеромъ Зваровы ходили по улицамъ и смо-

трѣли, какіе дачники переѣхали. Завидя сидѣвшихъ дачниковъ за воротами или на террасахъ, Зваровъ тотчасъ же подходилъ къ нимъ, приподнималъ картузъ и, стараясь какъ можно ласковѣе говорить, рекомендовался:

— Мясникъ Зваровъ-съ... Здѣсь по-близости отъ васъ за уголкомъ лавку мясную открыли, такъ вотъ-съ пожалуйте... Мясо черкасское, всегда свѣжаго боя... И цѣны будемъ ставить средственныя... все равно, какъ на городской манеръ.

При этомъ онъ лѣзъ въ карманъ и подавалъ печатный адресъ лавки.

— А по чемъ у васъ первые сорта? задала вопросъ какая-то дама

— По шестнадцати за фунтъ будемъ отпускать, только пожалуйте, а второе по четырнадцати... отвѣчалъ Зваровъ и опять любезно раскланивался.

— А какъ же вы велѣли по восемнадцати первый сортъ продавать, замѣтила ему Лукерья Ивановна, когда они остались одни.

— Пущай будетъ на первыхъ порахъ по шестнадцати, отвѣчалъ Зваровъ.—Это только чтобы заманить. А потомъ на восемнадцать поднимемъ. Эдакая непонятливая бабища! А еще ярославка!

— Такъ вы такъ и приказчикамъ скажите.

— Само собой, скажемъ. Вообще надо пріучать покупателя дешевой цѣной, а потомъ... Вѣдь не контрактъ съ ними заключаемъ. Цѣны на мясо мѣняются.

Вообще переѣхавшихъ дачниковъ было очень мало. Сидѣли они на террасахъ и за воротами нахохлившись, какъ куры въ ненастную погоду, за-

кутавшись въ теплыя пальто, въ шерстяные платки. Вечеръ былъ ясный, но холодный.

Когда Зваровы послѣ дѣловой прогулки возвращались домой, Зваровъ утѣшалъ себя и говорилъ:

— Должна быть здѣсь торговля, должна, надо только приваживать покупателя. Я помню, я здѣсь торговалъ съ воза. Здѣсь нѣмецъ живетъ. Нѣмецъ человѣкъ аккуратный, говядину беретъ въ обрѣзъ, но онъ соленые языки любитъ и солонину. Это у нѣмокъ на бутерброды идетъ. Знаешь, что такое бутерброды? спросилъ онъ жену.

— Почемъ же мнѣ знать, помилуйте!

— Экая ты деревенщина! Пріучайся, мать моя, скорѣй быть дамой.

И Зваровъ разъяснилъ ей, что такое бутербродъ.

Когда они подошли къ лавкѣ, уже темнѣло. Спускались сумерки. Приказчики Филатъ и Игнашка сидѣли на ступенькахъ крыльца.

— Вотъ бездѣльники-то! Совсѣмъ бездѣльники! вырвалось у Зварова.—За что я имъ теперь жалованье плачу? За что кормлю? Только ужъ ради будущихъ благъ. Торговали на сколько-нибудь безъ насъ? спросилъ онъ.

— Четыре фунта солонины продали по шестнадцати, былъ отвѣтъ.

— Ну, начало! Ну, новоселье! Въ воскресенье надо будетъ молебенъ въ лавкѣ отслужить, объявилъ онъ женѣ и приказчикамъ. — Я пріѣду на дачу пораньше. Да вотъ еще что, Филатъ... Цѣнъ на мясо особенно не придерживайтесь... Если хорошій покупатель, то первые сорта на первое время можно и по шестнадцати копѣекъ

для заманки отпускать, а второй по четырнадцати, даже по тринадцати. Жарьте во всю, а потомъ ужъ наверстывать будемъ. Понялъ?

— Понимаемъ-съ. Слушаю, пробормоталъ Филатъ.

— Такъ вотъ, къ воскресенью, часамъ къ двумъ, схлопочите священника. Надо помолиться, покропить, продолжалъ Зваровъ.—А теперь пока запирайте лавку. Темнѣетъ. Надо зажигать лампы. А что зря керосинъ жечь? Толку все равно сегодня никакого не будетъ.

Приказчики стали заставлять стеклянную дверь изнутри деревяннымъ щитомъ.

Зваровъ ночевалъ на дачѣ. Утромъ, часу въ седьмомъ онъ уѣхалъ на своей лошади въ городскую квартиру. Прощаясь передъ отъѣздомъ съ женой, онъ говорилъ ей:

— Надо на первое время сжаться и во всемъ экономію наводить. Вонъ оно, какое начало-то торговли. Ты приказчикамъ въ обѣдъ и въ ужинъ съ чѣмъ кашу давала?

— Съ тѣмъ же, съ чѣмъ и намъ, съ масломъ, отвѣчала Лукерья Ивановна.

— Очень ужъ накладисто. Ты натопи нутренного сала—съ саломъ и давай. Сходнѣе будетъ. Чего имъ въ зубы-то смотрѣть! По одежкѣ протягивай ножки, говоритъ пословица. Ну, прощай! Веди себя хорошенько по правиламъ, какъ я сказалъ.

Зваровъ чмокнулъ жену въ щеку, хотя она и ловила его губы, влѣзъ въ телѣжку, стегнулъ лошадь и потащился по невысохшей еще весенней грязи вдоль улицы.

XXII.

Прошло больше недѣли. Отслуженъ былъ въ лавкѣ молебенъ. Наступилъ май. Дачники стали прибывать. Поправилась и торговля у Зварова. Онъ уже самъ теперь говорилъ про нее при встрѣчѣ съ сосѣдними мелочнымъ лавочникомъ, колбасникомъ и суровщикомъ, да и вообще спрашивавшимъ у него о торговлѣ:

— Ни шибко, ни валко, ни на сторону...

Далось это, однако, не легко. Каждый день, являясь на дачу, онъ обходилъ новоприѣзжихъ дачниковъ и предлагалъ имъ свои услуги, всучивая адресъ лавки. Трудился онъ много. Въ первое время въ большинствѣ случаевъ самъ привозилъ мясо для лавки въ своей телѣжкѣ и не каждый день оставался ночевать у жены. Если же оставался, то уѣзжалъ въ шесть часовъ утра, поднимая и жену, и служащихъ въ пять. Приказчики роптали на раннее вставанье, но подчинялись. Торговля начиналась съ восьми, но Зваровъ посылалъ ихъ раньше, дабы „прибрать“ лавку. Появилось пять-шесть постоянныхъ покупателей, каждый день берущихъ мясо на книжку. Книжки заборныя онъ, однако, выдавалъ осторожно, только состоящимъ на казенной службѣ покупателямъ или получающимъ казенную пенсію. О матеріальномъ положеніи дачниковъ Зваровъ узнавалъ черезъ дворни-

ковъ или домашнюю прислугу, и хоть и скрѣпя сердце, но сыпалъ пятіалтынными.

Лукерья Ивановна стала привыкать къ торговлѣ. Надо было удивляться, какъ она могла справляться съ дѣломъ безъ прислуги. Стоя въ горячее торговое время за выручкой и принимая деньги, она должна была приготовить обѣдъ себѣ и приказчикамъ, присмотрѣть за дѣтьми, вымыть посуду, вымести комнаты. Мальчикъ Игнашка помогалъ ей очень мало. Помимо того, что онъ отпускалъ въ лавкѣ товаръ покупателямъ, онъ долженъ былъ и разносить его по дачамъ для требовательныхъ кухарокъ, не желающихъ таскать мясо. Поломойничала и стирала бѣлье, впрочемъ, дворничиха Афимья, уговорившись, что меньше семи гривенъ въ день поденщичать не будетъ.

— Довольно ужъ хозяевамъ на полтинникахъ-то отъѣзжать за работу... говорила она.—Всѣ бабы теперь цѣну подняли. У насъ старостиха съ прядильной фабрики ходила по дворамъ и наказывала, чтобы ни одна баба не смѣла дешевле семи гривенъ въ поденщину ходить. А кто будетъ за полтину въ день работать, то придутъ фабричные работники и поколотятъ. Такъ и сказала. Прямо сказала: потому, говоритъ, указъ есть, чтобы меньше семи гривенъ не брать.

Дворничиха такъ увѣряла серьезно, что пришлось согласиться на ея условія, тѣмъ болѣе, что бабы съ другихъ дворовъ всѣ разбирались дачниками на работу за ту же цѣну. Кромѣ семи гривенъ и харчей, дворничиха выговорила еще два раза въ день кофе. Просила она себѣ еще пе-

редъ обѣдомъ и ужиномъ по стаканчику водки, но Лукерья Ивановна увѣрила дворничиху, что водки у нихъ въ домѣ и въ заводѣ нѣтъ.

— Милая моя, такъ вѣдь послать можно за пузырькомъ на восемь копѣекъ, отвѣчала дворничиха.—У насъ казенка черезъ улицу. Я сама и сбѣгаю. У меня ступня не купленная. Вѣдь это не ради пьянства, а законъ такой, чтобы рабочей бабѣ на работѣ не ослабѣть. Да и отъ живота... Болѣзнь такая подозрительная ходитъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! На водку я не согласна! Да и мужъ меня заругаетъ, если узнаетъ, что я дома водку держу, стояла на своемъ Лукерья Ивановна.

— Да вы держать ее и не будете. Зачѣмъ же держать, если я водку выпью? А вышелъ такой приказъ для того, чтобы поденщицѣ вино было, чтобы казну поддержать. Деньги на войну надо, увѣряла дворничиха, и увѣряла что она слышала это отъ фабричныхъ.—Если на войну съ японцами, то какъ же мужъ препятствовать можетъ! заключила она.

Слухи такіе, дѣйствительно, ходили. Лукерья Ивановна была знакома съ ними и до переѣзда на дачу, черезъ Матрену, принесшую ей это извѣстіе изъ мелочной лавочки, но все-таки на доводы Афимьи не согласилась.

— Если на войну, то можешь ты и сама изъ семи гривенъ восемь копѣекъ прожертвовать. А съ мужа довольно... Онъ на войну и такъ достаточно пожертвовалъ. Онъ говорилъ мнѣ объ этомъ. Кромѣ того, у насъ на войну изъ родни двое запасныхъ въ деревнѣ ушли, упрямилась Лукерья Ивановна.

— Вотъ жадная-то хозяюшка! произнесла дворничиха, но все-таки исключить этотъ послѣдній пунктъ изъ ряды согласилась.

Пошла торговля въ дачной лавкѣ лучше, но понизилась въ городской лавкѣ. Явилось это очень естественнымъ, вслѣдствіе отлива городского населенія на дачу, но Зваровъ опять застоналъ и старался урѣзывать расходы: Матренѣ онъ то и дѣло говорилъ:

— Жирно ужъ очень приказчиковъ кормишь, а отъ этого они только на стѣну лѣзутъ. И то не по нимъ, и это не ладно. А отчего? Щи не продуть — вотъ до чего жирны. Жиръ-то можно бы снимать, въ горшечекъ сливать, копить, а потомъ вмѣсто масла къ кашѣ.

Разъ Зваровъ отпустилъ Матренѣ такого мяса, что какъ ни промывала она его, какъ ни присаливала, приказчики отказались ѣсть и ограничились только кашей.

— Вотъ что, хозяинъ, сказалъ ему послѣ такого обѣда приказчикъ Сидоръ.—Если это еще разъ повторится, ей-ей, я въ участокъ стащу. Пусть составятъ протоколъ. Вѣдь тогда такъ поплатишься, что и экономію забудешь.

Протестъ въ такой формѣ появился еще въ первый разъ во время хозяйствованія Зварова. Зваровъ было вспылилъ, хотѣлъ ругаться, но потомъ сократился.

— Такъ что жъ, для тебя вырѣзку въ сорокъ копѣекъ фунтъ въ щахъ-то варить, что ли? воскликнулъ онъ.

— Не вырѣзку, а подавай свѣжаго мяса.

— Свѣжаго... Вамъ свѣжаго всегда и даютъ, а это ужъ какъ-то по ошибкѣ попало.

— Такъ пусть не попадаетъ. А то вѣдь у мирового взлупятъ, да и приставъ по головкѣ не погладитъ. А то такъ и въ газетахъ еще на прибавку прокатятъ.

— Но, но, но... Не смѣй такъ разсуждать передъ хозяиномъ! сверкнулъ глазами Зваровъ.— Скажите, какая музыка у васъ въ башкахъ завелась!

— Не музыка, а дѣло. А коли вы хозяинъ, вы обязаны по нынѣшнимъ временамъ и о приказчикахъ, какъ о людяхъ, думать. Вѣдь сами приказчикомъ состояли, такъ каково бы вамъ было, если бы съ вами хозяинъ сталъ по такимъ поступкамъ поступать!

Сидоръ говорилъ строго. Зваровъ сдался и, поблѣднѣвъ, произнесъ:

— Ошибка, и ничего больше!

— А коли ошибка, то дозвольте намъ самимъ на варево мясо отпускать. Второй сортъ... Скажите только сколько—мы и отпустимъ.

— Да отпускайте. Ну васъ, къ лѣшему! согласился Зваровъ, а самъ думалъ: „вонъ оно какъ пошло! Прежде такъ разговаривать не смѣли. Это все газеты... Газетъ начитались... Газетное воображеніе и пошло“...

Требовали приказчики и договорныхъ книжекъ, отъ которыхъ Зваровъ все отвиливалъ. Пришлось выдать договорныя книжки. Получивъ договорныя книжки, приказчики потребовали полнаго денежнаго расчета по первое число мѣсяца.

— Но вѣдь это ужъ, стало быть, на васъ креста нѣтъ, коли вы хозяину даже пустяковъ не довѣряете, протестовалъ Зваровъ.—Два гроша у васъ всего и зажитыхъ-то за хозяиномъ, но ихъ вамъ подай. Нѣтъ, братъ, мы такъ съ своимъ хозяиномъ не поступали!

— Времена другія пришли. Каждое первое число деньги на бочку, и любезное дѣло будетъ, настаивалъ Сидоръ и поставилъ на своемъ.

„Социвализмъ“... рѣшилъ Зваровъ. „Что только дальше будетъ! Упаси Богъ... Хозяевамъ, кажется, въ кабалу къ приказчикамъ вступить придется“.

XXIII.

А бывшему своему приказчику Лаврентію Тихонову Зваровъ и до сихъ еще не отдалъ зажитые тридцать три рубля, которые остался долженъ.

„Проморю... думалъ онъ злобно. Не лѣзь съ хозяиномъ въ конкаренцію“.

При послѣднемъ свиданіи съ Лаврентіемъ Зваровъ сказалъ, что оставитъ деньги женѣ для передачи Лаврентію,— и вотъ Лаврентій, покончивъ торговлю изъ воза, почти черезъ день подъѣзжалъ съ пустой телѣгой къ лавкѣ Зварова и спрашивалъ Лукерью Ивановну:

— Не оставлялъ, госпожа хозяюшка, Евтихій Павлычъ мнѣ деньжонокъ, которыя обѣщалъ?

— Ничего не оставлялъ, отвѣчала Лукерья Ивановна.

Приказчики исподтишка смѣялись. Рыжебородый Лаврентій вздыхалъ, качалъ головой, скоблилъ затылокъ и уѣзжалъ, сказавъ:

— Прощенья просимъ, коли такъ. Заѣду опять... А вы, хозяюшка, ему поговорите, напомните. Вѣдь надо же когда-нибудь отдать. Мнѣ деньги на оборотъ нужны. Тоже вѣдь и въ долгъ покупателю вѣримъ.

Пріѣзжалъ Лаврентій всегда днемъ послѣ полудня, къ каковому времени кончалъ торговлю, распродавъ товаръ, и возвращался въ городъ, гдѣ квартировалъ, за новымъ товаромъ для слѣдующаго утра.

Въ послѣдній разъ Лаврентій пріѣхалъ нѣсколько позднѣе и засталъ Лукерью Ивановну уже пообѣдавшую и убравшуюся съ посудой. Она сидѣла около дверей лавки на крылечкѣ и грызла, не взирая на запретъ мужа, сѣмечки подсолнуховъ, отъ которыхъ не могла никакъ отвыкнуть. У ногъ ея бродила Дуня, придерживаясь за колѣна матери.

Лаврентій, остановившись около лавки Зварова, соскочилъ съ телѣги, прикрытой рогожей, оставивъ въ ней мальчика въ замасленномъ говяжьимъ саломъ картузѣ, и поклонился.

— Нѣтъ самого? Не пріѣзжалъ еще? задалъ онъ вопросъ.

— Не пріѣзжалъ. Да вѣдь онъ всегда только къ вечеру... дала отвѣтъ Лукерья Ивановна.

— А не оставлялъ денегъ для меня?

— Ни, Боже мой...

— А вы ему не напоминали?

— Напоминала. Да нешто они слушаютъ? Въ одно ухо впустятъ, въ другое выпустятъ. Спросишь что-нибудь—говорятъ только о дѣлахъ... Да вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ, у нихъ дѣла много.

— А это нешто не дѣло? возвысилъ голосъ Лаврентій.—У него дѣловъ много... А у меня ихъ нѣтъ?

— Да вы бы лучше вечеркомъ... и сами къ нему...

— Вечеркомъ, хозяюшка, у меня тоже дѣловъ по горло. Вѣдь надо товаръ къ утру приготовить... Да поѣсть, Господи благослови... Да выспаться лечь... Встаемъ-то съ пѣтухами, чтобъ и сюда пораньше поспѣть съ мясомъ. А вотъ теперь я мимоѣздомъ, чтобъ времени не терять. И онъ это знаетъ, и обѣщалъ мнѣ деньги приготовить и черезъ васъ передать. И вотъ я который разъ попусту ѣзжу.

— Я знаю, знаю... Да что жъ вы подѣлаете, коли они не внимаютъ, оправдывалась Лукерья Ивановна.

Лаврентій потрясъ головой.

— Ну, жила! произнесъ онъ. — Извините, Лукерья Ивановна, вы предметъ добродушный, а онъ жила. Прямо жила. Вы такъ ему и скажите.

— Не смѣю. Они забранятся. Они теперь, ой-ой, какой серьезный стали! Лучше вы сами скажите.

— Нѣтъ, ужъ теперь мнѣ осталось только къ мировому судьѣ.. Да вѣдь къ мировому-то подать—два торговыхъ дня потерять. Ну, человѣчекъ! Не такимъ онъ былъ, когда со мной вмѣстѣ у покойника Луки Матвѣича въ приказчикахъ жилъ. Самъ,

бывало, говорилъ: „за что такое хозяйское тиранство супротивъ приказчиковъ, коли и они люди!“ А теперь на-ко-ся!.. Ну, Зваровъ! Тридцать три рубля жилитъ. Вѣдь не такой онъ ужъ теперь, чтобы у него тридцати трехъ рублей не было. Онъ теперь корабль не махонькій, на двѣ лавки торгуетъ.

— Они просто на васъ обидѣвшись, сказала Лукерья Ивановна.

— За что?

— А за то, что вы по тѣмъ же дачамъ торгуете, гдѣ онъ лавку открылъ. Черезъ васъ мы и такъ копѣйку съ мяса спустили, чтобы къ себѣ покупателей заманить. А у насъ расходы: за дачу платимъ, за лавку, приказчикамъ жалованье платимъ, да и кормить ихъ надо. И я... я сама тоже имъ стою. Они вотъ не хотятъ, чтобъ я по деревенской модѣ ходила, и новое платье мнѣ шьютъ.

Въ рѣчи Лукерьи Ивановны сквозила наука мужа. Это былъ его тонъ. Посѣянное давало всходы.

Только что Лаврентій Тихоновъ уѣхалъ, пріѣхалъ Зваровъ съ товаромъ. Лукерья Ивановна не ждала его такъ рано. Она смутилась, поднялась со ступенекъ крыльца и стала отряхать съ юбки приставшую къ ней шелуху подсолнечныхъ зеренъ. Зваровъ строго взглянулъ на нее, посмотрѣлъ на засоренныя шелухой ступеньки и покачалъ головой:

— Не можешь отвыкнуть отъ деревенской привычки... А какъ я просилъ-то, сказалъ онъ.—Хозяйка тоже... Сидитъ у лавки и при всей публич-

ности подсолнухи грызетъ. Только мужа срамитъ.

— Простите... чуть слышно пробормотала она.— Я на солнышкѣ грѣлась. Такой день сегодня хорошій.

— Не въ днѣ дѣло. Ты мнѣ зубы-то не заговаривай... А пора эту извадку бросить, вотъ что. Стоило послѣ этого для тебя платье новомодное заказывать! Вѣдь оно больше двадцати рублей вскочитъ. Матерія двѣнадцать съ полтиной стоитъ, да портнихѣ за работу съ прикладомъ придется девять рублей заплатить.

— Простите... Больше не буду...

— При мнѣ не будешь, а какъ я уѣхалъ, и опять за старое.

Къ удивленію Зварова, приказчики его не выскочили изъ лавки, чтобы выгружать изъ телѣги привезенную имъ говядину. Онъ вошелъ въ лавку и увидѣлъ, что рябой приказчикъ Филатъ, налегши грудью на выручку, читалъ газету, а Игнашка лежалъ на скамейкѣ внизъ лицомъ и спалъ.

— Вотъ лодыри-то! И чего только я васъ кормлю, чертей! воскликнулъ онъ и хлопнулъ Игнашку картузомъ по спинѣ.—Вставай, паршивецъ, и иди разгружать телѣжку.

Игнашка вскочилъ со скамейки и засуетился. Филатъ выпрямился у выручки, поклонился хозяину и произнесъ:

— Да вѣдь покупателей нѣтъ, такъ отчего же не вздремнуть парнишкѣ!

— Учи еще меня! Меньше я тебя понимаю! Должно быть, въ газетѣ такую нравственность вычиталъ, чтобъ хозяевъ не уважать?

Зварова сопровождала жена, и, чтобъ утѣшить его, сказала:

— Только теперь покупателей нѣтъ, а давеча до обѣда торговали на порядкахъ...

Зваровъ промолчалъ и перешелъ въ комнаты. Черезъ полчаса онъ безъ пиджака и картуза сидѣлъ съ женой на заднемъ крыльцѣ, выходившемъ въ садикъ, пилъ чай около самовара, полизывая съ ложечки варенье. Видъ его былъ благодушный. Давишняго раздраженія не было. Выпивъ два стакана, Зваровъ разстегнулъ жилетъ, досталъ изъ особаго кармана въ подкладкѣ жилета двѣ тоненькія книжечки въ переплетахъ, положилъ ихъ передъ женой, прикрылъ ладонью и съ улыбкой ласково спросилъ жену:

— Знаешь ли ты, ярославка, что это за книжицы и что онѣ обозначаютъ?

— Да почему же мнѣ знать-то... отвѣчала она.

— Ну, посмотри ихъ. Разверни... Вѣдь грамотная.

Лукерья Ивановна развернула и стала перелистывать.

— Поняла? задалъ вопросъ мужъ.

— Откуда же мнѣ понять-то? Вижу вотъ, что сѣренькіе листочки и напечатано: „взаимнаго кредита“.

— Текущій счетъ... растягивая по слогамъ, произнесъ Зваровъ.—Поняла?

Лукерья Ивановна смотрѣла на него широкооткрытыми глазами и повторяла его слова.

— Текущій счетъ... Что же это обозначаетъ? задала она вопросъ.

— Вотъ дура-то баба непонимающая! А еще ярославка! подмигнулъ онъ ей.—Ну, да ладно, я объясню. По этой книжкѣ можно въ банкъ деньги вносить, а на нихъ идутъ проценты. Проценты-то знаешь, что такое?

— Проценты знаю. У насъ въ деревнѣ лавочникъ Кожуховъ даетъ деньги подъ проценты. Три рубля дастъ на поправку, черезъ мѣсяцъ принеси три съ полтиной.

— Ну, вотъ... Такъ и тутъ... Только не такіе большіе проценты. Сколько хочешь клади денегъ, на каждый рубль идутъ проценты. Вотъ эта первая книжка для пріема денегъ. А эта для выдачи... Къ примѣру, мнѣ надо платить. Вотъ возьму я, да на такомъ сѣренькомъ листочкѣ и напишу своей рукой, примѣрно, пятьдесятъ рублей. Напишу и подпишу свою фамилію: Евтихій Зваровъ... Ну, тогда, у кого этотъ листокъ... у меня ли или у кого другого, тотъ и получитъ изъ моихъ денегъ. Поняла теперь, дура полосатая? задалъ онъ вопросъ и съ широкой улыбкой ласково ее хлопнулъ по спинѣ.

— Очень даже чудесно поняла, отвѣчала она, тоже улыбаясь.

— Ну, вотъ... Слава Богу... Теперь ужъ настоящій торговецъ я... съ текущимъ счетомъ! Ау, братъ! Прежде, бывало, деньги за голенищи прятали... или, тамъ, въ тюфякъ зашивали для сохранности, что ли... Иные билеты покупали процентные и, опять, прятали въ тюфякъ. Старики такъ наши дѣлали... А теперь для торговца, который современность понимаетъ,—текущій счетъ, разсказы-

валъ Зваровъ.—А то зачѣмъ деньгамъ зря за голенищей или въ тюфякѣ лежать! Зачѣмъ? Лучше же пусть онѣ проценты приносятъ. Къ примѣру, у меня накопилось сто, двѣсти рублей... Платить за товаръ покуда не надо... а то если и надо, можно пооттянуть... Кредиторы подождутъ... надъ ними не каплетъ... а ты эти деньги на текущій счетъ, на проценты... И пока деньги лежатъ, каждый день тебѣ какое-нибудь приращеніе къ нимъ есть... Хоть на варенье, хоть на булку, хоть кошкѣ на говядину, да есть. Приставать кредиторы будутъ—у меня у самого въ долгахъ. Вотъ отвѣтъ. А очень ужъ приставать начнутъ—взялъ, написалъ чекъ и отдалъ. Отдалъ, а процентами-то все-таки малость попользовался. Поняла?

— Господи, да какъ же не понять-то! проговорила Лукерья Ивановна.

— Ну, то-то... Вотъ изъ-за этого-то я сегодня и пораньше пріѣхалъ, что текущій счетъ завелъ. Давно я сбирался этотъ текущій счетъ завести, да все то одно, то другое... А сегодня—аминь. Вотъ и пріѣхалъ къ тебѣ пораньше, чтобы малость воздушкомъ подышать.

Зваровъ подмигнулъ женѣ и спряталъ книжки обратно въ карманъ.

— Сейчасъ отъ меня выручку принимать будете? спросила Лукерья Ивановна.

— Успѣется. Куда торопиться! Налей-ка еще стакашекъ... Съ вареньемъ, да на легкомъ воздушкѣ отлично.

Онъ благодушно вздохнулъ, взялъ къ себѣ на

руки ползавшую около его ногъ дочку Дуню и сталъ ее ласкать, говоря:

— Ну, что, чумазая? Хочешь варенья?

XXIV.

Весь вечеръ Зваровъ пробылъ въ благодушномъ настроеніи, и Лукерья Ивановна, рѣдко видя его такимъ, млѣла отъ восторга. Обычное обхаживаніе ново-пріѣзжихъ дачниковъ онъ дѣлалъ даже всѣмъ семействомъ. Жена несла на рукахъ Дуню, Павля бѣжалъ впереди ихъ съ дудкой изъ ивовой коры, которую ему сдѣлалъ приказчикъ Филатъ, и пищалъ немилосердно. За ужиномъ онъ опять вынималъ пріемную и чековую книжки взаимнаго кредита, смотрѣлъ въ нихъ и говорилъ женѣ:

— И кромѣ того... Такъ какъ я членъ этого общества и внесъ туда пятьдесятъ рублей... То-есть, не на текущій счетъ, а членскій взносъ... И вотъ, какъ членъ общества, всегда могу занять подъ вексель пятьсотъ рублей, если бы нужда случилась. Принялъ, къ примѣру, отъ кого-нибудь вексель за товаръ и сейчасъ учесть могу изъ шести-семи процентовъ годовыхъ. Поняла?

— Видите, какъ хорошо! блаженно проговорила та съ какимъ-то особымъ придыханіемъ.

Видя благодушное состояніе мужа и сознавая важность текущаго счета, гдѣ будутъ теперь лежать деньги мужа, она даже не рѣшилась омра-

чить его сообщеніемъ, что сегодня опять пріѣзжалъ за долгомъ Лаврентій Тихоновъ.

„Пускай самъ онъ застаетъ Евтихія Павлыча, если ужъ ему такая надобность деньги получить, самъ съ него и получитъ. А мнѣ съ какой стати лѣзть и передавать? Что я за передавальщица такая! Вѣдь это только дразнить его“, рѣшила она.

И мужъ не былъ раздразненъ. Послѣ ужина онъ даже ходилъ съ ней въ паркъ слушать соловья, и остался ночевать. Послѣ закрытія лавки онъ даже приказчиковъ отпустилъ „пошляться на полчаса по улицѣ“, и только прибавилъ:

— Но въ портерную, гдѣ въ кегли играютъ, не заходить. А чинно, благообразно и безъ всякихъ выпивокъ.

Очевидно, текущій счетъ былъ для Зварова большой праздникъ.

Приказчики и сами удивились такой милости, что хозяинъ даже безъ ихъ просьбы отпустилъ ихъ погулять, и на слѣдующій день послѣ полудня, когда утихла торговля, говорили Лукерьѣ Ивановнѣ:

— Да что бы вамъ поговорить хозяину, чтобъ онъ каждое воскресенье насъ гулять отпускалъ хоть по вечерамъ, что ли... А теперь праздничный отдыхъ въ модѣ... Вонъ газеты читаешь, такъ то и дѣло пишутъ, что приказчики вездѣ праздничнаго отдыха требуютъ

— Ну, вотъ, вздумайте еще что-нибудь! Вѣдь это только Евтихія Павлыча раздразнить, отвѣчала Лукерья Ивановна. — Заругается, и будетъ вамъ баня...

— За что жъ ругаться-то? Вѣдь мы честь-честью просимъ... продолжалъ Филатъ.—Просимъ только по вечерамъ... А по вечерамъ все равно нѣтъ торговли не только въ праздникъ, но и въ будни.

— Какъ нѣтъ? Очень часто мясо на ужинъ покупаютъ.

— Такъ на ужинъ-то могуть и до пяти часовъ въ праздникъ купить. Чего бояться-то? Мясники въ возахъ не перебьютъ. Они только до двухъ часовъ дня съ возами ѣздятъ. А праздничный отдыхъ теперь у всѣхъ на умѣ. Въ газетахъ-то вѣдь читаемъ. По всѣмъ городамъ забастовки и разговоры насчетъ сокращенія часовъ торговли. Да не только одни приказчики, а и пекаря стачившись. И гдѣ стачились — получили свою выгоду. А пекаря-то важнѣе мясниковъ. Хлѣбъ... Безъ хлѣба-то важнѣе, чѣмъ безъ мяса. А вотъ обошлось—и идетъ все по-хорошему.

Лукерья Ивановна покачала головой и сказала:

— Экіе вы какіе ненасытные! Евтихій Павлычъ по своей добротѣ вчера вамъ погулять позволилъ, а вы ужъ и всѣ праздники гулять захотѣли.

— Да вѣдь люди, Лукерья Ивановна... такіе же люди, какъ и хозяева. Отчего хозяевамъ можно гулять, а приказчикамъ нельзя? Гдѣ тутъ законъ природы? горячился Филатъ.

— Конечно же, такіе же человѣки... Двѣ руки, двѣ ноги... и все нутро въ такомъ же порядкѣ у приказчиковъ, поддакнулъ Игнашка, глупо усмѣхнувшись.

— А тебѣ-то грѣхъ это и говорить, Игнашка, упрекнула его Лукерья Ивановна.—Тебѣ хозяинъ

ни за что, ни про что жалованье платитъ, тогда какъ ты долженъ еще цѣлый годъ жить въ ученьи.

— А знаете, какъ это называется? вдругъ задалъ вопросъ Филатъ.—То-есть, все то, что происходитъ насчетъ отдыха и прибавки жалованья. Въ газетахъ это называютъ народное самосознаніе. Да-съ... Самосознаніе... пробужденіе...

— А ты газетамъ-то не вѣрь. Мало ли что газеты пишутъ! Да и что тебѣ газеты? Газеты сами по себѣ, а ты самъ по себѣ... опять замѣтила хозяйка.

— Нѣтъ, не скажите. Онѣ насъ уму-разуму учатъ. До войны я очень мало читалъ газеты... Вопля этого не было. Читалъ божественное, читалъ и романы... „Королеву Маргу“ прочиталъ. А вотъ съ войны газеты... читаю и вижу, что ужъ давно пора прекратить передъ хозяевами шею-то протягивать! Да-съ... Изъ-за этого и безпорядки.

Рябое лицо Филата покраснѣло, и онъ такъ сверкнулъ глазами, что Лукерьѣ Ивановнѣ даже жутко сдѣлалось.

— Чего ты передо мной-то храбришься? сказала она ему.—Ты храбрись передъ Евтихіемъ Павлычемъ. Я баба.

— И передъ нимъ буду храбриться. Довольно ужъ надъ нами тиранствовать! Я не одинъ, я не за себя одного просить буду, а у насъ въ здѣшней мѣстности три мясныя лавки и восемь приказчиковъ. Сначала приступимъ къ хозяевамъ и будемъ просить о праздничномъ отдыхѣ честь честью, а не уважатъ, такъ и забастуемъ. Пусть хозяева

одни торгуютъ. Пусть попробуютъ. Становитесь тогда и вы вдвоемъ съ Евтихіемъ Павлычемъ въ лавку, рубите говядину, вѣшайте! Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. Съ приказчиками въ здѣшнихъ мясныхъ лавкахъ я ужъ вчера сговорился во время прогулки. Всѣ согласны.

Филатъ, все болѣе и болѣе разгорячаясь, въ волненіи прошелся по лавкѣ изъ одного угла въ другой

Лукерья Ивановна опять укоризненно покачала головой.

— Ахъ, ты, неблагодарный, неблагодарный! Тебя хозяинъ гулять отпустилъ, а ты народъ бунтовать пошелъ. Хорошо же ты цѣнишь его добро!

— Добра тутъ нѣтъ-съ, а обязанность! Нельзя людей на цѣпи держать! Довольно! воскликнулъ Филатъ.

— Да что ты глаза налилъ, что ли, что на меня кричишь? Я къ тебѣ съ лаской, а ты...

— Насчетъ этого—ахъ, оставьте! Я пить пью по малости, когда ежели въ праздникъ, а глаза водкой никогда не наливалъ. Я по старой вѣрѣ, а не вашъ церковникъ. Насчетъ этого у насъ строго...

— Есть чѣмъ хвастаться! Что жъ тутъ такого, что по старой вѣрѣ?

— Не только хвастаюсь, а и горжусь этимъ, что мы настоящую вѣру сохранили. Теперь можно хвастаться. По новому положенію запрету нѣтъ.

— Раскольникъ, и ничего больше... продолжала Лукерья Ивановна.

— Не раскольникъ, а старообрядецъ. Не имѣете

права такъ называть. А пьянства у насъ и въ роду не было. Старообрядецъ! повторилъ Филатъ и хлопнулъ себя ладонью въ грудь.

— Ну, довольно, довольно! Чего расходился? Вотъ пріѣдетъ хозяинъ, такъ съ нимъ говори, остановила его Лукерья Ивановна.—А я что же? Я баба.

Филатъ не унимался:

— И съ хозяиномъ будетъ большой разговоръ насчетъ праздничнаго отдыха. Не дастъ—стачимся. Не со вчерашняго дня у насъ объ этомъ ужъ задумано. Вчера это такъ... только между здѣшними приказчиками разговоръ былъ. А насчетъ праздничнаго отдыха для мясниковъ у насъ большой разговоръ въ первый день Пасхи былъ въ трактирѣ у Быковъ.. И насчетъ поднятія жалованья говорили, и насчетъ отдыха... И порѣшили... И кто былъ не дуракъ, тотъ поднялъ себѣ жалованье. Я вотъ поднялъ. Не далъ мнѣ прибавки мой прежній хозяинъ—я къ другому перешелъ, къ вашему супругу... А онъ хоть и жался, и ломался, а все-таки далъ мнѣ прибавку супротивъ прежняго моего жалованья, потому—кругомъ вода, ничего не подѣлаешь. И насчетъ праздничнаго отдыха будетъ по-нашему, если стачимся, потому тоже будетъ кругомъ вода для хозяевъ.

Филатъ на минуту умолкъ. Лукерья Ивановна глядѣла на него во всѣ глаза и думала:

„Бѣлены объѣлся парень, что ли? Смотри, какую грозность на себя набралъ! Надо будетъ объ немъ Евтихію Павлычу сказать, когда на дачу пріѣдетъ“.

Въ раздумьи она опустила въ карманъ платья руку, вынула оттуда нѣсколько запретныхъ подсолнечныхъ зеренъ и принялась ихъ грызть по старой привычкѣ. Филатъ сѣлъ на скамейку и уже мягкимъ тономъ произнесъ:

— Вотъ оно и выходитъ, что газеты-то добру научили. Не даромъ нашъ хозяинъ такъ не любитъ, когда ихъ приказчики читаютъ. Праздничный отдыхъ нуженъ, всѣмъ нуженъ. Вѣдь изъ-за дѣловъ всѣ Бога забыли. Когда тутъ къ старикамъ въ моленную сходить лобъ перекрестить, или церковному человѣку въ церковь, если всѣ праздники съ утра до вечера торговля идетъ? А что я глаза налилъ—напраслина... грѣшите. Мало вы меня знаете, недавно я у васъ служу—вотъ и ошибка, закончилъ онъ.

На этомъ разговоръ и прекратился.

XXV.

Въ половинѣ мая, благодаря хорошей, ясной погодѣ въ этомъ году, дачники почти всѣ съѣхались Торговля Зварова въ дачной лавкѣ, сверхъ ожиданія, развилась настолько, что двое приказчиковъ въ торговые часы уже еле могли справляться. Малоопытная Лукерья Ивановна начала обсчитывать себя въ сдачѣ, очень медленно справляясь съ костяжками счетовъ, если приказчикъ не помогалъ ей, а въ горячее время помогать ужъ

не приходилось. Были два случая, что купившіе говядину уходили, не заплативъ за нее. О такихъ грѣхахъ Лукерья Ивановна, боясь мужа, не разсказывала, но Зварову передалъ приказчикъ Филатъ и просилъ, чтобы имъ прибавили еще мясника.

— Не прибавите человѣка—кражи даже могутъ быть, говорилъ Филатъ. — Гдѣ жъ троимъ углядѣть? Лукерья Ивановна за кассой... деньги принимаетъ, сдачу сдаетъ, на счетахъ брякаетъ, записки на товаръ выдаетъ, которые ежели хозяева невѣроятные и кухаркамъ своимъ не довѣряютъ. Игнашка товаръ разноситъ, потому иныя кухарченки прямо этого требуютъ. Сами знаете, какой нынче народъ среди этого сословія... Шесть-семь фунтовъ мяса тяготится сама тащить. А товаръ отпускаю я одинъ...

Торжествовавшій по поводу увеличенія торговли Зваровъ нахмурился, когда увидалъ, что дѣло идетъ о прибавкѣ наемнаго человѣка, и перебилъ Филата:

— Ты мнѣ зубы-то не заговаривай! Что ты меня учишь! Нешто я самъ не понимаю! Вѣдь тутъ дѣло какъ идетъ?.. Скопится покупатель, а потомъ опять и нѣтъ никого... Вы очередь соблюдайте. Одного отпустили—за другого принимайтесь, и такъ далѣе...

— Правильно. Но углядѣть-то трудно одному за тѣми, которые очереди ждутъ. Здѣсь голи-шмоли всякой много. Пришла полтора фунта обрѣзковъ купить, а не доглядишь—шесть-семь фунтовъ ссѣку подъ тальму, да и была такова... А шесть фун-

товъ ссѣку на рубль слишкомъ. Съ какой же стати убытки-то терпѣть!

Доводы были основательны. Зваровъ и самъ сознавалъ все это, но ему не хотѣлось увеличивать расходы по содержанію лавки. Онъ пожурилъ жену за упущенія, но все-таки рѣшилъ взять въ лавку еще одного приказчика. Къ тому же онъ и раньше разсчитывалъ, что приказчиковъ должно быть двое и при нихъ мальчикъ, но мальчикъ долженъ быть безплатный. Игнашка-же ужъ получалъ пять рублей жалованья.

— А ты вороной-то не будь. Ротъ-то не разѣвай, когда за выручкой стоишь, говорилъ Зваровъ Лукерьѣ Ивановнѣ.—А то подсолнухи да кукушка на умѣ. „Кукушечка таково слезно куковала“!.. передразнилъ онъ ее, припомнивъ старое.—А я тебѣ еще новое новомодное платье сдѣлалъ! Вотъ перламутровыя пуговицы къ платью и просолила, о кукушкѣ мечтая.

— Да я вовсе не изъ-за кукушки .. оправдывалась жена.—А гдѣ же тутъ углядѣть, если сразу столько народу скопилось! На счетахъ смекаешь... Дуня плачетъ... А подсолнухи я давно ужъ бросила.

На слѣдующій день Зваровъ явился съ новымъ приказчикомъ, торговавшимъ когда-то у хозяина въ мясной лавкѣ на Сѣнной и уволеннымъ отъ мѣста за то, что записался членомъ въ общество приказчиковъ. Зваровъ зналъ объ этомъ вольнодумствѣ новаго служащаго, но другого выбора не было.

„Ничего не подѣлаешь; должно быть, ужъ

время такое настало, что всѣ съ рельсовъ сошли», подумалъ Зваровъ. "Противъ рожна не попрешь. Куда ни сунься теперь—вездѣ новыя мудрствованія. Ну, да вѣдь я воли много не дамъ".

Новый приказчикъ звался Захаромъ и былъ молодой, кудрявый, красивый и франтоватый парень съ маленькой черной бородкой, въ сапогахъ съ голенищами лакированной кожи и даже въ сорочкѣ съ крахмальными воротничками, выглядывавшими изъ-за ворота жилета. На жилетѣ его покоилась серебряная часовая цѣпь черезъ шею, а на головѣ былъ новый картузъ съ яркимъ глянцевымъ козыремъ. Привезъ онъ съ собой расписной сундукъ, обитый жестью устюжскаго издѣлія, съ „замкомъ малиноваго звона", и связку книгъ. Зваровъ, съ которымъ приказчикъ ѣхалъ въ телѣжкѣ, все время косился на книги и наконецъ спросилъ, что это за книги.

— А тутъ, изволите ли видѣть, сочиненія Пушкина есть и Жуковскаго... Правила, куда ставить букву „ѣ", стихи Кольцова... Поэтъ такой былъ изъ простого народа. Еще кое-что... отвѣчалъ приказчикъ.

— Гм... На что же тебѣ эти книги?

— Люблю поэзію-съ... и даже самъ подчасъ... Хозяева-то этого вообще не одобряютъ, а вамъ я признаюсь... я подчасъ и самъ пишу стихи изъ простонароднаго быта. По вечерамъ отъ скуки...

— Ну, это ты брось... Для торговца это дѣло неподходящее... Ни къ чему хорошему это не приведетъ... сказалъ ему Зваровъ.

— Позвольте... Зачѣмъ же бросать? Вамъ оно не

повредитъ, потому: я по вечерамъ, въ свободное время... А мнѣ удовольствіе... Я что чувствую, то и пишу въ тетрадку... Для себя пишу, а не для того, чтобъ печатать.

— Еще-бы ты пропечатывать въ газетахъ вздумалъ! Тогда бы я тебя у себя и дня не продержалъ.

— Я знаю-съ .. А въ Европѣ, говорятъ, это дозволяется. Все дозволяется, что насчетъ образованія... Сапожникъ живетъ у хозяина и по праздникамъ стихи пишетъ. Мясникъ-приказчикъ въ свободное время на лекціи ходитъ.

— Ну, ты это умствованіе-то брось... Не люблю я этого! оборвалъ Захара Зваровъ.

— Я знаю, что наши хозяева этого не любятъ. Они боятся, что ихъ въ газетахъ пропечатаютъ насчетъ ихъ дикости. А я про Европу...

— Оставь... Ты луше старайся заслужить, старайся хозяину выгоду навести... За это и тебя хозяинъ не оставитъ. Увидитъ твое стараніе и черезъ годъ прибавитъ тебѣ, когда поѣдешь въ деревню.

— Да вѣдь стихи мои никому не мѣшаютъ. Я вѣдь сказалъ, что только про себя пишу и въ свободное время. Зато у меня нѣтъ малодушія къ вину... Я виномъ не занимаюсь.

— Все равно, брось...

На этомъ разговоръ и кончился. Но ужъ Зварову запала въ голову мысль, что новый приказчикъ будетъ неудаченъ, о чемъ онъ въ тотъ же день сообщилъ женѣ за чаемъ.

— Привезти-то привезъ я тебѣ молодца, но, кажется, онъ намъ придется не ко двору.

— А что такое? задала вопросъ Лукерья Ивановна.

— Разсудка въ себѣ много допускаетъ—вотъ что... Поэзія въ головѣ... А гдѣ поэзія, тамъ ужъ для торговли толку мало. Ты за нимъ присматривай, а потомъ мнѣ разскажешь.

И Зваровъ разсказалъ женѣ, въ чемъ дѣло. Та попробовала было возразить, чтобы успокоить мужа.

— Такъ что жъ изъ этого? начала она.—У насъ въ деревнѣ волостной писарь, говорятъ, стихи пишетъ.

На это Зваровъ только пожалъ плечами и раздраженно сказалъ:

— Ахъ, какъ трудно съ непонимающими бабами о дѣлахъ разговаривать! Говорю тебѣ только одно: наблюдай за нимъ, чтобы онъ не мололъ вздора и не смутьянилъ другихъ приказчиковъ. Я самъ живалъ въ приказчикахъ и знаю народъ. Мнѣ некогда присматриваться... Я сюда наѣздомъ... А ты наблюдай, прислушивайся и разскажешь мнѣ потомъ, что было.

— Да хорошо, хорошо, Евтихій Павлычъ, отвѣчала супруга.—Все вамъ передамъ. А только если насчетъ смутьянства, то у насъ нашъ Филатъ первый смутьянщикъ будетъ.

— А что такое? Что? спросилъ Зваровъ.

— Да только и говоритъ, чтобы по праздникамъ не торговать. Что шесть дней работай, а воскресенье Богу... Съ сосѣдскими мясниками даже сговаривался, чтобъ стачиться и не выходить въ лавки по праздникамъ.

— Ну, объ этомъ-то всѣ они говорятъ, только ничего изъ этого имъ не очистится. Давно ужъ объ этомъ разговоръ идетъ,—а что сдѣлали? Я такъ полагаю, что если бы и хозяева сговорились, чтобы мясники по праздникамъ не торговали, то этого и полиція не позволитъ, потому и приставъ говядину ѣстъ по праздникамъ, и полиціймейстеръ, и околоточный .. Да и кухарки съ поварами бунтъ сдѣлаютъ и лавки разнесутъ. Какъ это можно! Пустопорожнее воображеніе—и ничего больше.

На слѣдующее утро новый приказчикъ Захаръ заторговалъ, и Лукерья Ивановна сейчасъ же увидала, что это расторопный, ловкій продавецъ. Онъ сыпалъ направо и налѣво комплименты кухаркамъ, зналъ чѣмъ угодить экономнымъ хозяевамъ, предлагая жирный тонкій край на щи, огузокъ на бульонъ и битки.

— Тутъ и косточка для мозгового навара, тутъ и мякоти для фаршу достаточно. Огузокъ самое любезное мѣсто, пояснялъ онъ.

Дѣлалъ онъ все это такъ ловко, съ такой привѣтливостью, что Лукерья Ивановна залюбовалась на его красивую фигуру.

Было это въ часы торговли, когда въ лавкѣ толпились покупатели, но послѣ полудня, во время торговаго затишья, когда Лукерья Ивановна, прибравъ послѣ обѣда посуду, сидѣла въ лавкѣ и отъ нечего дѣлать вязала прошивки для наволочекъ къ подушкамъ, Захаръ вдругъ заговорилъ о праздничномъ отдыхѣ и союзѣ мясниковъ-приказчиковъ.

XXVI.

Союзы приказчиковъ надо заводить, союзы!.. А безъ союзовъ съ праздничнымъ отдыхомъ на бобахъ такъ и останемся, проповѣдывалъ новый приказчикъ Захаръ, обращаясь къ своимъ собратьямъ по лавкѣ Филату и Игнашкѣ.—Приказчики-мясники свой союзъ, зеленщики свой, служащіе въ мелочныхъ лавочкахъ свой. Да во главѣ надо поставить старостъ... такихъ приказчиковъ, которые пошустрѣе. Тогда и дѣло наше на ладъ пойдетъ. А на хозяйскую милость нечего надѣяться. Скажетъ союзъ, чтобы забастовать, и забастуемъ. Мы видимъ—только забастовками дѣло и дѣлается. Союзъ и за каждаго приказчика заступится, если хозяинъ его уволитъ. Поддержка...

Лукерья Ивановна слушала Захара и въ удивленіи смотрѣла на него во всѣ глаза, но не перебивала его. Ей даже нравилась его рѣчь. Ее подкупала также его красивая, молодцоватая фигура.

Слушалъ его и пекарь изъ сосѣдней мелочной лавки, среднихъ лѣтъ мужикъ съ краснымъ, потрескавшимся отъ печного жара, лицомъ, съ мучной пылью въ волосахъ и въ рыжеватой бородѣ, въ опоркахъ на босую ногу, безъ шапки, съ разстегнутымъ воротомъ пропотѣвшей рубахи и въ передникѣ. Онъ зашелъ къ сосѣдямъ, чтобы отдохнуть въ чужой обстановкѣ и покалякать послѣ

поистинѣ тяжелаго труда въ пекарнѣ, и покуривалъ самодѣльную папиросу, свернутую изъ газетной бумаги.

Захару поддакивалъ рябой приказчикъ Филатъ.

— Да и праздничнаго отдыха мало. Ужъ хлопотать, такъ хлопотать и о сокращеніи часовъ торговли въ будни, сказалъ онъ.—Вѣдь шутка ли, шестнадцать часовъ на ногахъ въ лавкѣ! Въ семь часовъ утра отворяемъ и въ десять часовъ вечера кончаемъ.

— А мы даже больше подчасъ... У насъ иногда часовъ восемнадцать пропляшешь кадрель около квашни и печи, замѣтилъ пекарь, затянулся папиросой и сплюнулъ.

— Зато вы пьянствуете не въ свою голову, вставила свое слово Лукерья Ивановна.—На прошлой недѣлѣ запьянствовали и цѣлыя сутки пропадали.

— Всякій запьетъ, хозяюшка, послѣ такой каторжной работы, отвѣчалъ пекарь.

— И о сокращеніи часовъ торговли надо стараться, продолжалъ Захаръ. — Это само собой... Съ какой стати до десяти часовъ вечера въ лавкѣ сидѣть? И дѣла-то подчасъ такъ поздно никакого не бываетъ. Можно смѣло запираться въ восемь... Съ какой стати въ семь утра отворяться? Въ восемь достаточно. Вотъ вамъ ужъ сейчасъ три часа долой... И безъ всякаго ущерба для торговли. Вѣдь ужъ и такъ будетъ тринадцать часовъ. На часъ больше полусутокъ. Но опять-таки безъ союза ничего не подѣлаешь, развелъ онъ руками.—Какъ

безъ союза—сейчасъ тебя подъ ноготь и какъ блоху раздавятъ, какъ ни болтай языкомъ.

— Я помню, что въ Пасху въ трактирѣ у Быковъ на сходкѣ разговоръ былъ о союзѣ, проговорилъ Филатъ.—Я вѣдь былъ на сходкѣ.

— И я былъ, но потомъ не собирались и о союзѣ все заглохло, отвѣчалъ Захаръ.— Вотъ развѣ въ Троицу, которые ежели на гулянку отпросятся и опять сойдутся. Забастовать надо, иначе ничего не подѣлаешь. Типографщики добились выгодъ забастовкой, фабричные — забастовкой... Всѣ забастовкой. Ну, поголодать малость, если что... А ужъ зато потомъ будетъ хорошо.

— Наши и бастовали, да ничего не добились, проговорилъ пекарь, опять сплюнулъ и махнулъ рукой.

— Я на Сѣнной слышалъ, что будто въ слѣдующее воскресенье назначена сходка приказчиковъ въ Александровскомъ саду, объявилъ Захаръ. — Не мясниковъ, а всѣхъ вообще приказчиковъ.

— Это намъ не подходитъ, отрицательно покачалъ головой Филатъ. — Намъ съ франтиками-суровщиками и вязаться нечего... Совсѣмъ другая нація.

— И слышалъ я такъ, что ходоки по лавкамъ будутъ ходить и народъ собирать, когда окончательно рѣшатъ, въ какой день собираться...

— Пустое дѣло, стоялъ на своемъ Филатъ.— Вѣдь если всѣмъ приказчикамъ собираться, то это значитъ двадцать-тридцать тысячъ. Сейчасъ разгонятъ. Мясники должны отдѣльно...

— И я говорю, что отдѣльно... Тихо, смирно, безъ скандала, своей мясниковской кучкой... И самое лучшее собраться на какомъ-нибудь кладбищѣ. Тамъ не разгонятъ. Нешто съ кладбища могутъ гнать? Да я своихъ сродственниковъ припѣлъ помянуть, на могилкахъ ихъ воздохнуть. И если только половина мясниковъ соберется, и то можно сговориться и дѣло сдѣлать. Прежде всего союзъ... Выбрать ходоковъ, написать прошеніе и просить о разрѣшеніи союзовъ. Союзы теперь разрѣшаютъ. Ужъ всякіе союзы есть... Въ газетахъ было писано, что ужъ въ Москвѣ союзъ союзовъ образуется. Вотъ оно куда пошло.

— Да москвичи вообще молодцы! Честь имъ и слава! согласился Филатъ. — Они питерцевъ за поясъ заткнули.

Пекарь слушалъ, улыбнулся, махнулъ рукой и спокойно проговорилъ:

— Ничего вы, ребята, не подѣлаете, сколько ни храбритесь. До скончанія вѣка у приказчиковъ съ хозяевами война будетъ, и никогда вамъ ихъ не одолѣть. Право слово, не одолѣть... Бросить надо и сократиться. А коли подчасъ не втерпежъ, взять да и запить, чтобъ отвести душу.

— Нѣтъ, не согласенъ... стоялъ на своемъ Захаръ. — Одинъ человѣкъ ничего не подѣлаетъ, а союзъ отлично подѣлаетъ. Ты вотъ что... Ты возьми метлу... простую метлу. Она мететъ, дѣло дѣлаетъ. А возьми разрѣжь эту метлу и раздѣли на прутья... Нешто каждый прутъ отдѣльно можетъ у тебя вымести полъ и чистоту навести? Такъ и тутъ. Союзъ—сила.

Пекарь, кряхтя и держась за стѣну, поднялся со скамейки и ушелъ. Разговоръ умолкъ. Лукерья Ивановна покачала головой и сказала:

— Однако, посмотрю я на васъ, и ядовиты же вы, ребята, насчетъ хозяевъ. Фу, какъ ядовиты!

Сказавъ это, она подумала:

„Непремѣнно надо обо всемъ этомъ Евтихію Павлычу доложить. А то что жъ это, помилуйте! Они бунтъ какой-то затѣваютъ. Сначала только одинъ Филатъ глупости говорилъ, а уже теперь двое“...

Къ вечеру пріѣхалъ Зваровъ и объявилъ женѣ:

— Съ завтрашняго дня надо по копѣйкѣ на фунтъ на мясо накинуть. Сейчасъ я скажу приказчикамъ.

— Съ чего же это? спросила Лукерья Ивановна.—Вздорожало оно, что ли?

— Нѣтъ, не вздорожало. Сегодня даже на двадцать копѣекъ въ пудѣ дешевле купили. Привозъ скота отличный. А ужъ довольно намъ по низкимъ-то цѣнамъ продавать. Вѣдь спустили копѣйку при открытіи лавки, чтобъ у Лаврентія Тихонова покупателя отбить. Ну, а теперь довольно. Покупатель привыкъ къ лавкѣ. Да и книжками заручились. Кто на книжку въ долгъ беретъ, не такъ-то скоро изъ-за копѣйки сбѣжитъ.

— То-то жаловаться начнутъ! То-то плакаться будутъ! А ужъ въ особенности эти хозяйки, которыя сами закупать провизію ходятъ.

— А пущай. Всѣхъ нищихъ не ожалѣешь. Намъ же зачѣмъ опускать то, что по рѣчкѣ плыветъ. Теперь приказчика новаго взяли. Надо рас-

ходы-то наверстывать. Не говоря ужъ объ его жалованьѣ, а онъ парень молодой, всегда и съѣстъ больше. Хлѣбъ, мясо, крупа, соль, сахаръ къ чаю. Учти-ка все это. Да толкуютъ, что сахаръ на-дняхъ долженъ копѣекъ на пять въ фунтѣ вздорожать. Новый налогъ на сахаръ для войны будетъ. Охъ, ужъ эта война! Нѣкоторые торговцы ужъ попридерживаютъ сахаръ, а другіе прямо и на сахарный песокъ, и на сахаръ накинули. Такъ вотъ и мы на мясо накинемъ.

— Ваша воля. Но намъ сказывали, что Лаврентій спустилъ копѣйку съ фунта мяса. Покупатели сказывали...

— А ты вѣрь покупателямъ! Нарочно путаютъ. Гдѣ же Лаврентію спустить, ежели онъ, какъ маленькій человѣкъ, дороже меня мясо покупаетъ. Ну, что новый приказчикъ? спросилъ Зваровъ, помолчавъ.

— Ахъ, Евтихій Павлычъ! Приказчикъ онъ хорошій, ловкій парень, по торговлѣ прямо за двоихъ управляется и ужъ куда лучше рябого Филата.

— Ну, ну... Не больно расхваливай.. Что же дальше-то?

— Но ужъ больно норовистъ... отвѣчала Лукерья Ивановна.

— То-есть, что же это значитъ? спросилъ Зваровъ.

— А то и значитъ, что такой у него норовъ, что о чемъ бы онъ ни говорилъ, все супротивъ хозяевъ. Праздничный отдыхъ этотъ самый... потомъ, чтобъ долго не сидѣть въ лавкахъ и отворяться позднѣе.

Зваровъ махнулъ рукой.

— Ну, это пустое дѣло! Всѣ они объ этомъ болтаютъ, только ничего не возьмутъ. Это старая пѣсня. Вѣдь и мы, когда были приказчиками, объ этомъ же толковали, сказалъ онъ.—Пускай говорятъ, сколько влѣзетъ, пускай тѣшатся. Человѣкъ, ты говоришь, расторопный, торговлю знаетъ и хмельнымъ не особенно занимается — вотъ и довольно. Былъ бы только на руку чистъ, вотъ ты насчетъ чего замѣчай. А болтать по-сорочьи, пусть болтаетъ. Вѣдь это все изъ газетъ. Въ газетахъ и о стачкахъ, въ газетахъ и о праздникахъ, въ газетахъ и о сокращеніи часовъ торговли,—ну, вотъ ихъ и задоритъ, и хочется имъ вровень быть. Пускай болтаютъ. А копѣечку накинуть надо, это не вредитъ.

Зваровъ вышелъ въ лавку и объявилъ приказчикамъ, чтобы съ завтрашняго дня продавали мясо по копѣйкѣ на фунтъ дороже.

XXVII.

Настало такое время, что слова „забастовка, стачка, улучшеніе быта приказчиковъ, союзъ, повышеніе жалованья, праздничный отдыхъ, сокращеніе часовъ торговли“ не сходили съ языка у находившихся въ лавкѣ Зварова. Говорили объ этомъ не одни приказчики, а и являвшіеся покупатели. Приходила какая-нибудь жена портного-

штучника, работавшаго на магазинъ готовыхъ платьевъ и ради экономіи живущаго на окраинѣ,—и та разсказывала:

— И наши портные-штучники стачились передъ хозяевами. И таково прекрасно вышло. Моему сожителю по три гривенника на брюки накинули и по три гривенника на жилетку. Вотъ зѣвай послѣ этого! А наши вѣдь портные рохли. Цѣлый день на верстакѣ поджавши ноги сидитъ, такъ вѣдь онъ заневолю на манеръ мокрой курицы. А тутъ стачились. Стачились и перестали работать. А вѣдь теперь, весной, передъ Троицей у хозяевъ работы много... Давальцы торопятъ, ругаются,—ну, хозяева и уступили.

— По городамъ конки и трамваи электрическіе не ходятъ. Вся прислуга коночная стачилась и требуетъ прибавки, сообщаетъ приказчикъ Захаръ.— Въ газетахъ пишутъ, что и въ Москвѣ то же самое... Вотъ и шагай благородная публика по образу пѣшаго хожденія! прибавляетъ онъ съ злорадствомъ.— Тамъ и прибавки требуютъ, и сокращенія рабочихъ часовъ требуютъ. Вездѣ забастовка. Извозчики ломовые, извозчики легковые... Всѣ, всѣ... Только наши господа приказчики медлятъ.

— Да и то только питерскіе, прибавляетъ рябой Филатъ.—А въ другихъ городахъ повсюду возставши. И мясники, и мелочники.

— Да вѣдь ужъ получили вы прибавки, такъ чего жъ вы еще-то заритесь! замѣчаетъ Лукерья Ивановна.—Вѣдь и хозяева люди. Съ одного вола семь шкуръ не деруть.

— Праздничный отдыхъ, хозяюшка, празднич-

ный отдыхъ... поясняетъ Захаръ. — Сокращеніе часовъ торговли.

— По воскреснымъ днямъ лба перекрестить некогда... мрачно прибавляетъ старообрядецъ Филатъ.

Даже кухарки, приходившія въ лавку за мясомъ, и тѣ грозили подчасъ забастовкой, будучи недовольны хозяевами.

— Четыре фунта, четыре фунта, ни больше, ни меньше отъ огузка отрѣжьте, говорила Захару молодая, миловидная кухарка съ вѣткой сирени въ косѣ.—А то наша хозяюшка сахарная цѣлый скандалъ дома подниметъ, зачѣмъ я четыре съ восьмушкой купила.

— Неужто такія строгія? ласково освѣдомляется Захаръ, молодцовато отрѣзавъ говядину.

— Жить невозможно. Въ трехъ-четырехъ копѣйкахъ усчитываетъ. Идолъ, а не дама.

— Всѣ онѣ, милая, таковы, всѣ на одинъ покрой, подходитъ къ ней пожилая кухарка въ желтомъ платкѣ на головѣ.—Наша такъ даже мыло усчитываетъ, простое сѣрое мыло. По куску выдаетъ, и покажи ей потомъ обмылокъ, чтобы новый кусокъ получить. А то дастъ изжарить кофей и ругается потомъ, что много ужарилось. Ты, говоритъ, себѣ отсыпала.

— А вотъ стачиться всѣмъ кухаркамъ, стачиться и забастовать! Пускай сами хозяйки становятся къ плитѣ, проповѣдуетъ молодая.

Захаръ принимаетъ это въ серьезъ и спрашиваетъ:

— Да вы чего же собственно добиться-то хотите?

— Да того же, чего и мужчины. У меня есть

знакомый слесарь... На заводѣ онъ. Такъ они стачились, три-четыре дня безъ дѣла прослонялись, а теперь онъ на шесть гривенъ въ день больше получаетъ.

— Тамъ другое дѣло, тамъ у всѣхъ одинаковая заработная плата, а у васъ, у кухарочекъ, что домъ, то разное жалованье... Одна шесть рублей въ мѣсяцъ получаетъ, а другая—двѣнадцать. Такъ на какое жалованье стачка-то? Чего требовать будете?

Кухарка недоумѣваетъ. Она никогда и не задавала себѣ такого вопроса.

— Да просто, чтобъ проучить хозяекъ, чтобы не очень куражились надъ нами. А то: гостей къ себѣ не принимай, пойдешь со двора послѣ стряпни—въ одиннадцать часовъ домой. Да и такъ въ каждомъ кускѣ усчитываютъ...

— Никакого толку изъ этого не выйдетъ, отрицательно покачалъ головой Захаръ.—Вотъ, если бы вы свободный день себѣ разъ въ недѣлю требовали... Да и то... Нѣтъ, ничего не выгоритъ...

Онъ махнулъ рукой.

Пріѣзжалъ Зваровъ—и тотъ говорилъ съ женой о стачкахъ.

— Вчера офиціанты въ садовыхъ ресторанахъ стачились и забастовали. Въ газетѣ пишутъ, что въ Сестрорѣцкѣ сама публика въ кухню за порціями ходила. Требуютъ прибавки, и чтобъ за бой посуды съ нихъ хозяева не высчитывали, сообщалъ онъ.—Ну, народъ! Ну, прислуга! Скоро дойдетъ до того, что самимъ хозяевамъ къ прислугѣ въ услуженіе пойти придется, прибавилъ онъ.—Вотъ

время-то настало! А-ахъ! Бунтуетъ народъ, по всей Россіи бунтуетъ. То пристава гдѣ-нибудь подстрѣлятъ, то полиціймейстера. А городовымъ—ужъ и счета нѣтъ. И, вѣдь, что удивительно: читаешь объ этомъ въ газетахъ и думаешь, что это такъ и надо—вотъ до чего къ этому привыкши. Что наши въ лавкѣ?

— Только о союзѣ да о праздничномъ отдыхѣ и толкуютъ, отвѣчала Лукерья Ивановна.

Зваровъ молча покрутилъ головой. Черезъ минуту онъ опять началъ:

— А эскадра-то наша Балтійская погибла! Вся погибла. Теперь ужъ не слухи, а настоящія извѣстія. Какое несчастіе! Ахъ, какое несчастіе!

— Читали ужъ у насъ въ лавкѣ сегодня приказчики. Ужасъ что такое! откликнулась жена.— Сегодня одна кухарка приходила за мясомъ, такъ сказывала, что мужъ ея барыни тамъ на какомъ-то кораблѣ, такъ барыня ея даже разсудка лишилась. Сначала плакала, а потомъ пѣть начала... То смѣется, то плачетъ и никого не узнаетъ.

— Что мудренаго .. У меня никого тамъ нѣтъ изъ родни, а я какъ прочиталъ, такъ меня словно что подъ сердце... Ударило подъ сердце, и на глазахъ слезы!.. Да и по сейчасъ я успокоиться не могу. Не даетъ Богъ намъ счастія! Не даетъ удачи ни на морѣ, ни на сушѣ. Нѣтъ, мы Бога забыли... Это оттого... Помилуйте... Съ самаго начала войны бьетъ судьба и бьетъ. Что только дальше и будетъ! Вѣдь ужъ теперь надо миръ заключать. А какой миръ? Что отъ насъ потребуютъ?

Зваровъ очень сокрушался, но вскорѣ торговыя

заботы, въ которыя онъ былъ такъ влюбленъ, взяли верхъ.

— Налоги теперь, по всѣмъ вѣроятіямъ, пойдутъ... На все налоги... Вѣдь флотъ-то, говорятъ, больше трехсотъ милліоновъ стоилъ, и его теперь нѣтъ. Какъ безъ флота жить? Придется новый строить. Налоги... Ничего не подѣлаешь. Вонъ ужъ на спички наложили. . Про сахаръ говорятъ, что будетъ налогъ... И, по всѣмъ вѣроятіямъ, на лавочныя свидѣтельства, на купцовъ... Ахъ, какъ трудно будетъ жить торговцамъ!

Зваровъ тяжело вздохнулъ и продолжалъ:

— Да, трудно будетъ жить торговому человѣку. И безъ того будетъ трудно, а тутъ приказчики бунтуютъ, жалованье себѣ поднимаютъ, своимъ праздничнымъ отдыхомъ палки торговлѣ въ колеса ставятъ. Вотъ вамъ и патріоты! Какіе это патріоты своего отечества? Вѣдь чтобъ налогъ-то мнѣ на войну или на миръ уплатить, надо мнѣ съ покупателя лишнее взять. А какъ я лишнее возьму, если мнѣ праздничнымъ отдыхомъ или сокращеніемъ часовъ торговли Палки въ колеса ставить будутъ? А ужъ это, говорятъ, почти рѣшено насчетъ отдыха... При министерствѣ финансовъ разсматривается. Охъ, тяжко будетъ, тяжко!

Зваровъ снова вздохнулъ, вышелъ на крыльцо на воздухъ и оттуда крикнулъ въ комнаты женѣ:

— Ну, что жъ, пусть Игнашка ставитъ самоваръ! Да вотъ что... Какъ сегодня торговали? Какіе разговоры о надбавленной на мясо копѣйкѣ?

Лукерья Ивановна вышла на крыльцо и отвѣчала:

BIBLIOTHÈQUE RUSSE
DE LA
VILLE DE GENÈVE

— Побунтовали немножко, но не очень... „Какъ? за что? почему?“ Но вѣдь Захаръ умѣетъ уговорить. Да вы съ приказчиками поговорите. Они разскажутъ. А я буду самоваръ ставить и приготовлю вамъ закусить. Игнашка усланъ у меня съ окорокомъ ветчины. Барыня одна окорокъ купила.

Зваровъ вышелъ въ лавку.

— Какъ насчетъ надбавки? Не очень обижались? задалъ онъ вопросъ.

— Помилуйте, да на что жъ обижаться-то? Покупатель у насъ больше мелкій, три-четыре фунта беретъ, отвѣчалъ Захаръ.—Великъ ли расчетъ три-четыре копѣйки лишняго?

— Конечно, плюнуть стоитъ, прибавилъ Филатъ.—Къ тому же маленько и душой покривили. Спрашиваютъ: почему вздорожала говядина? А я имъ: на войну, на Дальній Востокъ много быковъ послали. Вотъ и весь разговоръ. Одна барыня заартачилась, не могли мы ее пронять ни Востокомъ, ни чѣмъ,—ну, пришлось десять фунтовъ по прежней цѣнѣ отпустить. Эта на деньги береть, а не на книжку. Да угомонится потомъ.

— Ну, молодцы! похвалилъ ихъ Зваровъ.—Это хорошо, что про войну упомянули. Теперь надо пріучать покупателя насчетъ войны, чтобъ въ самомъ дѣлѣ онъ понималъ, что война можетъ колебать цѣны. Да и будетъ вздорожаніе, навѣрное будетъ. Читалъ въ газетахъ, какое несчастіе съ нашимъ флотомъ въ Корейскомъ проливѣ?

— Какъ не читать? проговорилъ Захаръ.—И по сейчасъ сердце кровью обливается. Даже подумать страшно.

— Ну, то-то. И все это непремѣнно на всякой торговлѣ отзовется. Подай на то, подай на другое. Вонъ, ужъ и гербовый сборъ повышаютъ. Недавно было писано въ газетахъ.

— Правильно-съ. Теперь безъ гербовой марки и умереть невозможно, пошутилъ Захаръ.

— Да ты шутишь, а я правду... Теперь того и жди, что и на лавочный билетъ, и на приказчицкое и сидѣльческое свидѣтельства будетъ надбавка. А намъ откуда же взять? Не разъ еще на мясо прибавить цѣну придется. Тяжелыя времена!

— Чего еще труднѣе! вздохнулъ Филатъ.

— Такъ вотъ вы покупателей-то и приготовляйте. Такъ, молъ, и такъ, придется, что и еще товаръ будетъ дороже, закончилъ Зваровъ и отправился къ женѣ.

XXVIII.

Была суббота. Въ дачной лавкѣ Зварова торговали особенно хорошо, что очень радовало сердце Лукерьи Ивановны, вошедшей уже во вкусъ торговли. Хозяйки-дачницы, ожидая пріѣзда лишнихъ ртовъ на праздникъ, съ вечера запасали и мясо въ большемъ количествѣ. Требовались первые сорта мяса, спрашивалась дорогая телятина, отыскивали почки для разсольника, ливеръ для пирога, мозги — товаръ, дающій при продажѣ большой барышъ. Послѣ же полудня въ торговлѣ

какъ и всегда, часъ перерывъ. Пообѣдавъ кислыми щами изъ солонины съ начавшей уже мозгнуть капустой и набивъ желудки крутой пшенной кашей съ саломъ, приказчики стали въ лавкѣ перекликаться отрыжкой. У Лукерьи Ивановны послѣ обѣда дворничиха Афимья мыла полы и разсказывала ей, что завтра у нихъ на задахъ на лужайкѣ будетъ сходка подмастерье въ сапожниковъ и они будутъ толковать о надбавкѣ жалованья и заработной платы.

— Всѣ, милая, поднимаются, всѣ, всѣ. Щепка— и та топорщится, чтобъ свою выгоду пріобрѣсти, вотъ какое время настало, разсказывала дворничиха.—И навѣрное свое возьмутъ. Вотъ только дачнымъ дворникамъ ничего не вышло. Стачились въ посту—и остались при пиковомъ интересѣ. А потому, что пьяницы. Не могли выдержать. Деньги-то на сходкѣ всѣ пропили, одежу заложили и прогуляли, а потомъ и начали предавать другъ друга передъ хозяевами. Сапожники умнѣе... Говорятъ: чтобы водки на сходкѣ—ни-ни... Кто съ собой сороковку принесетъ — бить будутъ! И только пиво дозволено. Лужайку эту сняли у сторожа за три рубля, гдѣ собираться будутъ. Ну, да что тутъ! Трава еще на ней не растетъ, стало быть и это барышъ, хотя и дешево сдалъ. Снимать пріѣзжали вчера чухны, вихлянцы... Ну, да это народъ умный, бережливый... Они вонъ и съ портерщикомъ нашимъ сговорились, чтобы тотъ имъ пиво по двѣ копѣйки за бутылку дешевле отпускалъ. Народъ запасливый... Если съ ними наши русскіе сапожники заодно, то и они не пропадутъ.

— Ну, ты не больно хвали! Чего расхвалилась-то! огрызнулась на дворничиху Лукерья Ивановна.

— А отчего не хвалить? Я знаю чухонъ. Вотъ у насъ у Карапузова на дачѣ дворникъ чухонецъ... Мужчина тоже запасливый, трезвый... Пьетъ по малости, но въ благовременье... А возьми моего муженька-нетечку...

— Да не въ этомъ дѣло. Бунтовщики вѣдь все-таки, такъ чего жъ ихъ расхваливать! Бунтовщики передъ хозяевами. А потомъ хозяева и должны брать съ насъ за сапоги дороже. Такъ что жъ хорошаго? Вѣдь и тебѣ за сапоги придется черезъ это самое дороже платить.

Въ Лукерьѣ Ивановнѣ ужъ говорилъ практическій умъ мужа. Видно было, что она была, какъ говорится, натаскана, что уроки мужа не прошли даромъ и дали ей его взглядъ на вещи.

Убравшись въ квартирѣ послѣ обѣда, она захватила съ собой Дуню и перешла въ лавку вязать прошивки и пить чай. Покупателей не было, и приказчики сидѣли ужъ со стаканами. Захаръ держалъ въ рукѣ почтовый исписанный листокъ бумаги. Онъ говорилъ Филату:

— Вотъ, если бъ это переписать на листкахъ разъ десять, да раздать по здѣшнимъ лавкамъ, то вышло бы дѣло хорошее. Многихъ могло бы пріободрить и, такъ сказать, окрылить.

— Пустое! махнулъ Филатъ.

— Отчего пустое? Все-таки стихи... Товарищъ узнаетъ, что есть у него одномышленникъ, просто народный самоучка-поэтъ, у котораго такія же

чувства... А то вѣдь безнадежность... доказывалъ Захаръ.

— Что это такое у тебя? спросила Лукерья Ивановна, кивая на листокъ.

— Мой вопль-съ... Въ стихахъ его изложилъ, какъ умѣлъ. Позволите прочесть?

— Читай. Мнѣ-то что жъ? А только Евтихій Павлычъ этихъ самыхъ стиховъ не любитъ.

— Ну, ему-то вы можете и не говорить. Зачѣмъ же предавать меня? Вы дама добрая.

Захаръ поднялся со скамейки, выпрямился и сталъ читать немного на распѣвъ:

Птичка въ клѣткѣ изнываетъ,
А приказчикъ—въ лавкѣ,
Воли ожидая, гнетъ свой проклинаетъ,
На ногахъ въ лавкѣ стоитъ
Въ день часовъ шестнадцать,
Получая за свой трудъ
Въ мѣсяцъ рублей двадцать,
Въ праздникъ отдыха не зная.
Вотъ гдѣ воля злая вмѣсто капитала!
Сократить, собрать, намъ торговлю надо,
Въ праздники же прямо лавки запирать.
Трудъ силенъ и долженъ капиталъ карать.
Будемъ бастовать!

Кончивъ, Захаръ торжествующе посмотрѣлъ на окружающихъ.

— Все? спросила его Лукерья Ивановна.

— Все-съ...

— Такъ какіе же это стихи!

— А то какъ же-съ? Стихи самые настоящіе... Прямо отъ души... Вопль сердца... Если здѣсь

риѳмы нѣтъ, то это стихи бѣлые... Тутъ риѳмы не полагается.

— Ну, врешь. Я знаю стихи... Стихи должны быть о любви... Любовь къ предмету... къ какой-нибудь дѣвицѣ... Чтобы было что-нибудь нѣжное и чувствительное... А гдѣ же она тутъ, любовь-то?.

Захаръ былъ совсѣмъ обезкураженъ.

— То совсѣмъ другіе стихи, о которыхъ вы говорите, произнесъ онъ.—То любовные... а это гражданскіе... То стихи къ обожаемому предмету-страсти, а это къ товарищамъ. Тамъ любовь безумная, а тутъ борьба труда съ капиталомъ. Развѣ можно это сравнивать!

— Все-таки ты ихъ брось, сказала Лукерья Ивановна.

— Зачѣмъ-съ? Я ихъ перепишу и буду раздавать товарищамъ.

— А затѣмъ, что это стихи бунтовщическіе. Околоточный нашъ узнаетъ, отниметъ... и тебя по шапкѣ. Да и хозяинъ тоже...

— Ужъ и бунтовщическіе! Ужъ и по шапкѣ! Было бы за что! Нынче и въ газетахъ-то какъ пишутъ! Посмотрите. Прямо пишутъ: нельзя угнетать, нельзя тиранствовать, нельзя заставлять по шестнадцати часовъ въ лавкѣ стоять.

На этомъ разговоръ и кончился.

Подъ вечеръ, когда Лукерья Ивановна ждала изъ города мужа, къ лавкѣ подъѣхалъ на мѣстномъ возницѣ въ бричкѣ пожилой человѣкъ въ пальто, въ шляпѣ котелкомъ, въ усахъ и бакенбардахъ. Онъ выскочилъ изъ брички и быстро вошелъ въ лавку. Захаръ, принявъ его за покупа-

теля, наклонился надъ колодой, на которой рубили мясо, и упершись въ нее руками, спросилъ:

— Что прикажете вашей чести?

— Я не покупатель, а вашъ же братъ приказчикъ, отвѣчалъ пожилой человѣкъ шопотомъ, косясь на Лукерью Ивановну, сидѣвшую за выручкой.—Я объѣзжаю всѣхъ здѣшнихъ приказчиковъ по лавкамъ, чтобъ объявить имъ, что завтра, въ воскресенье, въ Александровскомъ саду въ Петербургѣ будетъ сходка всѣхъ петербургскихъ приказчиковъ.

Лицо Захара прояснилось.

— Вотъ какъ! проговорилъ онъ.—Очень пріятно. Когда же? Въ которомъ часу?

— Къ десяти часамъ утра рѣшено собираться. Нужно, чтобъ сходка была какъ можно многолюднѣе и отъ всѣхъ торговъ.—Это ваша хозяйка за кассой стоитъ? задалъ вопросъ пожилой человѣкъ.

— Хозяйка.

— Въ такомъ случаѣ здѣсь неудобно разговаривать. Не можете ли вы выйти на улицу?

— Могу. Въ самомъ дѣлѣ, при ней неловко.

Захаръ и пожилой человѣкъ вышли на крыльцо лавки.

— Такъ вотъ передайте и вашимъ товарищамъ, что я сказалъ. Сами пріѣзжайте къ десяти утра и ихъ зовите. Чѣмъ больше будетъ народу, тѣмъ лучше, повѣствовалъ пожилой человѣкъ.—Надо сговориться. Будемъ говорить о воскресномъ отдыхѣ, о сокращеніи часовъ торговли, о союзахъ. Надо

будетъ выбрать какъ-нибудь старостъ для хлопотъ. Я самъ башмачнаго торга. Обувь.

— Давно пора. Давно... Мы только объ этомъ и воображаемъ, отвѣчалъ Захаръ торжествующимъ тономъ, и глаза его заблистали.—Но вотъ бѣда: мы, мясники, торгуемъ, и до полудня...

— Бросить лавку надо, если хозяева не отпустятъ. Для такого дѣла надо, для такого дѣла стоитъ, хотя бы пришлось и пострадать. Дѣло общее, общественное...

— Хорошо. Я и пострадать готовъ! Буду! Непремѣнно буду! рѣшительно сказалъ Захаръ, и на глазахъ его заблестѣли слезы.—Пріѣду во что бы то ни стало! еще разъ повторилъ онъ.

— Ну, вотъ и отлично. Передайте все, что я говорилъ, вашимъ товарищамъ. А мнѣ еще много кого надо объѣхать. Прощайте.

Пожилой человѣкъ подалъ Захару руку, влѣзъ въ бричку и поѣхалъ.

XXIX.

Кто это у тебя былъ? подозрительно спросила Лукерья Ивановна Захара.

— Знакомый. Просто знакомый, отвѣчалъ тотъ.

— Какъ же ты его не узналъ и принялъ за покупателя. Хорошъ знакомый!

— Давно не видѣлись—вотъ и все. Даже землякъ, одного со мной Пошехонскаго уѣзда. Одежу

человѣкъ перемѣнилъ, бороду пробрилъ. Ходилъ въ фуражкѣ, теперь явился въ котелкѣ, вралъ Захаръ и тотчасъ же сталъ шептаться съ Филатомъ, отойдя подальше отъ хозяйки.

Филатъ слушалъ его шопотъ и неодобрительно крутилъ головой. Такъ какъ покупателей въ лавкѣ не было, то они вышли на улицу. Лукерья Ивановна, слѣдившая за ними въ лавкѣ, хоть и не вышла на улицу, но стала смотрѣть на нихъ въ окно. Ей чувствовалось, что что-то затѣвается. Въ окно она видѣла, что Филатъ размахиваетъ руками и что-то съ жаромъ возражаетъ Захару.

А Филатъ говорилъ:

— Съ какой стати всѣмъ-то приказчикамъ собираться. Вѣдь это значитъ всѣхъ торговъ. Соберется народу ступа непротолченная, полиція разгонитъ—и никакого толку не выйдетъ. Вотъ, если бы по торгамъ собираться—одни мясники, одни суровщики, одни сапожнаго торга,—дѣло другое бы вышло. Ну, что молодецъ, готовымъ платьемъ торгующій, можетъ понимать въ нашемъ мясномъ дѣлѣ! У насъ торговля по утрамъ, а тамъ когда угодно. Похлебавши-то за обѣдомъ, покупатель еще лучше идетъ покупать себѣ сапоги или жилетки. Ну, суровщики еще подойдутъ къ сапогамъ, а намъ-то что они?

Захаръ ожидалъ, что Филатъ приметъ съ восторгомъ извѣстіе о сходкѣ.

— Ну, какъ-нибудь и по торгамъ тамъ раздѣлимся, отвѣчалъ онъ.—Александровскій садъ великъ. А ѣхать надо. Во что бы то ни стало надо. Одно вотъ только: зачѣмъ они сходку до обѣда

назначили? Для мясниковъ, мелочныхъ лавочниковъ и рыбаковъ прямо зарѣзъ, если уйти утромъ.

— А затѣмъ и назначили утромъ, что главари-то люди, нашего съѣстного дѣла не понимающіе. Башмачникъ пріѣзжалъ... Что онъ смыслитъ въ нашемъ дѣлѣ? А разумѣется, они дѣлаютъ, какъ имъ удобно. Башмачники и суровщики до конца обѣдни запертые стоятъ.

— Я все-таки поѣду, я рѣшилъ, твердо сказалъ Захаръ, махнувъ рукой.—Хозяинъ не отпуститъ—брошу все и тайкомъ уѣду. Если ужъ идетъ стачка—надо не отставать и своихъ людей слушаться.

Филатъ подумалъ, прищурилъ попорченный оспой глазъ и произнесъ:

— Да, пожалуй, и я поѣду, а толку изъ этой сходки ничего не будетъ. Надо по торгамъ... Да не въ Александровскомъ саду, на глазахъ полиціи, а гдѣ-нибудь на кладбищѣ, гдѣ полиціи нѣтъ. Я тогда на Пасхѣ на сходкѣ мясниковъ въ трактирѣ такъ и говорилъ.

— Ну, ужъ съѣздимъ, побываемъ, чтобы потомъ не каяться. А можетъ быть, что-нибудь и выйдетъ? Вѣдь на всю жизнь свою участь облегчить можемъ! восторженно сказалъ Захаръ и молодцовато передвинулъ на головѣ шапку.

— Поѣдемъ, согласился Филатъ. — Но только у хозяина отпрашиваться и думать нечего. Все равно не пуститъ. Надо тайкомъ... Встать завтра пораньше и тайкомъ...

— Тайкомъ, такъ тайкомъ... Я на все готовъ... Я за свободу какихъ хочешь вертуновъ надѣлаю.

Мнѣ на все плевать. Только бы приказчицкую свободу получить.

Филатъ все разсуждалъ:

— Если бы одинъ изъ насъ вздумалъ отпроситься у хозяина завтра со двора — можно бы похороны какія-нибудь придумать... „Тетка, молъ, померла... на выносъ надо“. А двое... Двоихъ ни за что не отпуститъ. Да... Большой завтра у купца Зварова скандалъ выйдетъ! произнесъ онъ, покрутилъ головой и улыбнулся корявымъ лицомъ.

— А пускай! подхватилъ Захаръ.—Вѣдь одинъ разъ въ жизни! Одинъ только разъ. И наконецъ, дѣло такое, за которое даже костьми лечь слѣдуетъ... Что онъ сдѣлаетъ съ нами? Что? Прогонитъ и другихъ приказчиковъ возьметъ? Я и на это готовъ. У меня есть кое-какіе гроши. Проживу впроголодь до мѣста. А нѣтъ, въ деревню уѣду. Да не прогонитъ... утѣшалъ онъ себя. — Какъ прогнать, если завтра всѣ во всѣхъ мясныхъ лавкахъ приказчики забастуютъ? Я увѣренъ, что завтра у него и въ городской лавкѣ то же случится. И изъ городской лавки приказчики сбѣгутъ.

Съ твердой рѣшимостью ѣхать завтра въ Александровскій садъ на сходку, они уже спокойнѣе вошли въ лавку. Лукерья Ивановна продолжала слѣдить за ними взоромъ. Женское любопытство такъ и подмывало ее спросить ихъ, о чемъ они шептались. Она догадывалась, что разговоръ шелъ о союзѣ приказчиковъ или праздничномъ отдыхѣ, о которомъ она столько разъ слышала отъ своихъ приказчиковъ, но ее интересовали подробности. Да-

бы узнать ихъ, она стала обинякомъ выпытывать и начала издалека.

— А у насъ завтра здѣсь, на задахъ, на лужайкѣ сборище будетъ, заговорила она. — На той лужайкѣ, гдѣ вы въ воскресенье въ рюхи играли. Слыхали вы? Сапожники собираются.

— Ну, и пущай ихъ собираются, мрачно отвѣтилъ Филатъ.—Что намъ-то?..

— Тоже союзъ дѣлаютъ. Стачку хотятъ начать, чтобы заработокъ поднять, продолжала она.—Мнѣ дворничиха Афимья разсказывала.

— Намъ сапожницкое дѣло не интересно, въ свою очередь сказалъ Захаръ. — У насъ свой собственный засадъ въ головѣ по нашему приказчичьему дѣлу... Праздничный отдыхъ—вотъ нашъ засадъ.

— Ну, все-таки любопытно посмотрѣть будетъ на публику...

— Какая же это публика—сапожники! ха-ха-ха... захихикалъ Игнашка.

— А ты молчи. Нечего зубы скалить! огрызнулась на него Лукерья Ивановна. — Тебѣ-то не публика. Какой же тебѣ публики надо? Генераловъ, что ли?

Пріѣхалъ Зваровъ въ телѣжкѣ и привезъ съ собой цѣлаго теленка въ шкурѣ и пудовъ пять говядины.

— Ломовики - извозчики стачились, объявилъ онъ. — Сегодня бѣгали, бѣгали искать ломовика, чтобы вамъ мясо везти, такъ и не нашли. Самъ привезъ немного... Какъ-нибудь обойдитесь завтра. Ахъ, ты, Господи! Вотъ времена-то пришли! Ломовики! Недоставало только, чтобы золотари стачились.

— Да ужъ была стачка у золотарей. Въ газетахъ было... Вы только пропустили... отвѣчалъ, улыбаясь, Захаръ.

— Выносите мясо-то изъ телѣжки! Что идоламито стоите! крикнулъ на приказчиковъ Зваровъ.— Да надо сейчасъ же на ледникъ до завтра... Смотрите, какая теплынь стоитъ.

Приказчики бросились къ телѣжкѣ.

Зваровъ поцѣловалъ жену въ щеку и спросилъ:

— Ну, какъ торговали?

— Да торговали сегодня очень хорошо... На гостей мясомъ запасались. Мозги и языки все требовали, а у насъ только три языка и было, отвѣчала Лукерья Ивановна.—А вотъ приказчики...

— Что приказчики?

— Да сегодня словно съ цѣпи сорвались, жаловалась она. — Только о воскресномъ отдыхѣ и толкуютъ.

— Ну, пускай ихъ толкуютъ.

— Нѣтъ, они что-то затѣваютъ. Сегодня даже пріѣзжалъ какой-то человѣкъ смутьянить ихъ.

— Смутьянить? возвысилъ голосъ Зваровъ. — Студентъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не студентъ. А такъ чисто одѣмшись, даже на манеръ барина.

— Что же онъ говорилъ?

— Да вслухъ-то ничего не говорилъ. А они шептались. Онъ съ Захаромъ шептался. Потомъ Захаръ стихи читалъ...

Захаръ только что внесъ на своихъ могучихъ плечахъ теленка.

— Какой такой подозрительный человѣкъ пріѣз-

жалъ къ тебѣ и смутьянилъ васъ? спросилъ Зваровъ Захара.

— Даже вовсе не подозрительный, а знакомый мой. Мы съ нимъ въ одномъ рынкѣ въ приказчикахъ служили.

— Жена говоритъ, что онъ у васъ смутьянилъ тутъ.

— Лукерья Ивановна! Зачѣмъ же напраслину-то говорить? съ упрекомъ вскинулъ Захаръ на хозяйку глаза.—Вѣдь вы не слыхали, что онъ говорилъ. Онъ со мной говорилъ потихоньку. И вовсе не смутьянилъ, а пріѣзжалъ по общему приказчицкому нашему дѣлу. Извольте, Евтихій Павлычъ, я вамъ скажу, о чемъ мы говорили. Скрываться тутъ нечего! Потомъ все равно объ этомъ дѣлѣ узнаете. Говорили мы о союзѣ приказчиковъ. Теперь вездѣ союзы... и законъ ихъ разрѣшаетъ. Потомъ разсказывалъ онъ, что завтра назначена сходка приказчиковъ въ Александровскомъ саду. Не однихъ мясниковъ, а всѣхъ приказчиковъ. Вотъ и все... Какое же тутъ смутьянство? Грѣхъ вамъ, Лукерья Ивановна!' укоризненно обратился онъ къ хозяйкѣ.

Зваровъ погрозилъ ему пальцемъ и сказалъ:

— Смотри у меня, господинъ поэтъ! Я человѣкъ полированный. Союзъ, такъ пусть будетъ союзъ, если начальство его разрѣшитъ. Это даже хорошо, коли союзъ, общество трезвости и все этакое .. А безпорядковъ я не потерплю! Филатъ, слышишь? Игнашка, слышишь? Безпорядковъ я не потерплю!

Поздно вечеромъ Зваровъ уѣхалъ въ городъ.

XXX.

Захаръ ночевалъ въ Петербургѣ. Лукерья Ивановна послѣ его отъѣзда ходила на зады слушать соловья, но соловей ужъ не пѣлъ, былъ конецъ мая, конецъ и соловьиному пѣнію, а потому она сейчасъ же завалилась спать. Приказчики, однако, кромѣ Игнашки, долго не спали. Захаръ переписывалъ свои стихи на отдѣльныхъ листочкахъ, а Филатъ чистилъ свое платье и въ особенности начищалъ ваксой свои голенища. Потомъ Захаръ принялся за чистку своей одежи, приготовилъ чистенькій бумажный воротничекъ и красный галстухъ. Они готовились отправиться завтра на сходку приказчиковъ въ Александровскій садъ и дѣлали это, не предупредивъ хозяевъ, зная, что хозяева ихъ все равно въ воскресенье утромъ не отпустили бы.

Въ воскресенье Лукерья Ивановна, по обыкновенію, проснулась утромъ въ шесть часовъ, тотчасъ же встала, одѣлась и стала будить приказчиковъ, стуча къ нимъ въ дверь и окликая ихъ:

— Молодцы! Пора вставать!

Отвѣта не было. Черезъ минуту она повторила стукъ и окликъ:

— Филатъ Васильичъ! Захаръ! Вставайте же! Будетъ вамъ спать. Игнашка! Ты чего дрыхнешь? Надо самоваръ ставить! Вставай, соня!

Откликнулся только одинъ Игнашка.

— Сейчасъ встаю... Я слышу... пробормоталъ онъ и минутъ черезъ пять вышелъ въ кухню умываться, заспанный, съ всклокоченной головой, босой.

— А Филатъ и Захаръ все еще валяются? спросила его Лукерья Ивановна, растапливающая уже плиту.

Игнашка осклабился, показавъ бѣлые зубы.

— Да ихъ нѣтъ въ нашей горницѣ, проговорилъ онъ.

— Какъ нѣтъ? Гдѣ же они?

— Экъ, хватилась! Раньше ранняго въ городъ уѣхали, на сходку уѣхали.

— Какъ на сходку! Кто же имъ позволилъ? У кого они спросились? воскликнула Лукерья Ивановна.

— Хе-хе-хе... Должно быть, здѣшняя кукушка позволила, вотъ что на задахъ кукуетъ.

Лукерья Ивановна даже присѣла отъ неожиданности и могла только произнести:

— Да ты мнѣ не груби, дерево стоеросовое! Какъ ты смѣешь грубить хозяйкѣ, болванъ!

— И вы не ругайтесь. За что? За то, что я вамъ въ подмогу остался? И я хотѣлъ уйти на приказчицкую сходку, да Филатъ съ Захаромъ уговорили остаться, отвѣчалъ Игнашка и принялся умываться, забирая изъ ковша ртомъ воду и выпуская ее себѣ на руки надъ ушатомъ.

Лукерья Ивановна стояла, какъ ошалѣлая.

— Какъ же мы будемъ торговать-то? задала она наконецъ вопросъ.—Вѣдь сегодня воскресенье, по-

купателей будетъ много. Каждый что-нибудь варитъ или жаритъ въ праздникъ.

— Одинъ-то день можно и не поторговать. Свѣтъ не развалится, пробормоталъ Игнашка, фыркая, и сталъ утираться полотенцемъ.

— Ты мнѣ не груби, идолъ! Вотъ еще что выдумалъ: не торговать! Да Евтихій-то Павлычъ за это знаешь, какое происшествіе сдѣлаетъ? огрызнулась опять Лукерья Ивановна.—Такое происшествіе, что всѣмъ вамъ небо-то съ овчинку покажется. Господи, да что же это такое! Что же мнѣ дѣлать-то теперь безъ приказчиковъ! Вѣдь черезъ часъ надо лавку отворять! завопила она и не находила отвѣта.

Игнашка сидѣлъ на опрокинутомъ пустомъ ящикѣ, утиралъ полотенцемъ лицо и продолжалъ фыркать.

— Что дѣлать... Знамо, что дѣлать. Торговать въ воскресенье вдвоемъ нельзя, сказалъ онъ.— Напьемся сейчасъ чаю, да поѣзжайте въ городъ къ хозяину и объявите ему, что, молъ, такъ и такъ... Можетъ быть, онъ и самъ пріѣдетъ. А я за ребятами присмотрю, плиту покараулю...

— Ѣхать въ городъ... Когда же я успѣю... Надо лавку отворять, а я въ городъ... Когда вернусь... Близко ли мѣсто! Да и Евтихій Павлычъ... Когда онъ можетъ пріѣхать. Покупатели постучатся въ лавку, да и уйдутъ. Сейчасъ уйдутъ... Боже мой, сколько барыша погибнетъ! А вѣдь васъ, ненасытныя утробы, все равно кормить надо, все равно жалованье платить... растерянно бормотала Лукерья Ивановна.

Напившись чаю, она сказала въ раздумьи Игнашкѣ:

— Да ты, можетъ быть, можешь одинъ отпускать мясо покупателямъ. Ты отпускать будешь, а я деньги принимать. Тогда я лавку открою...

— Хозяюшка, да какъ же это возможно! Ну, посудите сами: ну, придутъ три-четыре кухарки сразу... Да у насъ больше разворуютъ мяса... Тутъ то и дѣло хулиганы шляются... Ну, вбѣжалъ въ лавку и утащилъ, уже ласково пояснялъ Игнашка.— А кто съ ледника тушу мяса принесетъ? Я одинъ не могу. Гдѣ жъ силы-то набраться. У насъ быки по четвертямъ. А теленокъ?

— Дворника Калистрата я попрошу тебѣ помочь... Дамъ ему на чай...

— Ну, я съ дворникомъ уйду въ ледникъ, а вы-то съ кѣмъ останетесь? Растащатъ мясо, прямо растащатъ. Да кухарки и бунтъ поднимутъ, что ихъ задерживаютъ. Нѣтъ, ужъ лучше поѣзжайте къ хозяину. Самому ему отъ той лавки урваться будетъ нельзя, такъ хоть кого-нибудь изъ приказчиковъ пришлетъ.

Лукерья Ивановна колебалась, но все-таки, скрѣпя сердце, поѣхала къ мужу, поручивъ Дуню дворничихѣ Афимьѣ.

Ѣхала Лукерья Ивановна на извозчикѣ до желѣзной дороги, и по желѣзной дорогѣ, и отъ вокзала въ Петербургѣ до ихъ городской лавки со страхомъ, съ замираніемъ сердца, нѣсколько разъ украдкой крестилась и думала:

„Господи, что только и будетъ! И какъ же Евтихій Павлычъ заругаются! Боже мой, какъ за-

ругаются! Да и на меня нападутъ, что я лавку дачную бросила. А я чѣмъ же виновата? Я что жъ?.. Я баба"...

Въ довершеніе безпокойства, она вспомнила, что забыла дома ключи отъ выручки, что оставила незапертымъ свой сундукъ съ бѣльемъ и платьемъ, гдѣ также у нея хранилось немного денегъ.

„А тамъ дворничиха Афимья... Тамъ Игнашка... А у меня сахаръ дома не запертъ, варенье не заперто. Да и ключи отъ лавки на видномъ мѣстѣ, въ спальной висятъ", мелькало у нея въ головѣ. „И ключи отъ ледника тамъ. А на ледникѣ уйма мяса... Афимья то и дѣло солонины выпрашиваетъ. А теперь только пошарить—и все бери".

Отъ безпокойства у Лукерьи Ивановны даже сдѣлалась лихорадка, когда она вспомнила о ключахъ, приближаясь на извозчикѣ къ своей городской квартирѣ.

Вотъ и лавка Зварова, но лавка оказалась запертой, хотя и былъ уже десятый часъ въ началѣ. „Батюшки! Да неужели и здѣсь приказчики взбунтовались?" пробѣжало въ головѣ у Лукерьи Ивановны, и она почувствовала, что у ней кружится голова и стучитъ въ виски.

Быстро разсчитавшись съ извозчикомъ, она бросилась въ свою квартиру. Тамъ ее встрѣтила только кухарка Матрена, отворивъ ей двери.

— Евтихій Павлычъ дома? быстро, съ замираніемъ сердца спросила Лукерья Ивановна Матрену.

— Какое дома, милая! Уѣхалъ куда-то хозяинъ твой, давно уѣхалъ, отвѣчала та.—Вѣдь у насъ,

милая хозяюшка, приказчики взбунтовались и не вышли сегодня въ лавку. Всѣ, всѣ гдѣ-то на сходкѣ. Расфрантились такъ, что фу-ты, ну-ты.... и на сходку... Гдѣ-то въ какомъ-то саду сходка... Словно на свадьбу расфрантились. Ужъ самъ-то ругался, ругался, лаялся, лаялся, инда осипъ. А теперь уѣхалъ. Одинъ Гаврюшка малецъ при мнѣ остался.

— Ахъ, Матренушка, голубушка! И у меня на дачѣ приказчики тоже взбунтовались и сбѣжали. Вотъ изъ-за этого-то я и пріѣхала, къ Евтихію Павлычу, пробормотала Лукерья Ивановна и въ изнеможеніи опустилась тутъ же въ кухнѣ на табуретку, слезливо моргая глазами.

— Ну, чего тутъ горевать! Брось, милушка! утѣшала ее Матрена.—Эка важность, что приказчики сбѣжали! Вѣдь на одинъ день сбѣжали. Завтра найдутся.

— Очень ужъ я Евтихія Павлыча, Матренушка, боюсь. Заругается. Скажетъ: вотъ дура, не доглядѣла!

— Да вѣдь и онъ не доглядѣлъ! Приказчики куда раньше его проснулись и сбѣжали. Всталъ самъ, вышелъ въ кухню... А ихъ нѣтъ.. Ихъ ужъ и слѣдъ простылъ. Только вотъ Гаврюшка дома.

— И у меня тоже... Только Игнашка дома.

Лукерьѣ Ивановнѣ сдѣлалось полегче. Доводы Матрены помогли.

— Самоварчикъ поставить, что ли? предложила Матрена.

— Ахъ, не до чаю мнѣ теперь. Лучше я поѣду на дачу сейчасъ. Ты скажи ему, что, вотъ, такъ и

такъ, пріѣзжала я изъ-за приказчиковъ, отвѣчала Лукерья Ивановна, вспомнивъ о забытыхъ на дачѣ ключахъ.

— Да дождись, матка, хозяина-то. Вѣдь ужъ онъ теперь скоро вернется. Сама ему все и разскажешь, вмѣстѣ и погорюете, вмѣстѣ и рѣшите, какъ быть. Можетъ быть, онъ и къ тебѣ поѣдетъ. А то для чего жъ ты и пріѣзжала? Близко ли мѣсто! Такъ я поставлю самоварчикъ-то. Кстати и меня попоишь. Съ вареньемъ попоишь. Давай гривенникъ, я пошлю Гаврюшку за вареньемъ... Давно я не пивала съ вареньемъ, да и съ тобой-то давно не видалась. Разскажешь мнѣ, что у васъ, какъ. Ахъ, крутъ самъ-отъ какъ становится! Боже мой, какъ крутъ! закончила она и уговорила Лукерью Ивановну.

Лукерья Ивановна осталась.

XXXI.

Забастовка приказчиковъ-мясниковъ взбѣсила Зварова и довела до бѣлаго каленія, хотя въ сущности, какъ оказалось впослѣдствіи, это не была забастовка, а просто своевольная отлучка изъ лавокъ на сходку. Не найдя дома приказчиковъ, Зваровъ ругался, кому-то грозилъ, хотѣлъ выместить свой гнѣвъ, и, не находя никого, вымещалъ его на кухаркѣ Матренѣ и лавочномъ мальчикѣ Гаврюшкѣ. Онъ раза три далъ ему хорошихъ под-

затыльниковъ за то, что тотъ не успѣлъ еще вычистить ему сапоги. Матрена внесла и поставила на столъ самоваръ, но Зваровъ послалъ ее къ „лѣшему рогатому“ и кричалъ:

— Время ли теперь съ самоварами возиться, если мерзавцы забастовали и такой убытокъ торговлѣ наносятъ! Сегодня воскресенье, каждый норовитъ запастись себѣ лакомымъ кускомъ на обѣдъ, а они забастовку затѣяли. Ловко!

Зваровъ быстро переодѣвался изъ халата и туфлей въ пиджачную пару и сапоги. Онъ зналъ, что сегодня назначена у приказчиковъ сходка въ Александровскомъ саду, и рѣшилъ самъ отправиться на эту сходку, дабы видѣть и слышать, что на ней будетъ происходить. Но было еще очень рано, всего восемь часовъ. Онъ все-таки вышелъ за ворота своего дома. На противоположной сторонѣ улицы у мелочной лавки стоялъ лавочникъ въ чистомъ бѣломъ праздничномъ передникѣ и держалъ стаканъ чая въ рукѣ, изъ котораго пилъ.

— Съ праздникомъ, сосѣдъ! привѣтствовалъ Зварова тотъ и спросилъ:—Приказчиковъ своихъ разыскиваете?

— Сбѣжали скоты. Ничего не подѣлаешь... уныло развелъ руками Зваровъ.

— Они теперь у Горюнова въ трактирѣ чай пьютъ. Давѣ съ вороватовскими зеленщиками сговаривались.

— И мой сосѣдъ зеленщикъ Раструбинъ безъ приказчиковъ. Тоже волкомъ воетъ. И у него сбѣжали.

— Видѣлъ и ихъ. Всѣ въ трактиръ къ Горю-

нову пошли. Сегодня вѣдь по всемъ торгамъ сбѣсились. У Хвастунова и наши мелочники не торгуютъ, перекликался съ Зваровымъ мелочной лавочникъ.—Не торгуютъ... Но меня Богъ миловалъ. Мои въ лавкѣ.

— Бѣда... Чистая бѣда... плакался Зваровъ.

Узнавъ, что приказчики его въ трактирѣ, онъ рѣшилъ и самъ отправиться туда и попробовать уговорить ихъ идти торговать, дошелъ до угла, увидалъ свою запертую лавку, и сердце его болѣзненно сжалось.

„Хорошо еще, если на одинъ день забастовали, а если и завтра, и послѣзавтра не торговать? подумалъ онъ и опять мысленно прибавилъ: — Бѣда чистая бѣда, сколько убытка будетъ“.

У лавки, какъ на грѣхъ, стояла уже какая-то кухарка съ плетенымъ соломеннымъ мѣшкомъ.

— Что запоздали, господинъ хозяинъ? встрѣтила она его.—Больно долго спать изволите. Ужъ я жду, жду...

— Не по своей винѣ, милая, не по своей винѣ, чуть не плача, отвѣчалъ Зваровъ.—Приказчики-подлецы сегодня забастовали, чтобъ имъ ни дна, ни покрышки.

— Какъ? И мяса, стало быть, получить сегодня у васъ нельзя?

— Да что жъ подѣлаешь съ ними! Сидятъ въ трактирѣ, дьяволы. Вотъ иду уговаривать.

— Дайте хоть мнѣ-то, пожалуйста, шесть фунтовъ толстаго края. Куда жъ я дѣнусь? Вѣдь мы беремъ на книжку. Отворите лавку и дайте, упрашивала кухарка.

Зваровъ подумалъ, крякнулъ, полѣзъ въ карманъ за ключами, отворилъ лавку и отпустилъ мяса.

— Буду торговаться съ разбойниками, если застану ихъ въ трактирѣ, говорилъ онъ, опять запирая лавку, и отправился въ трактиръ.

За двумя составленными вмѣстѣ столами передъ чайниками-арбузами сидѣли бѣлобрысый Сидоръ и черненькій, какъ жукъ, Василій въ сообществѣ раструбинскихъ приказчиковъ-зеленщиковъ. Съ ними были еще два-три неизвѣстныхъ Зварову приказчика. Зваровъ вспыхнулъ, увидавъ ихъ, ругательства такъ и просились къ нему на языкъ, но онъ сдержалъ себя, подошелъ къ приказчикамъ и ласково и жалобно началъ:

— Вы что же это, несчастные, съ хозяиномъ-то дѣлаете? Вѣдь вы убытки наносите. За что отъ васъ такая обида? Чего вы надумали безобразничать? Голодно вамъ живется, что ли? Посмотрите на свое мурло-то въ зеркало—лопнуть хочетъ. Зобы набитые прогулять не успѣваете.

— Никакой тутъ обиды, Евтихій Павлычъ, нѣтъ, отвѣчалъ Сидоръ. —Безобразія тоже нѣтъ. А если у насъ сегодня сходка и надо на сходку, то какъ же быть-то?

— Полно вамъ... Какая сходка! О чемъ сходка? Бросьте вы все это... Выкиньте изъ головы... Жалованье вамъ прибавлено, черезъ праздникъ вечеромъ вы по очереди со двора ходите... Плюньте на все и пойдемте сейчасъ въ лавку! А какія вамъ льготы нужно еще—можемъ вечеромъ дома сговориться.

— Нѣтъ, господинъ хозяинъ, не расчетъ... Задумали, и надо идти на сходку... стоялъ на своемъ Сидоръ.

— Сходка любезное дѣло. Тамъ союзъ приказчиковъ будетъ обсуждаться. А ужъ рѣшили, такъ пойдемъ, поддакнулъ Сидору всегда говорящій чужими словами Василій.

— Грѣхъ вамъ... Бога вы забыли, продолжалъ Зваровъ.

— Нѣтъ, вотъ Бога-то и не забыли! подхватилъ Сидоръ.—Хозяева Бога забыли, это точно, а мы, приказчики, нѣтъ. Мы о чемъ теперь главнымъ-то образомъ хлопочемъ? О праздничномъ отдыхѣ, о томъ, чтобы утречкомъ въ праздникъ можно было въ церковь сходить Богу помолиться.

— Полно вамъ врать-то! закричалъ Зваровъ, не выдержавъ тона.—Богу помолиться! Будете вы, гуляки, по праздникамъ Богу молиться! Чего зубы-то заговариваете! Вы другимъ заговаривайте, а не намъ, хозяевамъ... Богу молиться! Въ церковь сходить!

— Очень чудесно будемъ Богу молиться. И свѣчку завсегда можно въ церкви поставить.

— Однако вотъ ты сейчасъ не въ церкви стоишь, а въ трактирѣ сидишь. А сейчасъ ранняя обѣдня идетъ. Отчего жъ ты свѣчку не пошелъ въ церковь ставить, а въ трактирѣ чаи распиваешь.

— Сегодня уже такой день особенный... Сегодня изъ-за этой сходки мы какъ на иголкахъ, говорилъ въ свое оправданіе Сидоръ.

— Какъ на иголкахъ... День особенный... повторилъ Василій.

— Такъ не пойдете сейчасъ въ лавку? воскликнулъ Зваровъ, краснѣя въ лицѣ.

— Зачѣмъ баловать! Ужъ если собрались на сходку, такъ пойдемъ на сходку. Дѣло рѣшенное... былъ отвѣтъ.

Приказчики пошептались, опрокинули чашки на блюдечки кверху дномъ, стали подниматься изъза столовъ и одинъ за другимъ вышли изъ трактира.

— Дьяволы безчувственные! Разбойники! скрежеща зубами, пробормоталъ Зваровъ, сжалъ кулаки и опустился на стулъ около столика.

Придя въ себя, онъ спросилъ себѣ чаю поскромнѣе, то-есть безъ лимона и сливокъ.

Чай успокоилъ его. Пилъ онъ его жадно и думалъ:

„Пойду, непремѣнно пойду въ Александровскій садъ, посмотрю, что за сходка такая у бунтовщиковъ. Теперь еще рано, теперь только сбираться будутъ, а потомъ попозднѣе лучше все обозначится. Полиція только, я думаю, всѣхъ разгонитъ. Да и хорошо, если разгонитъ. Впередъ наука будетъ, улыбнулся онъ съ злорадствомъ.—А то что это такое, помилуйте: приказчики бунтуютъ, съ фабричными и заводскими рабочими сравниться хотятъ. Такъ вѣдь тѣ фабричные, тѣхъ, дѣйствительно, разные мастера, помимо хозяевъ, обижаютъ. А приказчиковъ-то кто обижаетъ? Кто?“

Часу въ десятомъ Зваровъ вышелъ изъ трактира и пѣшкомъ отправился къ Александровскому саду черезъ Биржевой и Дворцовый мосты. Погода была ясная, солнечная, теплая. Онъ усталъ, сни-

малъ на ходу картузъ и отиралъ со лба и затылка обильный потъ. Конки, попадавшіяся по пути, были переполнены. По картузамъ и шляпамъ-котелкамъ пассажировъ, сидѣвшихъ на имперіалахъ, онъ сейчасъ замѣтилъ, что это ѣхали на сходку приказчики. Нѣкоторыхъ онъ даже узналъ въ лицо. Нѣсколько разъ онъ порывался вскочить въ конку, но ему не было мѣста. На тормазахъ стояли пассажиры, и кондукторъ отмахивался рукой. Зваровъ хотѣлъ нанять извозчика, но тѣ, по случаю праздника, заламывали „семь гривенничковъ". Онъ сулилъ двугривенный. Извозчики смѣялись надъ нимъ и отъѣзжали прочь. Одинъ, впрочемъ, соглашался везти за два двугривенныхъ, но экономный Зваровъ, разсуждая, что и такъ ужъ сегодня по лавкамъ много будетъ убытка, продолжалъ идти пѣшкомъ.

У Адмиралтейства, противъ Зимняго дворца, на бульварѣ, онъ присѣлъ отдохнуть на скамейку. Мимо него бѣжали отъ моста молодые франтики въ сѣрыхъ пиджакахъ, въ цвѣтныхъ галстухахъ и съ тросточками, съ зонтиками въ глянцевыхъ чехлахъ, бѣжали по двое, по трое, развязно размахивали руками и громко разговаривали о сокращеніи часовъ торговли.

„Вишь, ихъ сколько! Все приказчики... Должно быть, суровщики изъ Андреевскаго рынка, думалъ онъ.—И что такое сталось съ торговымъ народомъ? И какъ это все вдругъ всполошилось, поднялось! Вѣдь прежде никогда ничего такого между ними не было. Жили у хозяевъ и всѣмъ довольны были, а тутъ словно чортъ на всѣхъ насѣлъ, и всѣ взбун-

товались. Приказчикъ былъ скроменъ, тихъ, не озорникъ... Развѣ пьяненькій когда, бывало, подуритъ. Подуритъ, да и сократится. А тутъ удержу нѣтъ. На стѣну лѣзутъ... Хозяинъ имъ первый врагъ за то, что хлѣбъ имъ даетъ, жалованье платитъ. Прямо повѣтріе какое-то настало. То здѣсь то тамъ... На манеръ болѣзни какой-то, разсуждалъ онъ, и черезъ минуту рѣшилъ: — Нѣтъ, это не повѣтріе, не болѣзнь, а просто обезьянство. Фабричные примѣръ показали, имъ удалось свою выгоду выгнуть, а наши торговые приказчики за ними и обезьянствуютъ".

Зваровъ поднялся со скамейки и зашагалъ дальше.

XXXII.

Звонили къ „Достойно" въ церквахъ, когда Зваровъ приблизился къ Александровскому саду. Звонкой трелью заливались колокола Благовѣщенской церкви, торжественно гудѣлъ и заглушалъ малые колокола большой колоколъ Исаакіевскаго собора. Уже издали было видно, какъ въ Александровскомъ саду пестрѣли черной массой мужскіе головные уборы въ перемежку съ яркими женскими шляпками. Видно было, что собралось много. Котелки, картузы, фуражки все прибывали и прибывали, лентой тянулись къ чугунной рѣшеткѣ сада и поглощались входными воротами,

По пути стояло множество полиціи въ бѣлыхъ кителяхъ. Пронесся и взводъ конной полиціи на своихъ красивыхъ, холеныхъ гнѣдыхъ лошадяхъ. Изъ сада до Зварова раза три доносились крики ура. Въ толпѣ въ отдаленіи махали бѣлыми платками.

„Рѣчь, должно быть, кто-нибудь говоритъ, подумалъ онъ.—Вѣдь научились пренія эти самыя произносить, словно адвокаты. И откуда это все пошло! Какъ это все вдругъ—просто удивительно! Приказчики изъ суровскихъ-то магазиновъ всегда были ловки покупателямъ зубы заговаривать, но наши-то, наши мясные пентюхи!.. Разсказываютъ, что на Пасхѣ, въ трактирѣ у Быковъ на сходкѣ и наши мясники очень свободно разговаривали. Удивительно!“

Раздалось въ саду еще разъ ура. Полетѣли въ воздухъ нѣсколько картузовъ. И вдругъ Зваровъ замѣтилъ, что уже не въ садъ бѣгутъ, а изъ сада бѣгутъ. Сначала изъ калитки показались няньки съ ребятами. Дѣти падали. Затѣмъ побѣжали и пиджаки въ котелкахъ и фуражкахъ. Нѣкоторые пытались перелѣзть черезъ рѣшетку, но, очевидно, были прижаты къ ней. Толпа изъ сада увеличивалась и обратилась въ рѣку. Падали ужъ и взрослые. Другіе перескакивали черезъ нихъ, поднимали свои сбитые впопыхахъ картузы. Были и мужчины съ непокрытыми головами. Толпа бѣжала по тротуару по направленію къ Зварову и вскорѣ поглотила его. Онъ слышалъ, какъ ревѣли ребятишки. Какъ разъ около него сбили съ ногъ нарядную мамку-кормилицу и опрокинули плетеную

колясочку съ ребенкомъ, которую везла кормилица. Кто-то въ голубомъ галстухѣ и безъ шляпы кричалъ:

— Какую такую они имѣютъ свою собственную праву такъ распоряжаться! Мы гуляли. Садъ для публики!.. Садъ для прогулки... На то онъ и садъ, чтобы въ немъ гулять. А то, разгонять!..

— Ребята! Назадъ! командовалъ какой-то картузъ съ бѣлокурой бородкой и съ серьгой въ ухѣ и растопыривалъ руки, какъ бы желая остановить бѣгущихъ, но его не слушали.

— Братцы! Остановитесь! Куда вы? Чего испугались? Идите назадъ!.. вторилъ ему сѣрый пиджакъ въ шляпѣ котелкомъ и неистово махалъ платкомъ.

Но толпа выливалась изъ сада уже грознымъ потокомъ. Слышенъ былъ возгласъ:

— Часы вытащили! Что жъ это такое! Здѣсь вмѣсто приказчиковъ мазурики.

— И у меня кошелекъ пропалъ! отвѣчалъ мужской голосъ.

— Это хулиганы! Здѣсь много хулигановъ вмѣшалось! пояснилъ кто-то.

— Приказчики! Товарищи! Берегите карманы, хулиганы по карманамъ шарятъ! раздалось предостереженіе, но его врядъ ли кто слушалъ.

Но тутъ Зваровъ, схватившись за боковой карманъ, высвободился изъ толпы на середину улицы, гдѣ было свободнѣе. Рядомъ съ нимъ стояла какая-то дама въ шляпкѣ съ васильками и плакала, что у ней въ толпѣ ребенокъ пропалъ. Далѣе стояла совсѣмъ розовенькая молоденькая дѣвушка

и держала въ рукахъ сломанный зонтикъ съ порванными на немъ кружевами. Шляпка у ней съѣхала съ головы и болталась на резинкѣ за плечами. Изъ толпы выскочила съ визгомъ маленькая черная собаченка и побѣжала на трехъ ножкахъ. Взводъ конныхъ полицейскихъ пронесся рысью назадъ. Зваровъ стоялъ, ощупывая свои карманы, и бормоталъ себѣ подъ носъ:

— Кошелекъ тутъ... Бумажникъ здѣсь... Ключи отъ лавки цѣлы. Ну, слава Богу.

Къ нему подошелъ маленькій человѣчекъ въ старомъ пальто-крылаткѣ и шкиперской фуражкѣ съ широкимъ козырькомъ.

— Разгоняютъ... Позвольте, за что? говорилъ онъ.—По какому праву? Если бы безпорядки были, безобразія—ну, я понимаю. А то до сихъ поръ скромно, тихо, благообразно. Вѣдь теперь собираться дозволено, разрѣшено. А гдѣ же иначе собираться, кромѣ садовъ, если столько желающихъ.

Зваровъ слушалъ его, отвернувшись.

— Вы тамъ въ саду были, коллега? обратился къ нему съ вопросомъ человѣчекъ въ шкиперскомъ картузѣ, пощипывая свою клинистую бородку.

— Извините... я не здѣшній... я не приказчикъ... раздраженно отвѣчалъ Зваровъ и отошелъ отъ него, направляясь къ Англійской набережной.

Виднѣлся памятникъ Петра Великаго, виднѣлся гротъ. Въ саду публики было еще много. Зваровъ остановился противъ рѣшетки, снялъ фуражку, сталъ отирать платкомъ потный лобъ и вдругъ увидѣлъ на гротѣ своего приказчика Захара. Онъ

стоялъ съ бѣлымъ листкомъ въ рукѣ и что-то читалъ, размахивая свободной рукой. Зварову послышалось, что Захару прокричали ура. Захаръ снялъ картузъ и кланялся, а затѣмъ сталъ бросать съ грота листки бумаги. Рядомъ съ Захаромъ появился городовой или околоточный, произошло какое-то объясненіе, при чемъ оба размахивали руками и оба исчезли съ грота. Садъ, видимо, пустѣлъ.

— Разогнали. Все кончается... съ злорадствомъ произнесъ Зваровъ и отправился къ остановкѣ конки, чтобы возвратиться къ себѣ на Петербургскую сторону, въ квартиру, взять лошадь и ѣхать къ женѣ на дачу.

Мѣста въ вагонахъ конокъ брались прямо съ боя, когда Зваровъ пришелъ на разъѣздъ. Онъ, однако, протискался и занялъ мѣсто на имперіалѣ. Отсюда ему свободно было можно наблюдать, что происходило вокругъ него. Шли двое, и у одного былъ разбитъ въ свалкѣ носъ. Онъ прикладывалъ къ носу окровавленный платокъ. Оба были молодые, оба въ сапогахъ съ высокими франтовскими голенищами. Сзади нихъ шелъ высокій человѣкъ въ пиджакѣ, въ косовороткѣ на выпускъ, съ непокрытой головой и помахивалъ двумя концами сломанной палки. Рядомъ съ Зваровымъ сидѣлъ на имперіалѣ среднихъ лѣтъ человѣкъ съ усами, въ модномъ длинномъ пальто, высокомъ стоячемъ воротничкѣ и въ совершенно измятой шляпѣ-цилиндрѣ. Онъ снималъ ее съ головы, пробовалъ выпрямить, но тщетно.

— Четыре съ полтиной прахомъ, не пито, не ѣдено, пошло... говорилъ онъ, улыбаясь и раз-

сматривая шляпу.—Три дня жалованья погибло Да ребра помяли.

— Васъ билъ кто-нибудь? поинтересовался Зваровъ.

— Никто. Драки не было. А я упалъ, споткнулся,—ну, черезъ меня человѣкъ пять-шесть... Ногами измяли.

— Не слѣдовало ходить. Кому сегодня попало—самъ виноватъ.

— Позвольте... Какъ же не слѣдовало ходить, коли свои собственныя нужды, свои интересы. Мы союзъ приказчиковъ учреждаемъ. Теперь вездѣ союзы... А праздничный отдыхъ?

— Отдыхъ? Да вѣдь вы не каменщики, не землекопы... Нѣтъ дѣла въ лавкѣ, нѣтъ покупателей, всегда сидѣть можете.

— Э, да вы хозяинъ? Ну, хозяева-то всѣ такъ разсуждаютъ, оттого что они зажравшись. Хозяинъ?

— Не хозяинъ, а волкъ, а волка ноги кормятъ, уклонился отъ отвѣта Зваровъ.—Да, я по торговой части, и съ ранняго утра до поздняго вечера рукъ не покладываю.

— Стало быть, все-таки на себя стараетесь, а не на хозяина, по своей доброй волѣ. Ну, это другое дѣло. А насъ хозяева принуждаютъ, зря принуждаютъ. Мы, напримѣръ, готовымъ дамскимъ платьемъ торгуемъ. Какую такую даму въ десятомъ часу вечера понесетъ покупать пальто, фантази или кофточку? А мы стоимъ въ магазинѣ, чего-то ждемъ, и хозяинъ тутъ же торчитъ.

Сзади Зварова кто-то говорилъ:

— Мы все-таки выбрали старостъ по нашему сапожно-башмачному торгу. Успѣли...

— А рыбаки? слышался вопросъ.—Какъ рыбаки?

— Не знаю, не слыхалъ. Да были ли рыбаки-то?

— Были изъ рыбныхъ лавокъ. Я видѣлъ. Мы-то собственно не рыбаки, мы изъ рачнаго склада, по части раковъ, но все-таки любопытно бы насчетъ рыбаковъ-то узнать.

— Да гдѣ тамъ было узнавать! Такая сумятица была, что ничего и не разберешь...

Лукерья Ивановна все-таки дождалась мужа въ городской квартирѣ. И когда увидѣла его вернувшагося, сейчасъ же бросилась въ его объятія.

— Какія у насъ дѣла-то! Вѣдь и у насъ на дачѣ приказчики взбунтовались, произнесла она шопотомъ, съ придыханіемъ. Нарочно пріѣхала вамъ сказать.

— Знаю... Даже видѣлъ одного нашего дачнаго безобразника... отвѣчалъ Зваровъ. — Господина поэта... Захара... пояснилъ онъ.—Взобрался на фонтанъ... и даже рѣчь говорилъ... въ преніяхъ участвовалъ. Только, кажется, его сгребли и подъ шары потащили. Пускай высидится... умнѣе будетъ. А то ужъ такое воображеніе о себѣ, что отбавлять надо. Авось, поменьше горячку пороть будетъ.

— Голубчикъ, Евтихій Павлычъ, что же вы будете теперь съ ними дѣлать, если они такіе своевольники? Гнать, что ли? приставала она къ мужу.

— А прогонишь, такъ гдѣ лучшихъ возьмешь? Всѣ одинаковы.

— Такъ какъ же намъ быть-то теперь?

— Какъ быть... Терпѣть надо. Полоса такая пришла. Ничего не подѣлаешь... отвѣчалъ Зваровъ и тяжело вздохнулъ.

XXXIII.

Позаправившись въ городской квартирѣ супомъ и пирогомъ съ рисомъ, который Матрена все-таки испекла ради праздника, Зваровъ ѣхалъ въ своей телѣжкѣ на своей лошади къ себѣ на дачу. Лукерью Ивановну тянули туда дѣти, которыхъ она оставила на попеченіе дворничихи Афимьи, женщины вообще мало надежной. Сердце ея такъ и рвалось къ нимъ.

„Напоила ли она ихъ, накормила ли? Впопыхахъ я и на булку для нихъ денегъ ей не оставила“.

Зварова дѣти безпокоили мало. Его тянула на дачу лавка, тянули ключи отъ лавки и сундука, забытые на дачѣ Лукерьей Ивановной, о которыхъ она ему призналась. Онъ изрядно поругалъ жену, назвалъ ее вороной и всю дорогу говорилъ, что Игнашка, сговорившись съ Матреной, „въ лучшемъ видѣ ихъ обчистить могутъ“.

— Игнашка самый ненадежный парнишка. Ты посмотри ему въ глаза,—глаза, какъ у цыгана. Ужъ достаточно того, что онъ, годовъ своихъ въ ученьи не дождивши, потребовалъ себѣ жалованья

пять рублей... бормоталъ Зваровъ, и гналъ лошадь, постегивая ее кнутомъ.

Спѣшилъ онъ, чтобы поторговать остатки праздничнаго дня, даже если бы и не вернулись сегодня приказчики, такъ какъ на дачѣ въ праздникъ бываетъ иногда случайный покупатель, покупающій дорогіе сорта мяса, а теперь былъ только второй часъ дня.

По дорогѣ имъ опять приходилось обгонять приказчиковъ разныхъ торговъ, возвращающихся съ разогнанной сходки. Нѣкоторые ѣхали на извозчикахъ, нѣкоторые по конкѣ, были и пьяненькіе, костюмы у всѣхъ далеко не были такъ свѣжи, какъ утромъ, при отправленіи на сходку. Опять попадались помятыя шляпы, изломанные зонтики; у одного Зваровъ замѣтилъ даже вырванный въ плечѣ рукавъ у пальто.

Вотъ и дачная мѣстность. Замелькали лѣтніе домики съ балконами и террасами, задрапированными парусиной и полосатымъ тикомъ. Вдругъ Зваровъ встрѣтился съ Лаврентіемъ Тихоновымъ, возвращавшимся въ своей телѣгѣ въ городъ, послѣ продажи мясного товара.

— Наконецъ-то повстрѣчался съ Евтихіемъ Павлычемъ! закричалъ рыжебородый торговецъ, и осадилъ свою лошадь.

„Ахъ, чортъ его возьми!“ съ досадой подумалъ Зваровъ, отвернулся и продолжалъ путь.

— Евтихій Павлычъ! Погоди! Вѣдь дѣло есть! Надо же когда-нибудь кончить! доносилось ему въ догонку.

Зваровъ не оглядывался и стегалъ лошадь. Онъ

зналъ, что бывшій его приказчикъ будетъ просить отдать ему долгъ.

— Евтихій Павлычъ! Вѣдь только на пять минутъ!

И тутъ Зваровъ услыхалъ, что Лаврентій Тихоновъ, догоняя его, несется за нимъ вскачь. Пришлось остановиться. Лаврентій Тихоновъ подъѣхалъ къ нему.

— Будь благодѣтелемъ, Евтихій Павлычъ, отдай должокъ, благо что ужъ встрѣтились, заговорилъ онъ.—А то ѣзжу, ѣзжу, хожу, хожу и на дачѣ и въ городѣ, и застать тебя не могу.

Зваровъ даже не отвѣтилъ Лаврентію Тихонову на поклонъ, смотрѣлъ на него звѣремъ и сказалъ:

— Да ты бѣлены объѣлся, что ли? Гдѣ жъ это видано, чтобы люди на дорогѣ при всей публичности долги собирали!

— Невозможно тебя никакъ дома-то застать. Ты словно солнышко красное въ ненастную погоду... Вотъ я изъ-за чего больше. Будь другомъ, отдай, не затягивай... Вѣдь всего только тридцать три рубля... продолжалъ просить Лаврентій Тихоновъ.

— Не дамъ я на дорогѣ. Заставай дома. Да и нѣтъ у меня при себѣ денегъ, отвѣчалъ Зваровъ.

— Ну, тогда я сейчасъ за тобой, на дачу...

— И на дачѣ нѣтъ денегъ. Ты не дури! Кто теперь при себѣ, во время такихъ безпорядковъ, деньги держитъ? Деньги держатъ въ банкѣ. Да... И наконецъ, ты сегодня хоть изъ человѣколюбія-то пожалѣлъ бы требовать деньги. Знаешь ли, сегодня

какой день? Знаешь ли, какое несчастіе для хозяевъ? Вѣдь убытки...

— Что приказчики-то стачились и на сходку ушли? Очень чудесно знаю... Да ужъ давно за тобой тридцать три рубля-то.

— И не пропадутъ. Будь покоенъ... Ты съ воза торгуешь... До тебя всѣ эти бунты дѣло не касающееся. А намъ-то, лавочникамъ, каково?

— Да отдай ты хоть половину товаромъ. Я товаромъ возьму, мясомъ... Вѣдь мясо-то у тебя есть въ ледникѣ... приставалъ Лаврентій Тихоновъ, махнувъ рукой.—Ахъ, только бы покончить!

— Пріѣзжай завтра вечеромъ на дачу. Я буду тебя ждать, сказалъ Зваровъ, стегнувъ лошадь.

— Понимаешь ты, я по вечерамъ въ городѣ товаръ закупаю. Нѣтъ, надо сегодня кончить, благо ужъ встрѣтился.

Лаврентій Тихоновъ поѣхалъ за Зваровымъ.

— Вотъ присталъ-то, какъ банный листъ! Ахъ, выжига! Ахъ, безбожникъ! И жалости въ немъ, въ подлецѣ, нѣтъ къ своему хозяину! Эдакіе убытки сегодня терпимъ, а тутъ ему, мерзавцу, сейчасъ деньги подай, ругался Зваровъ, слыша за собой стукъ колесъ телѣги Лаврентія Тихонова.

— Давно ужъ онъ денегъ проситъ, меня-то всю извелъ, пріѣзжавши въ лавку, замѣтила мужу Лукерья Ивановна.—Отдайте ему, коли у васъ есть. Вѣдь онъ пріѣдетъ и оконфузитъ насъ.

— Молчи! Что ты понимаешь! Ты дура, и ничего не понимаешь. Насѣдка! Только изъ-за мужнина хлѣба и живешь. Какія твои понятія насчетъ денегъ! огрызнулся на нее мужъ.

Слова Лукерьи Ивановны, однако, на Зварова подѣйствовали. Проѣхавъ съ полверсты въ сопровожденіи Лаврентія Тихонова, онъ остановилъ лошадь и поманилъ къ себѣ своего бывшаго приказчика.

— На, подавись, коли ужъ тебѣ такъ очень на хлѣбъ надо! сказалъ онъ слѣзшему къ нему съ телѣги и подошедшему Лаврентію Тихонову, досталъ изъ кармана свой громадный замшевый кошелекъ, и сталъ отсчитывать тридцать три рубля.

— Зачѣмъ давиться, коли я свои получаю... бормоталъ Лаврентій Тихоновъ, принимая деньги.

— Вотъ она, честность-то наша! похвастался Зваровъ.—Отдаю... Полностью отдаю. А могъ бы вѣдь и не отдать. Гдѣ доказательства, что я долженъ тебѣ? Никакихъ доказательствъ.

— Что жъ, спасибо тебѣ... вынужденно произнесъ Лаврентій Тихоновъ. — А только, если поразсчитать, то по полной совѣсти за тобой моихъ куда больше.

— Ну, ну, ну! Ври больше. Въ расчетѣ теперь. И замѣть, вѣдь безъ росписки отдаю.

— Будь покоенъ... вторыхъ не потребую. Не таковскій я человѣкъ. Ты со мной въ приказчикахъ вмѣстѣ у одного хозяина служилъ, товарищемъ былъ, стало быть, долженъ знать.

— Изъ-за этого и отдаю. Вотъ она, совѣсть-то наша чистая! хвастливо хлопнулъ себя Зваровъ по груди.—А ты въ контру товарищу изъ воза вокругъ его лавки торгуешь и канкаренцію дѣлаешь. Ловко это? Не было тебѣ другой дачной

мѣстности для торговли? Ну, прощай! кивнулъ онъ ему, стегнулъ лошадь и поѣхалъ.

— Какъ я рада, что вы разсчитались съ нимъ, опять замѣтила Лукерья Ивановна. — А то вѣдь онъ ѣздитъ и по всѣмъ сосѣдямъ нашимъ разсказываетъ, что мы жулики, что мы шильники, должны ему и не отдаемъ. Что мы...

— Ну, молчи! Довольно!

Наконецъ Зваровы прибыли къ себѣ на дачу. Улица ихъ была запружена сапожниками-подмастерьями, пріѣхавшими на сходку. Сходка все еще продолжалась, такъ какъ она была устроена внезапно, и загородной полиціи не было. Изъ портерной, находившейся противъ лавки Зварова, то и дѣло таскали на лужайку на задахъ бутылки пива. Пьяныхъ не было. Все было чинно и благообразно. Русскіе подмастерья сапожники отличались убожествомъ костюмовъ, ситцевыми рубахами, выставленными изъ-подъ жилетовъ, замасленными фуражками, дырявыми сапогами, и курили самодѣльныя папиросы изъ газетной бумаги. Чухны-сапожники были куда ихъ лучше одѣты, сосали дешевыя сигары и трубки-носогрѣйки; на чухнахъ были приличныя фуражки, даже шляпы, въ большинствѣ случаевъ крѣпкіе сапоги, и нѣкоторые подмастерья были даже въ крахмальныхъ воротничкахъ.

— Это что за сборище такое? удивился Зваровъ, подъѣзжая къ своей запертой лавкѣ.

— А сапожническая-то сходка, отвѣчала Лукерья Ивановна.—Вѣдь я, кажется, вамъ говорила о ней.

— Тьфу ты пропасть! плюнулъ Зваровъ. — И

тамъ, и здѣсь... Да вѣдь это, стало быть, весь Петербургъ переполошился... Вотъ времячко-то настало!

Лукерья Ивановна тотчасъ же бросилась въ комнаты къ дѣтямъ. Всѣ были въ кухнѣ. Дуня сидѣла на рукахъ у дворничихи Афимьи и ѣла съ блюдечка старую гречневую кашу пригоршней. Павля тоже кусалъ огромный ломоть чернаго хлѣба, круто просоленый солью. Игнашка сидѣлъ около кухоннаго стола и читалъ книжку. Зваровъ налетѣлъ на него, какъ коршунъ, и вырвалъ у него изъ рукъ книжку.

— А у тебя кухня, у чертенка, прибрана? закричалъ онъ. — Прибрана, что ты бездѣльемъ занимаешься? Отчего уголья по полу валяются? Отчего чайные стаканы не вымыты? Отчего самоваръ не на мѣстѣ стоитъ? Вы тутъ, анаѳемы проклятые, съ хозяйскими лимонами чаи распивали? Откуда этотъ лимонъ? Гдѣ ты его взялъ? Ты изъ шкапа стащилъ? Кто тебѣ позволилъ? А сахаръ? Отчего пустая сахарница? Въ накладку пили, черти окаянные! И еще послѣ этого книжки читать! Вотъ возьму и разорву ее!

— Не рвите, хозяинъ! Это не моя книжка, а Захарова. Я у Захара взялъ ее почитать, плакался Игнашка.

Зваровъ швырнулъ книжку въ уголъ кухни.

Поцѣловавъ дѣтей, Лукерья Ивановна бросилась въ свою спальню къ забытымъ ключамъ отъ лавки. Ключи отъ лавки были на томъ же мѣстѣ, гдѣ она ихъ еще вчера оставила. Она открыла сундукъ и стала перебирать въ немъ свое добро,

Все было цѣло и на мѣстѣ. Бросилась она и къ незапертому шкапу съ провизіей—и тамъ было все въ порядкѣ.

— Ну, слава Богу! прошептала она и даже перекрестилась.

Съ сердца ея какъ бы камень какой-то спалъ, и она вернулась къ дѣтямъ.

— Гдѣ ключъ отъ ледника? кричалъ ей Зваровъ.—Дай ключъ отъ ледника! Надо мясо пересмотрѣть.

Онъ схватилъ ключъ и побѣжалъ на ледникъ, долго рылся тамъ и, наконецъ, вернулся.

— Все цѣло на ледникѣ? шопотомъ спросила его жена.

— А кто же это разберетъ? Что я вчера привезъ изъ города—лежитъ не нарушено, но вѣдь тамъ и прежняго привоза много мяса было, солонина была, раздраженно отвѣчалъ онъ. — Пудъ или полтора стянули, такъ и не замѣтно. Ворона ты! Ворона! Не слѣдовало ключей дома оставлять, если уѣзжаешь! прибавилъ онъ въ упрекъ женѣ.— А вотъ теперь и казнись, и хлопай глазами... Игнашка! закричалъ онъ.—Бери ключи и иди въ лавку! Я самъ торговать сегодня буду. Поторапливайся, поторапливайся! Чего тамъ? Довольно ужъ книжки-то начитался.

Зваровъ сунулъ появившемуся Игнашкѣ ключи, надѣлъ поверхъ пиджака чистый бѣлый передникъ съ нагрудникомъ и отправился вслѣдъ за Игнашкой въ лавку.

XXXIV.

Зваровъ хоть и вышелъ въ третьемъ часу въ лавку, но торговли уже не было. За мясомъ въ лавку никто не являлся. Нѣкоторые дачники только заходили справляться, отчего утромъ лавка была заперта. Зварова это злило, и онъ неохотно отвѣчалъ:

— Приказчики за хлѣбъ, за соль хозяина отблагодарили. Вотъ я сейчасъ одинъ съ подручнымъ стою.

— Ахъ, и у васъ забастовка? Такъ какъ же намъ быть завтра-то?.. задала вопросъ дама съ голубымъ зонтикомъ въ рукѣ, украшеннымъ кружевами.

— Завтра-то, я думаю, все оборудуется. Сегодня у нихъ сходка въ Петербургѣ была. На сходкѣ они. Да разогнали.

— А если не оборудуется? Хорошо, что мы утромъ сига у носящаго рыбака купили и на ботвиньѣ сидѣли. Да, слава Богу, разносчикъ съ курами зашелъ.

— Да вы сегодня съ вечера закажите, что требуется, мы вашей милости и доставимъ на дачу.

— Хорошо. Я пришлю кухарку. Дѣло въ томъ, что мы у васъ на книжку беремъ,—ну, мужъ мнѣ лишнихъ денегъ на расходы и не оставляетъ. Конечно, здѣсь есть мясникъ, который съ возомъ ѣздитъ...

Зварова даже покоробило.

— Нѣтъ, ужъ вы не извольте безпокоиться! перебилъ онъ.—Это мясникъ какой! Самый послѣдній... У него мясо ливонское—черкасскаго-то и не бывало. А приказчики къ завтраму найдутся. Сегодня же найдутся... Дѣлать имъ больше нечего... а пить, ѣсть надо, на голодное брюхо не много нагуляешь.

И къ вечеру пять-шесть заказовъ на мясо ужъ поступило. Это нѣсколько успокоило Зварова. Одна кухарка явилась и даже взяла двухдневную порцію мяса, говоря:

— Барыня приказала на два дня взять. А вдругъ, говоритъ, какъ и послѣзавтра лавка не откроется? Давайте... Съ запасцемъ лучше... Все равно у насъ ледникъ есть. На ледникѣ улежитъ.

— Сколько угодно улежитъ, встрепенулся Зваровъ.—Вылежавшееся мясо даже вкуснѣе и мягче. А что до приказчиковъ—они къ завтраму придутъ. Гдѣ ни гуляютъ, а домой придутъ. Иначе, позвольте, гдѣ же голову приклонить? Домашняго своего руководства у нихъ нѣтъ, всѣ на хозяйскихъ квартирахъ и хозяйскихъ харчахъ живутъ. Да и паспорты у хозяевъ на рукахъ. А безъ паспорта, вы сами знаете, одной ночи въ Петербургѣ нигдѣ переночевать не дадутъ при нынѣшнихъ строгостяхъ.

Кухарка не безъ злорадства подмигнула Зварову.

— А все-таки они подкузмили васъ, хозяевъ.

— Маленько есть... А только вѣдь и мы не безъ затылка, можемъ и сами... Война... На манеръ какъ бы войны... Мы русскіе, а они на манеръ

японцевъ,—ну, и бьютъ. Наплывъ мнѣніевъ у нихъ теперь такой пошелъ... У всѣхъ павлины въ головѣ... А пропаганда эта самая мутитъ... старался пояснить Зваровъ обстоятельство приказчицкой забастовки, и прибавилъ со вздохомъ:—А только цыплятъ осенью считаютъ. Поживемъ—увидимъ. Всего того, чего они требуютъ, не взять имъ. Въ Европѣ нѣтъ-съ этихъ мечтаній для съѣстной торговли, такъ какъ же намъ-то?..

Кухарка опять подмигнула, пока Зваровъ отвѣшивалъ товаръ, и призналась:

— А я рада, что васъ, хозяевъ, приказчики подкузмили. Всѣхъ, всѣхъ хозяевъ такъ надо... И хозяевъ, и хозяекъ... Чтобы не очень ужъ зазнавались!.. Вотъ погодите, скоро и прислуга взбунтуется... Взбунтуется и покажетъ... Я знаю!... Вожаки уже есть, снова подмигнула она, зло улыбаясь.—Вѣдь и прислуга—люди... А какъ съ прислугой хозяева поступаютъ?

— Хороши и вы, господа кухарочки! спокойно и коротко отвѣчалъ Зваровъ, не желая раздражать покупательницу.

Отпустивъ товаръ, Зваровъ вышелъ на крыльцо лавки и сталъ смотрѣть на праздничное движеніе на улицѣ. Подмастерья-сапожники все еще шныряли по улицѣ, таская изъ портерной бутылки съ пивомъ. Сходка на лужайкѣ на дачныхъ задахъ все еще продолжалась. Были ужъ и пьяненькіе. Кое-гдѣ за воротами дачъ началось обывательское наигрыванье на гармоніяхъ. Это ужъ упражнялась прислуга дачниковъ. И рядомъ съ лавкой Зварова пиликалъ на гармоніи офицерскій денщикъ. Про-

ходившій мимо денщика съ парой бутылокъ пива чухонецъ-сапожникъ въ необычайно короткомъ парусинномъ пиджакѣ и соломенной шляпѣ вдругъ остановился и, вытянувъ сначала впередъ ногу, сталъ приплясывать, медленно вертясь на одномъ мѣстѣ. Серьезное лицо его съ бритыми усами, обрамленное по щекамъ и подъ подбородкомъ рыжевато-русою щетиною, сдѣлалось еще серьезнѣе. Приплясывая, онъ жмурилъ глаза. Проходившіе мимо него другіе финны звали его съ собой, но онъ не шелъ и долго еще приплясывалъ, жестикулируя бутылками и собирая около себя толпу. Толпа смѣялась, а финнъ дѣлался все серьезнѣе и серьезнѣе.

Къ Зварову подошелъ чухонецъ въ шкиперской фуражкѣ, съ темнокоричневымъ, изборожденнымъ морщинами, бритымъ лицомъ, подъ подбородкомъ котораго торчалъ клокъ полусѣдыхъ волосъ. Отъ чухонца такъ и несло сапожнымъ товаромъ. Онъ держалъ въ зубахъ трубку-носогрѣйку и, не выпуская ее изо рта, спросилъ:

— Свинаво копченяво саля и булка есть?

— Нѣтъ, не держимъ. Здѣсь не колбасная, отвѣчалъ Зваровъ.

— А гдѣ колбаснова? задалъ вопросъ чухонецъ и при этомъ пустилъ изъ трубки Зварову подъ носъ струю дыма.

Никогда не курившій Зваровъ отшатнулся и произнесъ:

— Чего ты подъ носъ-то подкуриваешь! Думаешь, всякій любитъ эту соску?..

— О-о-о? протянулъ чухонецъ и уставилъ на него свои выпученные, какъ у рака, глаза.

Чухонецъ вынулъ трубку изо рта и сплюнулъ длинной слюной чуть не на ноги Зварова.

— Чего вы тутъ собрались-то? Бунтуете? спросилъ его Зваровъ.

— Нѣ... отрицательно покачалъ головой чухонецъ.—Сходка... Хозяинъ отъ давальца беретъ за сапоги много, а подмастерьямъ даетъ мало. Больше хотимъ. Давай больше. А за рапота расчетъ у насъ отъ хозяевъ въ воскресенье... Зачѣмъ въ воскресенье? Воскресенье — разникъ... Давай намъ расчетъ въ суппота. Мы разникъ хотимъ.

— Помѣшались вы всѣ на праздникахъ, произнесъ, улыбаясь, Зваровъ и махнулъ рукой.—Носитесь вы всѣ съ этими праздниками, какъ дуракъ съ писанной торбой. А на что вамъ эти праздники? Чтобы пьянствовать?

— Какъ пьянствовать? Нѣ-ѣ... Я лютеранскій человѣкъ... Я долженъ въ наша церковь идти пасторъ слушать. Долженъ пѣть... долженъ молиться.

Чухонецъ опять затянулся изъ трубки, опять сплюнулъ длинной слюной и отошелъ отъ Зварова.

Часовъ въ шесть вернулся на дачу рябой приказчикъ Филатъ и пришелъ въ лавку уже въ передникѣ.

— А! Явленное чудо!.. воскликнулъ, увидавъ его, Зваровъ.—Пріѣхалъ-таки, несчастный. И не стыдно это было тебѣ бѣгать отъ хозяйской торговли? Убѣжать тайкомъ, бросивъ лавку!.. Не

грѣхъ вамъ? Не стыдно? Называетесь тоже хозяйскими помощниками... Хороши вы помощники!

— Простите, Евтихій Павлычъ, пробормоталъ Филатъ.—Случай такой вышелъ... Дѣло важное... Сходка... Общественныя приказчицкія дѣла... Союзъ... Всѣ о себѣ хлопочутъ, чтобы человѣкомъ стать...

— А теперь-то ты звѣрь, что ли?

— Звѣрь, не звѣрь, а человѣкъ не настоящій. Какой же я равноправный гражданинъ своего отечества, если я весь въ хозяйскихъ рукахъ и хозяинъ мной помыкать можетъ!

— Да, помыкнешь вами. Какъ же!.. Таковскіе!.. Нѣтъ, вы сами теперь хозяевамъ на шею сѣли и ноги свѣсили. Помощники называются! На такихъ помощниковъ положиться, такъ и трехъ дней не проживешь, отчитывалъ Филата Зваровъ.

— Кланяюсь и прошу простить на этотъ разъ, поклонился Филатъ въ поясъ.—Вѣдь дѣло-то неотложное было. Извините... Прошу.

— А что мнѣ изъ этого, что ты просишь? Мнѣ изъ того прошенія шубы не сшить, а своимъ шляньемъ ты нанесъ торговлѣ убытокъ. А еще хвастаешься, что стараго благочестія человѣкъ, старообрядецъ! Ну, что, затылка тебѣ не наколотили на сходкѣ? Ребра-то цѣлы ли?

— Мы въ свалку не попали. Мы въ сторонкѣ... А были такіе, которымъ ой-ой какъ перепало!

— Что жъ, пальтишко, поди, разорвали? Синяками только отдѣлался?

— И отъ этого Богъ миловалъ, спокойно отвѣчалъ Филатъ.

— А гдѣ же твой товарищъ? Гдѣ же господинъ стихотворецъ? спросилъ послѣ нѣкотораго молчанія Зваровъ.

— Захаръ? Пропалъ Захаръ, развелъ руками Филатъ.—Ужъ я его искалъ, искалъ—нѣтъ Захара, пропалъ, какъ иголка.

— Сграбастали, стало быть, и подъ шары?.. Ловко. Такъ ему и надо. Пускай посидитъ—умнѣе будетъ. Я видѣлъ его въ саду. Видѣлъ его, какъ онъ на пригоркѣ стоялъ и листки какіе-то въ публику бросалъ.

— Ахъ, вы изволили быть тамъ? Это онъ свои стихи... Дѣйствительно, онъ стоялъ на гротѣ этомъ самомъ. Кидалъ свои стихи—и вотъ послѣ этого пропалъ. Сгинулъ...

— Ну, вотъ... А я даже и видѣлъ, какъ его околоточный схватилъ. Туда ему и дорога! прибавилъ Зваровъ. —Надѣюсь ужъ, что хоть завтра-то ты не бросишь Лукерью Ивановну, и я спокойно могу уѣхать въ городъ къ моимъ безобразникамъ? задалъ онъ вопросъ

— Помилуйте, хозяинъ... будьте покойны... Да я когда же? Я никогда... Я всей душой всегда... А ужъ сегодня случай такой. Будьте безъ сумнѣнія.

— Ну, то-то... Я въ надеждѣ...

Зваровъ заперъ на ключъ ящикъ выручки и отправился къ женѣ въ комнату.

XXXV.

Зваровъ пріѣхалъ въ свою петербургскую квартиру съ дачи поздно: уже давно спустилась блѣдно-сѣрой дымкой сѣверная ночь съ легкимъ алымъ отсвѣтомъ на западѣ. Закупать мяса на завтра не нужно было, такъ какъ сегодня не торговали, а потому онъ позволилъ себѣ эту вольность. Но его безпокоили приказчики, и онъ, какъ только вошелъ въ свою квартиру, сейчасъ же спросилъ заспанную Матрену:

— Безобразники наши вернулись?

— Нѣтъ, гдѣ вернуться! отвѣчала та.—Зеленщики тутъ, а нашихъ нѣтъ.

Зварова такъ и кольнуло, но онъ все-таки сказалъ себѣ въ утѣшеніе:

— Придутъ. Гдѣ кобели ни носятся, а домой придутъ. Въ Питерѣ безъ паспортовъ немного напляшешь, особливо въ такое смутное время. Мазурикъ и безъ паспорта укроется, а приказчикъ—нѣтъ, шалишь!

— Самоварчикъ? предложила Матрена.

— Поди ты со своимъ самоварчикомъ. Спать надо ложиться. Что я за полуночникъ такой!

Онъ тотчасъ же легъ спать, но ему не спалось. Въ голову лѣзла мысль:

„А если и завтра не придутъ, что я, вдвоемъ съ мальчишкой Гаврюшкой, въ лавкѣ буду дѣлать! Бѣда!“

Черезъ полчаса, однако, въ кухнѣ раздались шаги. Онъ слышалъ это въ забытьи, и, встрепенувшись, сталъ прислушиваться. Вскорѣ къ нему вошла Матрена, ступая босыми ногами, и сказала:

— Пришли. Ѣсть просятъ.

У Зварова отлегло отъ сердца, и онъ пробормоталъ:

— Я сказалъ, что гдѣ ни гуляютъ, а домой жрать и ночевать придутъ. Пьяные? спросилъ онъ.

— Что голуби. Ни въ одномъ глазѣ. Только у Васьки-то съ ногой что-то... Прихрамываетъ. Ушибли его, что ли?

— Очень радъ, что съ отмѣткой. Это хорошо для памяти. Стало быть, въ свалку попали. Морды-то не разбиты?

— Ни, Боже мой... Ѣсть, говорю, просятъ. Давать имъ, что ли?

— Корми. Пусть ѣдятъ. А благословлю я ихъ завтра. За мной не пропадетъ. Безстыдники! Совѣсти у людей нѣтъ.

Зваровъ перевернулся на другой бокъ и, уже успокоясь, заснулъ.

Ночью ему снилось, что затѣвается какое-то приказчицкое общество трезвости и собраніе приказчиковъ у него въ квартирѣ, но приказчики всѣ пьяные. На столахъ и на подоконникахъ стоятъ пустыя бутылки водки и пива. Пиво розлито даже по полу, и жена его и Матрена ходятъ по комнатамъ босыя, подоткнувши подолы юбокъ. Захаръ тутъ же и читаетъ стихи, взобравшись съ ногами на столъ. Тутъ же и чухны-сапожники съ трубка-

ми въ зубахъ, и учатъ приказчиковъ, говоря, что приказчики должны отнимать у своихъ хозяевъ половину барыша, потому что хозяева получаютъ много, а приказчики мало. Затѣмъ ему снилось, что рябой его приказчикъ Филатъ отнялъ уже у Лукерьи Ивановны двуспальную кровать и лежитъ на ней, а приказчикъ Сидоръ завладѣлъ зеркальнымъ шкапомъ, выбрасываетъ оттуда бѣлье и платья Лукерьи Ивановны и вѣшаетъ туда свою одежу. Зваровъ хочетъ всему этому воспрепятствовать, пробуетъ кричать, ругаться, но у него голоса нѣтъ, хочетъ гнать изъ своей квартиры чухонъ-сапожниковъ, но не можетъ сдвинуться съ мѣста, такъ какъ руки и ноги отказываются ему служить.

Наконецъ Зваровъ проснулся. Убѣдившись, что это былъ сонъ, онъ перекрестился. Часы пробили три. Онъ пошелъ въ кухню, напился воды изъ-подъ крана изъ ковша, легъ и опять заснулъ. На этотъ разъ сонъ его былъ спокойнѣе, и ужъ онъ спалъ, не просыпаясь, до утра, до шести часовъ, послѣ чего тотчасъ же всталъ и вышелъ въ кухню.

Въ квартирѣ всѣ еще спали, и только Матрена подметала полъ въ кухнѣ. Зваровъ подошелъ къ двери комнаты приказчиковъ и сталъ стучать въ нее кулакомъ.

— Эй, вы, тетери! Вставать пора! Довольно вамъ дрыхнуть! кричалъ онъ.—Да встанете, такъ приходите ко мнѣ въ горницу подъ благословеніе. Я чай пить буду.

— Вставайте, приказчики, вставайте! повторила

ласково окликъ Матрена.--Вчера хорошо выгулялись, ночью хорошо выспались, такъ пора и вставать да хозяина работой потѣшить.

Она загремѣла самоваромъ. Приказчики завозились за дверями, загромыхали сапогами.

— Вольница безпутная! прошепталъ сквозь зубы про приказчиковъ Зваровъ, и отправился умываться.

Черезъ полчаса онъ заваривалъ себѣ чай изъ кипящаго самовара, а передъ нимъ стояли приказчики Сидоръ и Василій, успѣвшіе уже надѣть и бѣлые передники.

— Что жъ, и сегодня болты бить будете, или сегодня-то можно на васъ, несчастныхъ, положиться? спросилъ Зваровъ, строго и съ презрѣніемъ смотря на нихъ.

— Зачѣмъ же сегодня болты бить! отвѣчалъ Сидоръ.—Вчера нужно было отлучиться, а сегодня пойдемъ въ лавку и будемъ стараться для хозяина.

— Ну, то-то. А я ужъ думалъ, что и сегодня шлифовать тротуары намѣрены.

— Вчера дѣло, хозяинъ, было, вчера, извините, и отлучились, повторилъ Василій.—А сегодня въ лавку.

— Дѣло!.. передразнилъ его Зваровъ. — Какое это дѣло бунтами по садамъ и улицамъ заниматься!

— Не бунтами занимались, а на сходку ходили, и дѣйствительно, дѣло дѣлали, выступилъ Василію на защиту Сидоръ. — Повстрѣчались другъ съ дружкой, сговорились, выбрали старостъ-ходо-

ковъ, и теперь союзъ приказчиковъ-мясниковъ будетъ. Они и насчетъ сокращенія часовъ обору дуютъ.

— Далось имъ это сокращеніе! пожалъ плечами Зваровъ.—Ну, напьетесь чаю и ступайте въ лавку, кивнулъ онъ имъ.—А насчетъ своеволь ства, надѣюсь, что это будетъ въ послѣдній разъ.

— Не потребуютъ старосты на сходку, такъ, само собой, въ послѣдній разъ... пробормоталъ Василій.

— Молчать! Довольно! Второй разъ сосвоеволь ничаете, такъ ужъ не такъ разговаривать съ вами буду! вспыхнулъ Зваровъ, но отъ ругательствъ удержалъ себя.

Приказчики и сами ждали большей грозы, вслѣдствіе чего Василій и замѣтилъ своему товарищу:

— Ругался-то онъ не особенно. Я думалъ, вотъ-вотъ разразится изъ тучи громъ...

— Отучимъ... Дай срокъ, и не такъ еще отучимъ. Разговаривай учтиво, потому приказчикъ такой же человѣкъ, отвѣчалъ Сидоръ.—Вышколимъ, образуемъ. Теперь защита есть, коли союзъ будетъ. Союзъ, вѣдь это что? Союзъ на манеръ артели. Попробуй-ка артельщика обидѣть, настоящаго артельщика, да ежели обида понапрасну,—вся артель сейчасъ на дыбы, и заступится.

А Зваровъ, отправляясь въ лавку и вспомня свой сегодняшній сонъ-кошмаръ, думалъ про приказчиковъ:

„А затѣяли союзъ, черти полосатые, такъ воли много заберутъ, такъ много, что до нихъ и рукой не достанешь. Тогда прощай хозяйскія права! Кро-

ватей двуспальныхъ, конечно, у хозяевъ не отнимутъ, зеркальныхъ шкаповъ тоже, а что потребуютъ себѣ настоящія постели, вмѣсто наръ и коекъ, да чтобы разную тамъ мебель имъ поставить, то вѣрно, и будутъ въ пищѣ зарываться, то это тоже вѣрно. Подтянутъ и насчетъ жалованья: опять же стачка, такъ вѣдь ничего супротивъ ея не подѣлаешь. Остается одно—согнать съ квартиры. Вотъ тебѣ на уголъ, вотъ тебѣ на харчи, и живи гдѣ хочешь, ѣшь гдѣ знаешь. Не по обычаю это, да что жъ дѣлать-то? Вѣдь не по обычаю, чтобы и приказчики надъ хозяевами командовали, однако командуютъ же!

Какъ человѣкъ природнаго ума, Зваровъ видѣлъ уже, что приходится хозяевамъ сдаваться, что настаютъ какія-то другія времена, что во всѣхъ служащихъ, зависящихъ отъ хозяевъ, началось какое-то пробужденіе отъ новыхъ вѣяній, носящихся въ воздухѣ среди всѣхъ классовъ и профессій. Этимъ объясняется его, человѣка суровыхъ правилъ, относительная снисходительность къ своимъ приказчикамъ, самовольно прогулявшимъ вчерашній день.

Въ лавкѣ торговля шла обычнымъ порядкомъ, но Зварову очень ужъ надоѣли покупатели, пристававшіе съ разспросами, отчего вчера не торговали. Сначала онъ объяснялъ, разумѣется, негодуя при этомъ на приказчиковъ, а потомъ сталъ отдѣлываться короткими шутками, въ родѣ:

— У орла жена померла—вотъ и поминали.

Часу во второмъ дня въ лавку пришелъ приказчикъ Захаръ. Онъ былъ блѣденъ. Платье его было

измято, въ грязи, подъ глазомъ былъ синякъ, губа была разсѣчена. Зваровъ увидалъ его и отшатнулся.

— Явился? Экъ тебя... Гдѣ это тебя такъ?.. спросилъ онъ, и не договорилъ.

— Пострадалъ за правду, отвѣчалъ Захаръ, потупившись, и задалъ вопросъ:—Прикажете на дачу въ лавку ѣхать, или выдадите паспортъ и расчетъ?

— Ты гдѣ это былъ-то? Гдѣ ночевалъ? Подъ шарами, въ кутузкѣ сидѣлъ, что ли? допытывался Зваровъ.

— Пострадалъ за правду, и горжусь... повторилъ Захаръ и ударилъ себя въ грудь ладонью.— Все-таки принесъ пользу товарищамъ.

Въ голосѣ его слышались слезы.

— Ну, конечно же, сидѣлъ въ полиціи. Авось, это тебя образумитъ напредки, сказалъ Зваровъ.

— Пострадалъ за правду,—вотъ вамъ и весь сказъ! А васъ, хозяинъ, я спрашиваю: оставляете меня на службѣ, или мнѣ перебираться съ вашей дачи на свою квартиру?

Зваровъ подумалъ и отвѣчалъ:

— Богъ тебя проститъ. Но чтобъ больше этого не было!

Захаръ поднялъ голову и сверкнулъ глазами.

— Я не прощенья у васъ прошу, потому что ни въ чемъ не виноватъ, сказалъ онъ.—Я дѣло дѣлалъ, общее дѣло. Былъ тамъ, гдѣ всѣ наши труженики были. А я васъ спрашиваю: оставляете меня на службѣ, или уволить желаете?

— Да что ты пристaлъ-то! Никто тебя не гонитъ. А только и гордость же у тебя, господинъ поэтъ! возвысилъ голосъ Зваровъ.—Богъ съ тобой... Поѣзжай скорѣй на дачу и помогай въ лавкѣ Лукерьѣ Ивановнѣ. Поѣзжай. Вечеромъ и я пріѣду, уже мягко прибавилъ онъ.

— Спасибо.

Захаръ поклонился, пошепталcя немного съ приказчиками, и вышелъ изъ лавки.

XXXVI.

Прошло нѣсколько дней, и Зваровъ совсѣмъ успокоился послѣ своевольной отлучки своихъ приказчиковъ на сходку въ Александровскомъ саду, тѣмъ болѣе, что въ лавки они выходили акуратно, занимались съ покупателями усердно. Захаръ, намѣченный на сходкѣ выборнымъ отъ мясного торга для хлопотъ по составленію устава союза приказчиковъ-мясниковъ и проведенія его сквозь правительственныя горнила, хвастался Лукерьѣ Ивановнѣ, что онъ пострадалъ за правду въ день сходки и опять пострадать готовъ, если придется идти куда-нибудь ходокомъ для представленія этого устава, и Лукерья Ивановна передала это Зварову, но Зваровъ не обратилъ на это вниманія.

А говорилъ Захаръ такъ:

— Пускай штыки разставляютъ. На штыки полѣземъ, а подадимъ самому министру, добьемся, что намъ разрѣшатъ союзъ. Вѣдь это же по закону... на законныхъ правахъ... Высочайшій указъ... А пострадать придется—пострадаю для товарищей.

Затѣмъ Захаръ отлучился куда-то ночью, хотя утромъ къ выходу въ лавку и явился домой, сказавъ, что ѣздилъ въ собраніе выборныхъ для составленія устава. Лукерья Ивановна и это передала мужу.

На это Зваровъ равнодушно отвѣтилъ:

— Пускай гдѣ хочетъ ночью шляется, лишь бы денегъ изъ выручки не воровалъ для шлянья и мясо съ собой не таскалъ.

Послѣ этого въ послѣобѣденные часы Захаръ читалъ Филату и Игнашкѣ, и особенно подчеркивая произносилъ:

— Параграфъ шестой... Отношеніе къ хозяевамъ...

Кромѣ Филата и Игнашки его слушали пекарь съ засученными рукавами грязной рубахи, вѣчно курящій махорочную папиросу, и сосѣдъ старикъ табачникъ, очень часто заходившій въ мясную Зварова для бесѣдъ съ приказчиками. Пекарь слушалъ, какъ и всегда, недовѣрчиво и, крутя головой и поплевывая, говорилъ:

— Что хотите, пишите, а никакого изъ этого толку не выйдетъ.

— Отчего? спрашивалъ Захаръ.—У насъ адвокатъ нанятъ. Настоящій адвокатъ, солидный человѣкъ, въ очкахъ и съ бакенбардами.

Шли разговоры и о праздничномъ отдыхѣ, о сокращеніи часовъ торговли. Приказчики ликовали, что дѣло о закрытіи въ праздники лавокъ перешло въ министерство финансовъ. Говорить объ этомъ приходили и сосѣдскій приказчикъ-колбасникъ, зеленщикъ изъ сосѣдней лавки и даже приказчикъ-суровщикъ, на дверяхъ лавки котораго висѣла связка ваты и двѣ запыленныя, полинявшія ситцевыя женскія кофточки. Рябой Филатъ потрясалъ газетой съ отчетомъ о засѣданіяхъ при министерствѣ и торжественно произносилъ:

— При министерствѣ финансовъ обсуждается. Вотъ оно куда пошло! Министерство финансовъ насъ подъ свое крылышко приняло. Это, братцы, не шутка! Тамъ скрутятъ.

Но къ министерству финансовъ Захаръ относился отрицательно.

— Никакого толку не будетъ, говорилъ онъ и махнулъ рукой.

— Отчего? спрашивали его.—Министерство финансовъ, братецъ ты мой, сила. И наконецъ, имъ надо, чтобы народъ гулялъ. У нихъ винныя лавки. Не ради пьянства, а ежели и по малости всякій въ свободное время стаканчикъ пропуститъ, то, Богъ знаетъ, насколько торговля поднимется! А теперь деньги на войну надо.

— И все равно для приказчиковъ ничего хорошаго не выйдетъ, стоялъ на своемъ Захаръ.

— Да отчего? Въ какихъ смыслахъ?

— А въ такихъ смыслахъ, что на совѣщаніе кто приглашенъ? Хозяева, а не приказчики. Понятное дѣло, что хозяева на свою сторону потя

нутъ. Вотъ если бы приказчики, то дѣло другое. А приказчиковъ обошли.

— Захотѣлъ ты тоже, чтобы въ министерство финансовъ да приказчиковъ приглашали, замѣтилъ пекарь, крутя изъ газеты махорочную папироску.

— Да вѣдь дѣло-то приказчицкое о праздничномъ отдыхѣ, а не хозяйское, доказывалъ Захаръ.

— Все равно, жирно будетъ! Что такое приказчикъ? Мелочь...

— Позвольте... Теперь, послѣ указа о созывѣ со всѣхъ концовъ Россіи земскихъ людей—всѣ равны! Да-съ... Что хозяева, что приказчики—всѣ равны... Будьте покойны... такой указъ... Я вотъ крестьянинъ, простой крестьянинъ, а живу у хозяина приказчикомъ. А какъ созывъ будетъ назначенъ и начнутся выборы, такъ и меня могутъ выбрать въ собраніе. Да-съ... Ничего не извѣстно... И у меня, можетъ быть, будетъ голосовъ-то больше, чѣмъ у иного хозяина первой гильдіи. Вѣдь отъ всѣхъ сословіевъ... Всѣ равны...

Произнеся это, Захаръ сверкнулъ глазами, гордо ударилъ себя въ грудь кулакомъ и прибавилъ:

— Да-съ... Можетъ, и мы возвысимся! Да такъ возвысимся, что люди въ поясъ намъ кланяться будутъ.

— Сколько въ тебѣ гордости-то этой самой, посмотрю я на тебя! покачала головой Лукерья Ивановна, слушавшая все это.—Эй, парень, смотри, не ошибись! Ужъ больно ты заносишься!

Захаръ облизнулъ заживающую разсѣченную на сходкѣ нижнюю губу и остановилъ хозяйку.

— Позвольте, Лукерья Ивановна, позвольте. А

знаете, что Суворовъ сказалъ? Великій россійскій полководецъ Суворовъ. Онъ сказалъ: плохой тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ. Да-съ... Такъ вотъ вы и учтите... И Ломоносовъ былъ изъ крестьянъ, пѣшкомъ въ лаптяхъ въ Питеръ пришелъ, а впослѣдствіи былъ какимъ вельможей!

— Такъ вѣдь тотъ учился, науку произошелъ, замѣтилъ табачникъ.

— А можетъ быть, и мы будемъ учиться? Ничего не извѣстно... Я и по сейчасъ учусь... Стихи читаю и всякое другое, отвѣчалъ Захаръ.—Я третьяго дня Бокля себѣ купилъ у носящаго за тридцать пять копѣекъ. Подержанная книжка, но вся цѣлая... Бокля—„Исторія цивилизаціи въ Англіи“... Вотъ и будемъ обучаться этой самой цивилизаціи...

Уходя къ себѣ, табачникъ сказалъ:

— Идутъ пренія, что всякая торговля безъ изъятія въ праздникъ была бы закрыта для праздничнаго отдыха приказчикамъ. Чудесно. Всякая торговля... Стало быть, и моя табачная. А позвольте васъ спросить: для чего я ее закрывать въ праздникъ буду, если у меня и приказчиковъ-то нѣтъ, а торгую я съ женой и дочерью? Да мы не хотимъ праздничнаго отдыха! Мы деньги добывать хотимъ! Такъ какъ же тутъ быть?

— Обязаны общему мнѣнію подчиняться, отвѣтилъ ему Филатъ.—Да и дочь и жену... Какую такую вы имѣете собственную праву стѣснять ихъ свободу? Да утромъ въ праздникъ имъ въ церковь помолиться идти хочется.

— Онѣ и ходятъ, а я въ лавочкѣ торговать

остаюсь. И такихъ много, доказывалъ табачникъ.— Вѣдь послѣ этого не смѣй и разносчикъ съ товаромъ на дворѣ показаться.

— Да. Всѣ должны праздники соблюдать. И разносчики... Иначе это будетъ подрывъ торговлѣ лавкамъ. Никто... И никому не обидно. А кому что нужно купить для дома — запасайся наканунѣ праздника съ вечера. Это такъ нетрудно. Запасаются же наканунѣ Пасхи.

— Э-эхъ! крякнулъ пекарь, поднимаясь со скамейки.—Все это суета суетъ и суета всяческая... И ничего изъ этой суеты не выйдетъ, сколько ни разговаривайте. Понадобился тебѣ праздникъ— взялъ и загулялъ. Пускай хозяинъ штрафуетъ. Плевать!

Онъ махнулъ рукой и вышелъ сзади табачника изъ лавки.

Вечеромъ пріѣхалъ къ женѣ Зваровъ. Онъ былъ въ духѣ, привезъ дѣтямъ жестяночки леденцовъ, сѣлъ съ женой пить чай на заднемъ крыльцѣ и весело спросилъ жену:

— Видала ты новый заемъ-то?

— Какой заемъ? удивилась жена.

— А вотъ, что выпустили недавно. На войну выпустили... Купилъ себѣ бумажку въ пятьсотъ рублей. Прямо изъ патріотизма купилъ. Снялъ съ текущаго счета и купилъ. Тамъ на текущемъ четыре процента даютъ, а здѣсь пять процентовъ на сто, а бумажка-то вмѣсто ста рублей только девяносто шесть стоитъ, пояснилъ онъ.

— Ничего этого я не понимаю, отвѣчала Лукерья Ивановна.

— Хвастаться этимъ нечего. Обязана понимать. Жена ярославца. За кассой у мужа стоишь... На вотъ, посмотри, полюбуйся.

Зваровъ вынулъ изъ кармана процентный билетъ, положилъ его на столъ и разгладилъ рукой.

— Бумажка, какъ бумажка... самая обыкновенная, сказала жена.

— Да, но побольше бы такихъ бумажекъ. Слышишь, я и въ Петербургѣ въ лавкѣ пробую копѣйку на мясо накинуть... Говорю: много, молъ, на Дальній Востокъ мяса для солонины требуютъ, такъ вотъ цѣна и поднялась, перемѣнилъ онъ разговоръ.—Ничего... Иные даютъ. А даютъ, такъ чего же зѣвать-то.

— Нѣтъ, у насъ жалуются покупатели, очень жалуются.

— Да пускай жалуются. Лишь бы давали. А намъ чихать на ихъ жалобы! Ахъ, война, война! продолжалъ онъ.—Все говорятъ и пишутъ въ газетахъ про миръ, а война не кончается. Мобилизація, мобилизація.... да ужъ кого брать-то? Только такіе старики, какъ я, остались. Да и не остался бы, если бы не въ Петербургѣ былъ. Въ прошломъ году я какъ боялся, когда петербургскіе уѣзды перебирали! Думаю: старый я саперъ... спеціальное войско. Но Петербургъ-то и помиловали. Петербургъ, Царское Село и Петергофъ помиловали. А знаешь, изъ-за чего? спросилъ жену Зваровъ, откусилъ кусочекъ сахару, схлебнулъ чай съ блюдечка и отвѣчалъ:—Изъ-за того, что здѣсь въ Петербургѣ очень много городовыхъ пришлось бы брать. Городовыхъ, швейцаровъ, дворниковъ... А

этотъ народъ для всякаго порядка уже обученный... народъ надежный... за него держаться надо. Поняла?

— Еще бы не понять. Я тоже за васъ очень боялась, да и теперь боюсь. Упаси Богъ! проговорила Лукерья Ивановна.

— Да вѣдь затянется война, то и теперь насъ могутъ потребовать. Въ лучшемъ видѣ потребовать, если большая недохватка будетъ. А только по газетамъ-то всѣ: миръ, миръ, миръ... И депутація о мирѣ просила. Всѣ хотятъ мира. Да и въ самомъ дѣлѣ, пора эту несчастную войну кончить. Что жъ, коль Богъ удачи не даетъ? Вѣдь никакой удачи... Ни-ни... закончилъ Зваровъ и подвинулъ къ женѣ пустой стаканъ, чтобы она налила его чаемъ.

Изъ библіот. пок. ОСИ
ІОСИФА БЛЮМОВИЧА
умерш. въ Моск. 5 окт. 1919 г.

XXXVII.

Дѣла торговыя у Зварова шли хорошо и радовали его. Начали усиленно приходить барки съ дровами, съ строительнымъ лѣсомъ, съ кирпичемъ и съ бутовой и другой плитой, склады которыхъ главнымъ образомъ находятся въ зарѣчныхъ частяхъ Петербурга. Барки разгружались. Появилось множество пришлыхъ рабочихъ и подрядчиковъ по разгрузкѣ. Начало увеличиваться число построекъ. Понаѣхала вторая партія каменщиковъ-кладчиковъ. Начался сезонъ перестилки

мостовой, и прибыли мостовщики съ молотками. Населеніе Петербургской стороны стало временно расти. Замѣтно умножилось число ѣдоковъ и торговля съѣстными припасами увеличилась. У Зварова появились новые покупатели на дешевое мясо—подрядчики. Артели рабочихъ начали покупать дешевую солонину и третьи сорта мяса. Въ торговое время приказчики Зварова еле успѣвали отпускать товаръ, а нынѣшнимъ лѣтомъ ихъ было у Зварова только двое, не считая мальчика Гаврюшки. Лаврентій Тихоновъ, заторговавшій за свой счетъ изъ воза, никѣмъ не былъ замѣщенъ. Зваровъ, думавшій обойтиться при двухъ приказчикахъ, увидѣлъ полную невозможность этого и поѣхалъ въ Сѣнной рынокъ къ своему пріятелю щепеному торговцу Максиму Ермолаевичу Скалкину—попросить пріискать для него, Зварова, третьяго приказчика, такъ какъ лавка Скалкина съ щепеными товарами находилась какъ разъ среди мясной торговли. Пріѣхалъ онъ къ Скалкину послѣ полудня, въ торговое затишье. Скалкинъ, пообѣдавъ принесенной изъ дома ѣдой, дремалъ у себя на задахъ лавки на скамейкѣ, заставленный щепеными ушатами, ведрами, корытами. Скалкина разбудили. Зваровъ изложилъ ему свою просьбу.

— Дѣла, стало быть, веселятъ? спросилъ Скалкинъ, потягиваясь послѣ дремоты.

— Да, нельзя сказать, чтобы обижали дѣла, хотя тяжелыя, трудныя времена стоятъ, отвѣчалъ Зваровъ.

— Дѣйствительно, времена тугія. Такихъ вре-

менъ и не бывало. Все на ножи лѣзетъ. Война съ хозяевами, война съ начальствомъ. Всѣ недовольны, всѣмъ чего-то мало. И, вѣдь, что удивительно: война въ каждомъ городѣ... Да что городъ! Въ каждой деревушкѣ. Такія войны вездѣ, что о настоящей-то войнѣ съ японцами всѣ и забыли. Словно ея нѣтъ. Ты читаешь ли теперь о настоящей-то войнѣ въ газетахъ?

— Бросилъ, сознался Зваровъ.—Не до того... У меня своя война съ приказчиками. Тутъ какъ-то въ воскресенье, такъ такой бунтъ затѣяли, что упаси Богъ.

— Да вѣдь и у меня то же самое. Всѣ убѣжали тогда въ Александровскій садъ. Одинъ даже безъ вѣсти пропалъ. И по сейчасъ найти не могу. Заявилъ въ полицію, что такой-то исчезъ, разсказывалъ Скалкинъ.

— Тсс... Такъ вотъ, до войны ли? Насчетъ мира подчасъ заглядываю въ газеты... Да вотъ, какое-то междометіе началось насчетъ мира.

— Какой миръ, коли опять мобилизація! Опять чуть ли не семерыхъ съ пятерыхъ требуютъ.

— Да неужели? нѣсколько испуганно спросилъ Зваровъ.—Когда было пропечатано? Какія губерніи?

— Сегодня въ газетахъ, сказалъ Скалкинъ.

— Господи Іисусе! Вотъ тебѣ и миръ. Какія губерніи-то призываютъ?

— Да разныя. Пойдемъ въ трактиръ. Я чайкомъ попотчую. Тамъ и газеты посмотришь.

— Съ Петербурга не берутъ?

— Не знаю я... Тамъ много перечислено. Ты запасный, что ли?

— Запасный-то запасный, но я старикъ... Я девяносто перваго года...

— Да вѣдь можетъ до того дойти, что и стариковъ будутъ брать.

— Все возможно, согласился Зваровъ.

— Помилуйте, теперь не только съ японцемъ воевать, а и для того, чтобы своихъ усмирять, и то войска нужны. Вездѣ сопротивленіе и вездѣ усмиреніе... Все на военномъ положеніи... Варшава на военномъ, Лодзь на военномъ, на Кавказѣ тоже...

— Да, да, да... Ужасъ! Что только и будетъ! Я не читалъ, но слышалъ...

У Зварова учащенно билось сердце, и онъ думалъ: „А вдругъ, какъ и до насъ дойдетъ? Вдругъ, какъ и меня возьмутъ? Упаси Богъ!“

Они отправились въ трактиръ пить чай. Зваровъ тотчасъ же потребовалъ газету. Дѣйствительно, въ газетѣ былъ указъ о мобилизаціи. Съ замираніемъ сердца онъ началъ читать губерніи и уѣзды, въ которыхъ призывались на службу запасные, но Петербурга не было. О мобилизаціи по конской повинности онъ и читать не сталъ и отложилъ газету.

— Нѣтъ? спросилъ Скалкинъ.

— Ничего нѣтъ, весело сказалъ Зваровъ.

— Видишь, Богъ-то и не безъ милости. Ну, на обратномъ пути отсюда заѣзжай тамъ у васъ на Петербургской сторонѣ въ часовню Спасителя и поставь свѣчку отъ своего усердія.

— Непремѣнно поставлю, Максимъ Ермолаичъ. Ты это правильно... Спасибо, что напомнилъ. Я и Николѣ угоднику, батюшкѣ, поставлю свѣчку.

Онъ всегдашній защитникъ насъ, торговыхъ людей. Ну, а теперь о дѣлѣ...

И Зваровъ повторилъ просьбу подыскать ему приказчика для мясной торговли.

— Да вотъ... Даже сейчасъ можно начать, сказалъ Скалкинъ.—Егоръ Тихонычъ! обратился онъ къ толстенькому, коротенькому пожилому человѣку съ клинистой бородкой съ просѣдью, который пилъ за сосѣднимъ столикомъ чай, даже не снявъ не совсѣмъ чистаго, въ пятнахъ крови передника.—Егоръ Тихонычъ!

— Ась? откликнулся тотъ.

— Вотъ со мной купецъ Зваровъ. Вашего же мясного торга онъ.

— Оченно пріятно.

Толстенькій и коротенькій торговецъ выскочилъ изъ-за своего стола и подошелъ къ Скалкину и Зварову.

— Рекомендую. Егоръ Тихонычъ — заправило всей торговлей Магнитова сыновья, какъ они по своей фирмѣ называются. У нихъ и свиное большое дѣло, и телячье... указалъ Скалкинъ на торговца въ передникѣ.—А это Зваровъ—мясной торговецъ съ Петербургской стороны.

Зваровъ и Егоръ Тихоновъ подали другъ другу руки.

— Знаю-съ... Слыхалъ... Вы у Смирновыхъ товаръ покупаете, проговорилъ Егоръ Тихоновъ.— А отчего не у насъ? Мы тоже теперь въ Петербургѣ по мясному дѣлу никому переду не даемъ.

— Да такъ ужъ по привычкѣ. Жилъ я въ приказчикахъ у Луки Матвѣича—тамъ у Смирновыхъ

товаръ забирали... Ну, и въ люди вышелъ я когда—тоже у Смирновыхъ.

— Знавалъ Луку Матвѣича... Божескій былъ старикъ, царство ему небесное. Изъ-за простоты вѣдь передъ смертью-то онъ и опрокинулся въ торговлѣ. Его вѣдь изрядно, говорятъ, нагрѣли.

Зварова нѣсколько покоробило отъ этихъ словъ, потому что онъ самъ-то и былъ главной причиной нагрѣванія Луки Матвѣича.

— Такъ вотъ, нѣтъ ли имъ свободнаго приказчика, сказалъ Скалкинъ.—У васъ на манеръ биржи. Къ вамъ со всѣхъ сторонъ безмѣстные сходятся.

— Это правильно... А только теперь-то такое время... Время—табакъ... Дурманъ какой-то на всѣхъ, и люди борзятся и никому уважить не хотятъ... объяснялъ Егоръ Тихоновъ, и присѣлъ къ столу.—Вамъ на какое положеніе приказчика?

— Хотѣлось бы на пятнадцать рублей въ мѣсяцъ. Да вѣдь по нынѣшнимъ временамъ не найдешь. Ну, двадцать... отвѣчалъ Зваровъ.

— Гдѣ найти! И за двадцать-то трудно найти. Развѣ какого-нибудь только что вышедшаго изъ мальчиковъ... Народъ нынче словно съ цѣпи сорвался. Я самъ приказчикъ и хозяевамъ служу, но прямо долженъ сказать: словно съ цѣпи сорвавшись.

— Да хоть изъ прошлогоднихъ мальчиковъ. Эти иногда еще дѣльнѣе бываютъ, просилъ Зваровъ.

— Хорошо, пришлю завтра или послѣзавтра. Только ужъ насчетъ жалованья торгуйся, купецъ,

самъ, проговорилъ Егоръ Тихоновъ и хлопнулъ ласково Зварова по плечу.

— По рюмочкѣ могу предложить за хлопоты? сказалъ Зваровъ Егору Тихонычу.

Тотъ отрицательно потрясъ головой.

— Не потребляю. Не въ коня кормъ... Въ молодости, грѣшнымъ дѣломъ, ковырялъ, а потомъ бросилъ. И въ общество трезвости не записывался, а бросилъ.

— Такъ чѣмъ же потчевать-то?

— Да вотъ развѣ вареньица копѣекъ на десять потребуете, такъ съ вареньемъ стакашекъ чаю опрокину.

Зваровъ велѣлъ подать варенья, и всѣ трое стали пить чай. Разговоръ перешелъ на другіе предметы. Зваровъ поинтересовался, въ какой цѣнѣ сегодня телятина.

— Сегодня на телятъ цѣна очень бодается, а поеныхъ поросятъ вотъ уже три дня въ привозѣ вовсе нѣтъ, сообщилъ Егоръ Тихоновъ.—Да и кому поить? Хорошіе поросята всѣ изъ Западнаго края, а тамъ изъ усадебъ всѣ помѣщики бѣгутъ, жизнь спасаютъ. Разстройство, большое разстройство повсюду, прибавилъ онъ, покачавъ головой.

Возвращаясь изъ трактира домой, Зваровъ зашелъ на Петербургской сторонѣ въ часовню Спасителя, помолился и поставилъ толстую свѣчку въ рубль.

На другой день онъ нанялъ третьяго приказчика для городской лавки, молодого человѣка лѣтъ двадцати пяти, присланнаго ему Егоромъ Тихоновымъ, но нанялъ уже не за двадцать рублей въ

мѣсяцъ, а за двадцать пять. Егоръ Тихоновъ рекомендовалъ его въ письмѣ за трезваго человѣка, а также знающаго и „курятное дѣло и насчетъ дичи“.

Приказчикъ предъявилъ Зварову, кромѣ того, такія требованія:

— Такъ какъ я виннымъ малодушіемъ не занимаюсь и теперь малость пооперившись, то спать въ повалку не могу. У меня и кровать хорошая съ тюфякомъ, и зеркальце, и шкапикъ для бѣлья и одежи, такъ есть ли у васъ гдѣ все это помѣстить? Я люблю чистоту.

Это были ужъ новыя вѣянія.

Приказчикъ Зварову понравился. Выслушавъ его требованіе, онъ досадливо поскоблилъ затылокъ, но все-таки отвѣтилъ:

— Найдется. Какъ-нибудь размѣстишься. Я мальчишку изъ приказчицкой уберу, и пусть его въ кухнѣ съ кухаркой стелется и спитъ. Тамъ у насъ ларь есть.

XXXVIII.

Веселый, радостный пріѣхалъ къ женѣ на дачу Зваровъ, юношески выскочилъ изъ телѣжки и крикнулъ въ отворенныя двери лавки приказчикамъ:

— Молодцы! Принимайте телятину!

Войдя къ женѣ въ кухню, онъ нѣжно обнялъ ее, чмокнулъ въ щеку и съ сіяющей улыбкой сказалъ:

— А меня опять Богъ помиловалъ. Въ газетахъ объявлена мобилизація, но Петербурга въ спискахъ нѣтъ.

— Ну, вотъ видите, какъ хорошо! улыбнулась Лукерья Ивановна, притянула мужа къ себѣ и еще разъ поцѣловала, проговоривъ: — Поздравляю васъ.

— Ты себя настоящимъ образомъ поздравляй, продолжалъ Зваровъ.—Вѣдь ужъ если мнѣ по призыву идти, то ау, братъ! Сдавай оба заведенія и поѣзжай съ ребятами обратно въ деревню къ маменькѣ.

— Ну, зачѣмъ же такъ?.. Господи Іисусе!.. Что вы такое говорите... Да она меня теперь заѣстъ.

— А затѣмъ, что гдѣ же тебѣ тогда, соломенной вдовѣ, съ двумя торговыми заведеніями справиться. Разворуютъ.

— Бросьте объ этомъ и говорить. Зачѣмъ такъ?.. Вы меня пугаете... Съ какой стати?.. Поживемъ ладкомъ. Сами же вы говорите, что вы старикъ, такъ зачѣмъ же такихъ-то?..

— Старикъ-то, старикъ. Было даже и разъясненіе какое-то о старикахъ... Да и генералъ Леневичъ просилъ, чтобы стариковъ ему не присылать, а присылали бы помоложе, но до сихъ поръ берутъ. Все-таки какая бы передряга была для меня, если бы вдругъ объявили призывъ для Петербурга. Пока что выяснилось бы, а я въ одну ночь замучился бы... А тебѣ-то каково!

Лукерья Ивановна вспомнила о деревнѣ, о подневольномъ житьѣ-бытьѣ въ семьѣ свекрови, и у ней мурашки забѣгали по спинѣ.

— Упаси Богъ! Помилуй, Богородица, Казанская Матерь Божія! произнесла она.

— Ну, то-то... А торговля такъ наладилась, такъ хорошо все, какъ по рельсамъ, пошло. На-ка вотъ, тебѣ баночку персиковаго варенья. Сегодня на радостяхъ съ вареньемъ персиковымъ чай пить будемъ. Дѣтямъ у меня въ телѣжкѣ апельсины... Пусть ребятишки побалуются... Можно и приказчикамъ дать по апельсину къ чаю. Пусть не жалуются, что у нихъ скупой хозяинъ.

— А съ приказчиками одно мученіе...

— Опять? Что такое? Опять кто-нибудь убѣгалъ?

— Нѣтъ. Послѣ той ночи не было. А разговоры обширные. Кромѣ того, въ лавку чужихъ приказчиковъ собираютъ. Сегодня у насъ, послѣ обѣда, въ затишье народу была ступа непротолченая. Все чужіе приказчики.

— А ты гони, снисходительно посовѣтовалъ Зваровъ.

— Гнала, да не идутъ. Что жъ, я женщина. Нешто меня послушаютъ! жаловалась Лукерья Ивановна.

— О чемъ же разговоры-то?

— Господи! Да все о томъ же... Праздничный отдыхъ, сокращеніе часовъ...

— Ну, языкомъ пускай болтаютъ. Отъ этого ничего не сдѣлается. А чужихъ приказчиковъ гони.

Что за сборище такое, въ самомъ дѣлѣ! Да и не по закону... За это отвѣтить придется. Нынче вездѣ разгоняютъ.

— Вотъ вы сами имъ скажите, чѣмъ апельсинами-то потчевать. Меня они совсѣмъ не уважаютъ. Я имъ слово, а они десять... Финансовымъ министерствомъ пугаютъ. Это, говорятъ, теперь по министерству и указъ такой есть, чтобы всѣмъ разговаривать. Еще табачникъ нашъ на моей сторонѣ, а то что жъ я могу подѣлать, если десять-двѣнадцать человѣкъ! Сегодня и зеленщикъ, и изъ сливочной лавки приказчикъ, суровщикъ... А нашъ Захаръ собралъ ихъ около крыльца и съ полчаса что-то имъ по бумагамъ читалъ... какія-то статьи тамъ, что ли. И все подъ номерами.

— Хорошо, хорошо... Я поговорю имъ. Да надо околоточнаго попросить, чтобъ разогналъ. Что же онъ, въ самомъ дѣлѣ! Мясо у насъ забираетъ, а самъ и публику разогнать не можетъ, когда надо.

На душѣ Зварова былъ праздникъ, а потому онъ и къ этому заявленію жены о проступкахъ приказчиковъ отнесся снисходительно.

— А теперь ставь самоваръ, ставь... торопилъ онъ жену. — Отдохнуть пріѣхалъ я... Даже и ругаться-то не хочется. Чего тутъ! Руганью ничего не возьмешь. Нынче народъ вездѣ одинаковый, всѣ на одну колодку, и къ хозяевамъ непочтеніе... Всякій носъ задираетъ... Да плевать... Только бы дѣло дѣлали.

Онъ сообщилъ женѣ о новыхъ покупателяхъ-подрядчикахъ въ городской лавкѣ.

— Пудами для рабочихъ мясо берутъ. Дешево

отдаю, но зато вѣдь и отпускаю со всячинкой... сказалъ онъ, минуту переждалъ и прибавилъ:— Завтра еще пятисотенный билетъ купить хочу. Это ужъ на черный день будетъ, коли ежели что...

Онъ улыбнулся. Улыбнулась и Лукерья Ивановна и произнесла:

— Вотъ видите, какъ хорошо!

Немного подождавъ, Зваровъ сказалъ:

— Въ капиталы лѣзу... Погоди, Лукерья Ивановна... Можетъ быть, придетъ такое время, что мы многимъ мясникамъ носъ утремъ! Въ собственной пролеткѣ на рысакѣ въ баню будешь ѣздить.

— Ну, ужъ... Вы тоже наскажете!

— А что ты думаешь? Пять лѣтъ такой торговли, такъ и домъ на Петербургской сторонѣ съ переводомъ долга купить можемъ. Война, война... Дальній Востокъ... Вездѣ бунтуютъ... Каждый день кого-нибудь подстрѣливаютъ... А вѣдь торговать-то стали хорошо. Это потому, что у насъ такой товаръ, прямо необходимый товаръ... Мясо. Хоть и бунты, хоть и умаленіе у публики доходовъ, а ѣсть-то каждому надо. Вотъ если бы мы фазанами торговали, брилліантами, соболями...

Вообще Зваровъ сегодня былъ такъ разговорчивъ, какъ никогда. Да и въ разговорѣ его звучало несвойственное ему добродушіе.

Лукерья Ивановна торопилась съ приготовленіемъ чая, ставила чашки на подносъ, и передъ тѣмъ, какъ нести на заднее крыльцо принадлежности чаепитія, сказала мужу:

— Сегодня я васъ выручкой порадую. Торговали на порядкахъ. Хоть и много приказчики язы-

комъ болтали пустопорожняго, а выручка хорошая.

— Ну, вотъ видишь... Пускай болтаютъ. Только бы дѣло дѣлали. Намъ хоть бы песокъ, да солилъ.

За самоваромъ Зваровъ сказалъ женѣ:

— Я вотъ что думаю, Лукерьюшка... Трудно тебѣ одной по дому управляться... И стряпня, и въ лавкѣ за выручкой стоять, и ребенка няньчить.. Возьми себѣ дѣвчонку какую-нибудь лѣтъ тринадцати-четырнадцати въ подмогу. Она и за няньку тебѣ будетъ для Дуньки, она и самоваръ поставитъ.

Лукерья Ивановна подняла на мужа глаза.

—А что жъ, это было бы очень хорошо. Какой вы добренькій, Евтихій Павлычъ, сказала она.

— Ищи и возьми въ прислуги. Дѣвчонка не объѣстъ... Ну, дать рублика два въ мѣсяцъ на башмаки, что ли... Право, возьми. Дѣвчонка тебѣ и въ пяло и въ мяло, какъ говорится, настаивалъ Зваровъ.—Ты переговори съ дворничихой Афимьей. Она тебѣ отыщетъ дѣвчонку... Здѣсь голодныхъ много, и въ лучшемъ видѣ дѣвчонку отдадутъ.

— Благодарю васъ. Я скажу Афимьѣ... Да тутъ сторожъ есть при желѣзной дорогѣ, онъ дѣвчонку-подростка въ ученье къ портнихѣ ладилъ отдать, да деньги съ него за ученье-то запросили, такъ вотъ, можетъ статься, онъ мнѣ отдастъ. Дѣйствительно, мнѣ тогда будетъ полегче, проговорила Лукерья Ивановна.

Лукерья Ивановна тотчасъ же сказала Афимьѣ. Та побѣжала за сторожемъ; но вмѣсто него пришла сторожиха, привела дѣвочку, и дѣвочка была на-

нята. Дѣвочка была шустрая, рослая не по лѣтамъ. Линючее ситцевое платье, надѣтое прямо на рубашку, болталось по ея ногамъ. Зваровъ посмотрѣлъ на нее и шепнулъ женѣ:

— Дѣвочка-то крупна. Какъ бы приказчики ее обижать не стали...

— Съ собой въ горницу спать ее класть буду, отвѣчала супруга.

Уѣзжая въ городъ, Зваровъ зашелъ въ лавку и сказалъ приказчикамъ:

— Вы опять бунтовствомъ заниматься начали? Какія такія у васъ въ лавкѣ сборища приказчиковъ? Лавка для торговли, а не для преніевъ... А главный всему дѣлу заводчикъ—ты, обратился онъ къ Захару.—Отсидѣлъ въ кутузкѣ, и все еще мало.

— За правду пострадать всегда готовъ, откликнулся Захаръ.—Я для общества...

— Чтобъ не было у меня больше этихъ самыхъ разговоровъ! И публичности не собирать! А то, скажите пожалуйста, какой здѣсь университетъ затѣяли!

— Позвольте, Евтихій Павлычъ! возвысилъ голосъ Захаръ. — Тогда вы противъ современности говорите. Свобода слова, свобода обсужденій... и на это указъ...

— Ну, у меня чтобъ больше этого не было! А то околоточный распорядится.

Зваровъ пошелъ садиться въ телѣжку. Захаръ смотрѣлъ ему вслѣдъ и бормоталъ:

— Странно... И даже дико... А какъ же кандидатовъ-то въ избирательное собраніе обсуждать будемъ?

П. А. Лейкинъ.

— Вотъ тебѣ и крышка... улыбнулся приказчикъ Филатъ.

— Никакой тутъ крышки нѣтъ! отвѣчалъ Захаръ.—Нешто я уймусь? Указъ... Мы обсуждаемъ уставъ союза... и будемъ обсуждать, не уймемся. А я пострадать готовъ!

XXXIX.

Іюнь былъ въ половинѣ. Въ Петербургѣ все обстояло спокойно, но въ остальной Россіи печальныя событія слѣдовали одно за другимъ. Волновалась, какъ бурное море, промышленная Лодзь, фабричный Иваново-Вознесенскъ выдерживалъ налетѣвшіе губительные шквалы, Варшава походила на огнедышащій вулканъ, жертвы слѣдовали за жертвами и, наконецъ, разыгралась печальная одесская катастрофа. Взбунтовавшійся броненосецъ „Потемкинъ-Таврическій“ сжегъ одесскій портъ и десятки судовъ. Газеты съ описаніями несчастныхъ народныхъ волненій раскупались на расхватъ. Описаніе несчастій и сообщенія о предстоящихъ приготовленіяхъ для переговоровъ съ японцами о мирѣ—все это имѣло захватывающій интересъ. У простыхъ малограмотныхъ людей, до сего времени ничего не слыхавшихъ о Вашингтонѣ, назначенномъ пунктѣ для переговоромъ о мирѣ, Вашингтонъ не сходилъ съ языка. Даже извозчики интересовались Вашингтономъ, разспрашивая сѣдоковъ,

что это за городъ такой. Всѣ желали мира, всѣ видѣли въ немъ успокоеніе отъ всѣхъ невзгодъ. Событія на Дальнемъ Востокѣ отошли на задній планъ, телеграммы изъ Манчжуріи и изъ Токіо даже перестали читать. Зваровъ, въ послѣднее время не каждый день заглядывавшій въ газету, сталъ ее покупать каждое утро и съ лихорадочнымъ вниманіемъ пробѣгалъ извѣстія о предполагаемомъ мирѣ, телеграммы изъ Вашингтона, Лондона, заучивалъ фамиліи уполномоченныхъ для переговоровъ, а затѣмъ читалъ телеграммы подъ рубрикой „безпорядки“, хотя тамъ попадались такія извѣстія, для которыхъ названіе „безпорядки“ слишкомъ ничтожно. На подстрѣливаніе городовыхъ и околоточныхъ никто уже не обращалъ вниманія, до того сдѣлались заурядными эти извѣстія.

А слухи носились, что мобилизація войскъ будетъ продолжаться, и это пугало Зварова, хотя онъ и успокаивалъ себя, что онъ „старикъ“-запасный.

„Да и зачѣмъ тогда изъ запаса людей тревожить, если миръ на носу?“ разсуждалъ онъ.

О мирѣ, о запасныхъ нижнихъ чинахъ и о мобилизаціи ихъ Зваровъ разговаривалъ и съ околоточнымъ, заходившимъ къ нему въ лавку, предполагая, не имѣетъ ли тотъ особыхъ какихъ-либо свѣдѣній изъ секретныхъ источниковъ.

— Если миръ, то съ какой же стати и мобилизація-то? Правильно я?.. спрашивалъ онъ околоточнаго.

— Позвольте... А если японцы при перегово-

рахъ не вѣдь чего запросятъ, такъ какой же миръ-то? отвѣчалъ околоточный. — Если они вдругъ скажутъ: отдайте намъ островъ Сахалинъ?

— Да къ чему намъ Сахалинъ? Говорятъ, и островъ-то плевый.

— Какъ къ чему? Что вы! А куда же ссыльно-каторжныхъ-то ссылать? Гдѣ же жить этому-то народу?

— Ну, какой-нибудь другой островишко можно для каторжныхъ-то найти. Мало ли острововъ!

— Нѣтъ, объ этомъ вы такъ не говорите! Тутъ особыя предначертанія.

— Что? не понявъ, спросилъ Зваровъ.

— Предначертанія... Иначе равновѣсіе пропадетъ, пояснилъ околоточный и прибавилъ:—Вотъ тогда, если запасные-то нижніе чины призваны и готовы, можно быть и спокойнымъ. Да и японцамъ острастка... Мы готовы... У насъ войска непочатой край.

Зваровъ опять закинулъ удочку насчетъ себя.

— Вѣдь если дойдетъ очередь до Петербурга, то стариковъ-то запасныхъ, я думаю, не будутъ брать? спросилъ онъ.

— А на это ужъ, кажется, въ военномъ министерствѣ имѣются руководства, далъ отвѣтъ околоточный.

— Какое руководство?

— А инструкціи, дальше какихъ годовъ не брать.

— Какихъ же годовъ? Какого призыва?

— Я не помню настоящимъ манеромъ, но объ этомъ и главнокомандующій генералъ Леневичъ,

говорятъ, просилъ... Просилъ, чтобъ посылать помоложе...

— Конечно же! улыбнулся Зваровъ.—Ужъ какіе служаки старики? Да вотъ я запасный саперъ... Саперъ главнымъ манеромъ съ лопатой свои дѣйствія имѣетъ. А возьми меня теперь на службу, я лопатой-то и никакого дѣйствія не могу дѣлать. Отвыкъ, да и животъ отростилъ. Гдѣ же мнѣ теперь при моей тѣлесности!

— Да, благословилъ Богъ... улыбнулся околоточный. — А оттого, что въ гору лѣзете, богатѣете...

— Какое богатство! махнулъ рукой Зваровъ. — Не по нынѣшнимъ временамъ; нынче сытъ—и слава Богу. И приказчики себѣ цѣну подняли, и все другое...

— А вотъ походить бы вамъ каждый день съ наше по околотку по дворамъ да по помойнымъ ямамъ, такъ сразу бы поспустили жиру. Каторжная должность! произнесъ околоточный.—Утромъ бѣгаешь по околотку, звонишься въ дворницкіе звонки, въ полдень въ участкѣ... Только что успѣешь пообѣдать—становись на вытяжку на улицѣ и козыряй проѣзжающимъ военнымъ. А жалованье какое? Жалованье, въ сущности, плевое. Вѣдь на наше дѣло не каждый и годится. Вотъ кому стачиться-то слѣдовало бы, да забастовать: намъ, околоточнымъ, слиберальничалъ онъ и подмигнулъ Зварову.

— Ну, вамъ-то ужъ грѣхъ пожаловаться, сказалъ Зваровъ.—Вѣдь, кромѣ жалованья, есть доходы.

— То-есть, это вы на благодарность-то намекаете? Беремъ, не отказываемся покуда... Но, повѣрьте, въ послѣдніе мѣсяцы эти статьи дохода все меньше и меньше. Въ воздухѣ что-то такое среди всѣхъ носится, чтобы не давать. Кто прежде благодарилъ, теперь пересталъ. А вѣдь самъ не потребуешь.

— Торговцы-то всѣ даютъ. Оставьте, махнулъ рукой Зваровъ.

— Даютъ, которые понимаютъ, что у меня жена и трое дѣтей. Кромѣ того, я матушку кормлю. У меня матушка жива. А времена нынче какія? Времена тугія... Выходишь изъ дома въ праздникъ въ публичное мѣсто, и крестишься. А вдругъ подстрѣлятъ? Я вамъ откровенно говорю.

— Для всѣхъ тугія! вздохнулъ Зваровъ. — Вотъ и я тоже... За выручкой стоишь и дрожишь. Пьешь, ѣшь, жену и дѣтей кормишь, приказчикамъ хлѣбъ даешь... А вдругъ призывъ изъ запаса? Ну, и крышка.

— Да не возьмутъ васъ! успокаивалъ его околоточный.—Вы какого года?

— Девяносто перваго года я.

— Врядъ ли чтобъ взяли, хоть если бы и объявили мобилизацію Петербурга.

— А нельзя ужъ какъ-нибудь такъ освободиться, чтобы и не думать о своемъ запасѣ? спросилъ Зваровъ.

Околоточный улыбнулся.

— Въ городовые или урядники куда-нибудь поступить, если есть знакомство, сказалъ онъ.—

Но нынче и въ захолустныхъ-то городахъ насчетъ этого строго...

— Да неужто городовыхъ изъ запаса не берутъ? оживленно спросилъ Зваровъ.

— Освобождены. Вся полиція освобождена. Урядники тоже... Да неужели вы не знали? А еще торговецъ.

— Гдѣ же знать! Наше дѣло такое. Вотъ въ телятинѣ и солонинѣ мы понимаемъ.

— Освобождены. Недавно я читалъ въ газетахъ, что кто-то гдѣ-то изъ купцовъ пристроился въ городовые. Ну, узнали и сейчасъ по шапкѣ... Теперь строго... А это было, практиковалось... и спасались люди, прибавилъ околоточный.

Онъ простился съ Зваровымъ и окинулъ лавку взоромъ, затѣмъ указалъ приказчику на лежавшую на полкѣ телячью печенку, велѣлъ завернуть ее въ бумагу и, опустивъ въ портфель, ушелъ.

Прошелъ еще день. Тотъ же околоточный опять явился къ Зварову въ лавку. Видъ его былъ серьезенъ. Онъ остановился передъ стоявшимъ за выручкой Зваровымъ, полѣзъ въ портфель и, доставая оттуда какую-то бумагу, произнесъ:

— Не отвертѣлись. Вотъ вамъ повѣсточка. Послѣзавтра должны явиться къ воинскому начальнику.

— Мнѣ? спросилъ Зваровъ, чувствуя, что у него дрожитъ нижняя челюсть.

— Вамъ, вамъ. Призываютъ.

— Да развѣ есть для Петербурга? Для Петербурга не было. Позвольте... Что-нибудь не такъ...

У Зварова тряслись ноги.

— Есть, есть... Сегодня въ „Правительственномъ Вѣстникѣ", а завтра будетъ напечатано во всѣхъ газетахъ... сказалъ околоточный и прибавилъ: — Съ Петербурга только въ спеціальныя войска.

— Господи, Боже мой! Да такъ ли? Нѣтъ ли ошибки?.. говорилъ Зваровъ.—Вѣдь я девяносто перваго года... Я старикъ...

— Съ девяносто-то перваго года призывъ и начинается. А кто старше—освобождены. Потрудитесь расписаться.

У Зварова дрожали и руки. Онъ чувствовалъ даже ознобъ.

— Да нельзя ли подождать расписываться? заискивающе взглянулъ онъ на околоточнаго.—Можетъ быть, тутъ какая-нибудь ошибка, какое-нибудь недоразумѣніе?

— Тогда это у воинскаго начальника и выяснится. Чего вы боитесь-то? Вѣдь еще медицинское освидѣтельствованіе будетъ. Можетъ быть, найдутъ у васъ что-нибудь не въ порядкѣ и освободятъ... Ожирѣніе сердца, грыжу.

Зваровъ не могъ стоять на ногахъ и сѣлъ на стулъ за выручкой.

— Какое несчастье! произнесъ онъ и чувствовалъ, что холодный потъ выступилъ у него на лбу, а по спинѣ бѣгали мурашки.

— Мнѣ самому васъ жалко, но что же дѣлать-то! отвѣчалъ околоточный. — Я понимаю, что если васъ возьмутъ, то для васъ все потеряно. Придется закрывать торговлю.

— Придется закрывать двѣ лавки... повторилъ Зваровъ упавшимъ, болѣзненнымъ голосомъ.

— Распишитесь же... просилъ околоточный.— Нужно бѣжать къ другому запасному.

Зваровъ, слезливо моргая глазами, взялъ перо и обмакнулъ его въ чернильницу. Онъ писалъ недурно, чисто, но тутъ, расписавшись, и самъ не узналъ своей подписи.

Околоточный ушелъ. Хозяинъ взглянулъ на приказчиковъ. Тѣ отвернулись, стараясь не встрѣчаться съ нимъ взоромъ.

Зваровъ послалъ мальчика купить у разносчика „Правительственный Вѣстникъ“. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ нумеръ газеты. Ему хотѣлось плакать, но онъ крѣпился, кусалъ до боли губы.

Вотъ и „Правительственный Вѣстникъ“ принесенъ. Зваровъ быстро развернулъ его. Тамъ былъ указъ о новой мобилизаціи. Упоминался въ перечнѣ мѣстностей, подлежащихъ призыву, и Петербургъ.

У Зварова потемнѣло въ глазахъ, онъ схватился за выручку и тяжело дышалъ. Черезъ минуту нижняя челюсть его зашевелилась и крупныя слезы, помимо его воли, полились изъ глазъ.

XL.

Шатаясь на ногахъ, какъ пьяный, прошелъ Зваровъ по двору въ свою квартиру. Предувѣдомленная уже Гаврюшкой, что хозяина берутъ въ солдаты, кухарка Матрена встрѣтила его воемъ и причитаніями.

— Голубчикъ нашъ! Касатикъ! Евтихій Павлычъ, болѣзный! Да на кого ты насъ покидаешь! плакала она навзрыдъ и сморкалась въ грязный передникъ.

— Не выть!.. закричалъ онъ ей раздраженно, прошелъ въ комнаты и опустился на диванъ, упершись руками въ колѣни.

Она продолжала плакать и прошла за нимъ.

— Сердечный ты нашъ! Бѣдная ты головушка! Женушка твоя молодая съ ребяточками малыми... На кого они, горькіе, останутся? голосила Матрена и опустилась передъ его ногами на полъ.

— Ты-то чего ревешь? Прислуга, вѣдь, и ничего больше... откликнулся на ея причитанья Зваровъ.

— Милый ты мой! Да вѣдь и у прислуги есть сердце... Дай ты мнѣ поплакать-то надъ тобой, горькимъ. Вѣдь плачу, жалѣючи тебя и семью твою жалкую...

Зваровъ ей не прекословилъ. Онъ поднялся съ дивана, снялъ съ гвоздя пальто и надѣлъ его.

— Я къ женѣ поѣду... Можетъ быть, и ночевать не вернусь, такъ ты того... твердо... сказалъ Матренѣ Зваровъ, овладѣвъ собой, и не договорилъ.—Ну, да ты знаешь.

— Ахъ, сударушка! Ахъ, сердечная! Какъ-то она встрѣтитъ тебя, дружка милаго, ничего не знаючи и не вѣдаючи... Думаетъ, муженекъ пріѣдетъ въ радости, анъ горе ее, голубушку, изъ-за угла ждетъ. Какъ-то встрѣтитъ она злую вѣсточку!

— Да брось ты! Чего ты душу-то мнѣ терзаешь! Бередишь сердце, и больше ничего. Привыкла въ своей моленной голосить, и попусту вой распускаешь. Оставь... Не распускай нюни-то. Можетъ быть, все это еще ошибка и какъ-нибудь поправимся.

Зваровъ обошелъ сидѣвшую на полу, поджавшую подъ себя ноги, плачущую Матрену и вышелъ въ кухню.

— Изжарь приказчикамъ мяса къ ужину! Пусть поѣдятъ! крикнулъ онъ ей съ порога выходной двери и вышелъ на лѣстницу.

Въ головѣ его мелькало:

„Теперь всѣхъ задабривать придется... Самъ въ себѣ не властенъ... Самъ себѣ не господинъ и заневолю на чужихъ людей полагаться придется“.

Когда онъ спустился съ лѣстницы, на дворѣ его встрѣтилъ Гаврюшка, быстро выскочившій съ задняго хода лавки.

— Закладывать прикажете? спрашивалъ его Гаврюшка.

— А тебя, пострѣленка, развѣ я просилъ? Чего

ты суешься! огрызнулся на него Зваровъ.—Пошелъ въ лавку, чумазый.

Онъ вышелъ за ворота дома и какъ разъ натолкнулся на стоявшаго черезъ узенькую улицу у дверей своей лавки мелочного лавочника. Тотъ былъ безъ шапки, поклонился кивкомъ, развелъ руками и крикнулъ:

— Какія дѣла-то, Господи Іисусе! Что я сейчасъ про васъ слышалъ, Евтихій Павлычъ... Вотъ дѣла-то!.. И какъ неожиданно вдругъ... Да по закону ли это? Нѣтъ ли ошибки? Кто могъ ожидать!

— Ничего теперь не знаю... У воинскаго начальника, можетъ статься, это и выяснится, пробормоталъ Зваровъ.

— То-то, я думаю... Вѣдь когда вы служили-то! И наконецъ, по семейному положенію.

Но Зваровъ его не слушалъ и прошелъ въ свою лавку.

— Я туда... Къ себѣ на дачу... Если что, то и заночую... Такъ ужъ вы, братцы, пожалуйста... Чтобы ничего такого безъ меня... и все какъ слѣдуетъ... сказалъ онъ безсвязно и путаясь.

— Что вы, хозяинъ! Будьте покойны... Да неужели?.. У насъ тоже душа есть, отвѣчалъ Сидоръ.

— Останьтесь безъ сумлѣнія... Вѣдь люди... Понимаемъ... прибавилъ въ успокоеніе Зварова новый приказчикъ.

Зваровъ усердно сталъ креститься на лавочную икону и, когда кончилъ, опять обратился къ приказчикамъ:

— А пока, до поры до времени не оглашайте

всего этого... Чего тутъ!.. Возможно, что все это ошибка... И вѣдь будетъ пріемъ... А тамъ и семейное положеніе... и мало ли еще что!.. Такъ вотъ...

— Будьте въ надеждѣ, хозяинъ... откликнулся Василій.—Зачѣмъ языкомъ звонить!

Желая поспѣшить свидѣться съ женой, Зваровъ рѣшилъ ѣхать по желѣзной дорогѣ и не пожалѣлъ нанять извозчика до вокзала.

Вотъ и вокзалъ. Публики много, раскупались газеты. Зваровъ тоже купилъ нумеръ газеты. Въ двухъ-трехъ группахъ ожидающей садиться въ вагоны публики онъ слышалъ разговоръ о мобилизаціи. До него донеслись такого содержанія фразы:

— Вотъ вамъ и миръ!.. А сегодня за Петербургъ принялись... И изъ Петербурга призываютъ запасныхъ.

— Какой миръ! Позвольте... Столько уложивши денегъ и жизней, да миръ! И наконецъ, мы теперь въ Манчжуріи крѣпче и сильнѣе, чѣмъ были въ началѣ войны... Никогда такого подъема духа не было, какъ теперь. Вы почитайте-ка корреспонденціи.

— А вы вѣрите корреспондентамъ? Гм... Ну, тогда бросимъ говорить...

Распахнулись двери, и публика стала садиться въ вагоны.

Въ вагонѣ третьяго класса, гдѣ сидѣлъ Зваровъ, разговоры тоже о мобилизаціи и въ Петербургѣ.

— Швейцара нашего берутъ изъ запаса... разсказывалъ сосѣдямъ пожилой мужчина съ газетой

и въ шляпѣ котелкомъ.—Такой вой подъ лѣстницей стоитъ, что словно покойникъ. Четверо дѣтей. И самъ уже пьянъ.

— Запьешь, коли отъ такой семьи отрываютъ, отвѣчаетъ рыжая борода въ купеческомъ картузѣ.— Ужасъ что такое! Что ему Японія? Въ какомъ смыслѣ?.. Она его не трогала... А тутъ воюй. Если ужъ такъ, то бери холостыхъ.

Молодой человѣкъ, въ драповой складной шляпѣ и въ воротничкахъ до мочекъ ушей, улыбнулся.

— Тогда сейчасъ всѣ и поженятся, произнесъ онъ.

— Ну, семейныхъ. Оставь тѣхъ, у которыхъ ребята. Жена безъ дѣтей—одна голова. Не пропадетъ...

— Позвольте... Семейное положеніе нынче и принимается въ расчетъ. Если болѣе трехъ ребятъ по паспорту, то освобождаютъ, вмѣшался старикъ въ очкахъ.—Да и такъ... Вѣдь жены призванныхъ запасныхъ по три рубля на ѣдока получаютъ.

Сидѣвшій до сихъ поръ мрачно Зваровъ тоже заговорилъ.

— Три рубля... А вы попробуйте, господинъ, на три рубля въ мѣсяцъ прокормить ребенка въ Петербургѣ, сказалъ онъ. — Я уже о ребятахъ только... Матери не касаюсь. Да въ Петербургѣ бутылка молока не меньше гривенника,— вотъ вамъ въ мѣсяцъ и всѣ три рубля. Въ провинціи,—ну, еще это туда-сюда...

— Все-таки лучше, чѣмъ ничего. Прирабатывать мать должна... стоялъ на своемъ старикъ.

— При трехъ-то, двухъ малыхъ ребятахъ? Да

какъ она уйдетъ отъ нихъ на работу? На мѣсто въ прислуги поступить? А кто ее возьметъ въ прислуги съ ребятами? доказывалъ Зваровъ.

— Господи, Боже мой! Дома можно что-нибудь заработать... Шитвой, напримѣръ.

— Рубашки ситцевыя тѣмъ же солдатамъ для лавокъ шить? По гривеннику за штуку даютъ. А много ли она рубахъ въ день-то наковыряетъ? Да надо еще найти эту работу. Она на расхватъ. Наконецъ, и возможности нѣтъ за гривенникъ иголкой ковырять. Нужно машину швейную имѣть. А у кого нѣтъ машинки?

— Ну, три-четыре рубашки. Все-таки подспорье.

— Да не сшить на рукахъ четырехъ рубахъ при ребятахъ. Вѣдь ребятъ накормить надо, обмыть, обстирать. Да не сшить и трехъ... А вы то возьмите, что вѣдь за уголъ надо три рубля въ мѣсяцъ заплатить. И еще не въ каждый уголъ съ ребятами-то впустятъ.

— Правильно... поддакнула рыжая борода въ картузѣ и прибавила:—Разореніе...

— Война бѣдствіе... всеобщее бѣдствіе... Оно на всѣхъ страшной тяготой ложится, согласился старикъ.—Но что дѣлать, надо покориться и терпѣть.

— Не для всѣхъ-съ... возразилъ Зваровъ.—Не для всѣхъ бѣдствіе... Очень многіе подъ шумокъ нажились и наживаются. Это мы изъ газетъ видимъ. Смотрите, потомъ, послѣ замиренія какіе новые милліонеры окажутся! Окажутся и начнутъ содержанкамъ дворцы строить. Эти-то о продолженіи войны и хлопочутъ. Эти-то и кричатъ: зачѣмъ намъ миръ! Съ какой стати безъ побѣдъ заклю-

чать миръ! Надо побѣды добиться! Мы еще сильны настолько, чтобы побѣдить!

Зваровъ говорилъ съ жаромъ, и вообще блѣдное его отъ душевнаго угнетенія лицо покраснѣло.

— Однако, нельзя же заключать позорнаго мира! закричалъ старикъ, потрясая головой и сверкая очками.—Нельзя подставить голову подъ милліардную контрибуцію! Мы, русскіе, должны выйти изъ войны съ честью! Такъ или эдакъ оставить за собой проходъ въ Тихій океанъ! Имѣть незамерзающій портъ! Намъ нельзя утратить свое вліяніе на Дальнемъ Востокѣ! Изъ-за этого мы должны биться во что бы то ни стало!

Слушавшіе восторженные выкрики старика въ очкахъ только улыбались, но не возражали.

Зваровъ тоже махнулъ рукой и умолкъ. Но старикъ не пронялся. Онъ осмотрѣлъ костюмъ Зварова и уже сдержанно сказалъ:

— Чего вы рукой-то машете! О мирѣ во что бы то ни стало говорятъ только купцы, торговцы, промышленники, лавочники. Да-съ...

Зваровъ развернулъ газету и сталъ искать въ ней заглавіе переговоровъ о мирѣ, но на глаза ему попалась корреспонденція, начинающаяся такъ: „Генералъ Леневичъ то и дѣло получаетъ изъ Россіи массу писемъ съ выраженіемъ ему полнаго довѣрія и надеждъ въ побѣдахъ съ просьбой не оставлять“... Зваровъ не дочиталъ, сердито скомкалъ газету и сунулъ ее въ карманъ.

Поѣздъ убавлялъ ходъ и приближался къ станціи. Вотъ и станція съ дачными барышнями въ пестрыхъ костюмахъ. На платформѣ мелькали дѣти

въ фантастическихъ костюмахъ, припудренныя маменьки съ подведенными глазами, собаки, мамки съ ребятами, гимназисты, студенты въ фуражкахъ необычайной формы.

XLI.

Пестрая толпа праздныхъ дачниковъ, высыпавшихъ на платформу встрѣчать поѣздъ, коробила Зварова. Онъ старался пройти, не глядя на нее. Ему были противны эти люди при его несчастіи, и онъ думалъ:

„Эдакое горе въ семьяхъ, а тутъ веселятся, торжествуютъ чего-то!“

И какъ разъ въ это время онъ услышалъ около себя возгласъ гимназиста, поцѣловавшаго пріѣхавшаго изъ города отца.

— Папенька, нашего дворника берутъ въ солдаты! Дворничиха воетъ. Ее водой отливали.

Сойдя съ платформы, Зваровъ тотчасъ же нанялъ возницу и поѣхалъ къ себѣ на дачу, сказавъ ему:

— Поторапливайся, поторапливайся! Чего возишься около лошади!

Какъ только тронулись, возница тотчасъ же объявилъ:

— А у насъ сегодня винныя лавки закрыты. Запасныхъ въ солдаты берутъ. Бутылку-то водки на сторонѣ и за рубль не достанешь. Пивныя за-

крыты. На станцію ходятъ въ буфетъ пить, но тамъ по рюмочкамъ-то еще дороже. Какъ въ Петербургѣ, господинъ купецъ?

Зваровъ промолчалъ. Ему горько было отвѣчать. Слезы сдавливали ему горло.

— Нашему сосѣду тоже объявили, что ему крышка, продолжалъ возница.—Рядомъ изба. А у него двое ребятишекъ. Баба его страсть какъ убивается. Я тоже запасный, но меня Богъ помиловалъ.

Зваровъ и на этотъ разъ ничего не отвѣтилъ.

По пути имъ попался пьяный человѣкъ въ грязномъ картузѣ, надѣтомъ козырькомъ назадъ. Онъ шатался на ногахъ, побалансировалъ и тутъ же свалился въ придорожную канаву. Гдѣ-то слышна была гармонія, и кто-то пьянымъ голосомъ вопилъ пѣсню.

— Достали вина-то... нужды нѣтъ, что заперто, кивнулъ возница на свалившагося въ канаву.—Я тоже знаю два мѣста, гдѣ можно получить. У насъ дьячокъ продаетъ.

Проѣхали три улицы и остановились у лавки Зварова. Зваровъ тотчасъ же разсчитался съ возницей и прошелъ въ лавку, думая найти тамъ жену, но ея не было. Около висѣвшей на стѣнѣ половины туши теленка въ шкурѣ стоялъ приказчикъ Филатъ, уткнувшись въ нее локтями и лицомъ, и горько плакалъ.

Приказчикъ Захаръ стоялъ поодаль, поклонился Зварову, кивнулъ на Филата и проговорилъ:

— Въ солдаты берутъ. Сегодня объявили.

У Зварова опять затряслись ноги и ходуномъ

ходила нижняя челюсть. Мутнымъ взоромъ окинулъ онъ лавку и спросилъ:

— А гдѣ хозяйка?

— Дома... Лежитъ... Объ васъ убивается. Вы какъ, хозяинъ?

Зваровъ не отвѣтилъ и прошелъ въ комнаты. Въ первой комнатѣ у некрашеннаго стола сидѣла только что нанятая въ няньки дѣвочка-подростокъ Грушка съ маленькой Дунькой на рукахъ и забавляла ее, складывая пирамидку изъ бабокъ отъ студня. Онъ прошелъ во вторую комнату. Тамъ на двуспальной кровати съ пологомъ отъ мухъ лежала Лукерья Ивановна съ заплаканными глазами. Она тотчасъ же поднялась и бросилась къ мужу.

— Евтихій Павлычъ! О, Господи! Ну, что?... Какъ вы?.. Вѣдь съ Петербурга берутъ запасныхъ... быстро спросила она мужа.

Зваровъ обнялъ ее за плечи, положилъ ей голову на грудь и зарыдалъ.

— Берутъ? Неужели берутъ? Ахъ, я несчастная! Ахъ, голова моя бѣдная! Ахъ, дѣтки, сиротки малыя! причитала она и вся тряслась, какъ въ лихорадкѣ.

— Призываютъ и меня... Но думаю, что это по ошибкѣ... Ошибка... Вѣдь старикъ я... еле выговорилъ онъ.

Онъ не былъ обыкновенно нѣженъ, но тутъ, плача, покрывалъ ея лицо и грудь поцѣлуями, опустился передъ ней на колѣни и обнялъ ее за бедра.

— Берутъ! Призываютъ! пронзительно вскрик-

нула Лукерья Ивановна, перегнулась навзничь и рухнулась на полъ, вырвавшись изъ рукъ мужа.

— Голубушка! Луша! Успокойся! Погоди!.. Вѣдь еще не все кончено... У воинскаго начальника освобождаютъ... Можетъ быть, и меня освободятъ. Право, я думаю, что это ошибка... И по семейному положенію освобождаютъ, и по болѣзни... и такъ... Ошибка... Вѣдь еще освидѣтельствованіе будетъ.

— Ахъ! Ахъ! Ой! Ахъ! Пустите!.. отрывисто кричала Лукерья Ивановна и билась.

Она была въ истерикѣ. При видѣ ея заплакала Грушка, заревѣла Дуня, прибѣжалъ сынъ Павля и тоже заплакалъ и тоже кричалъ:

— Ахъ, мамка! Ахъ, папка! Мамку жалко! Мамка умретъ!

На крики тотчасъ же явился Игнашка, постоялъ въ недоумѣніи и побѣжалъ за дворничихой Афимьей. Показалась и та въ комнатѣ и завыла, но тотчасъ же опомнилась, зачерпнула ковшъ воды изъ ушата, набрала ея въ ротъ и стала прыскать изо рта въ лицо Лукерьи Ивановны, приводя ее въ чувство.

Переполохъ былъ страшный. Лукерью Ивановну подняли и положили на кровать. Она продолжала еще стонать. Зваровъ сидѣлъ у стола, опершись на него локтями и положа на руки голову. Дѣти и Грушка плакать перестали. Афимья стояла, опустя руки, и, покачивая головой, говорила:

— Вотъ они, дѣла-то! Вотъ японецъ-то что творитъ!

Слова эти она произнесла раза три и прибавила:

— А посмотрѣлъ бы ты, Евтихій Павлычъ, что на Глазовой дачѣ дѣлается... Вотъ наискосокъ отъ насъ... Тамъ трое ребятъ и сама четвертымъ беременна. Сама-то тоже кликала-кликала, а потомъ родить начала. Преждевременно, значитъ. Вотъ теперь сосѣди бѣгаютъ и повитуху ищутъ. А у насъ, какъ на грѣхъ, нѣтъ здѣсь повитухи. Лѣтось жила тутъ повивальная бабушка молоденькая при папенькѣ, а нынче нѣтъ.

Зваровъ молчалъ. Дворничиха продолжала:

— Бѣда какая, право! И хозяина берутъ, и приказчика берутъ. Гдѣ жъ молодкѣ одной съ лавкой справиться!

— Охъ, охъ! Охъ, матушки!.. снова застонала на кровати совсѣмъ было утихшая Лукерья Ивановна.

Зваровъ поднялъ голову и, стараясь хоть какънибудь успокоить жену, сказалъ:

— Да не берутъ меня еще покуда, а только призываютъ къ воинскому начальнику. А тамъ разборка всѣмъ намъ пойдетъ. Можетъ статься, и освободятъ... Ошибка тутъ... навѣрное, ошибка...

Жена подняла голову и раздраженно проговорила:

— Господи! И за что насъ такъ мучить изъ-за японцевъ! Ну, что намъ японцы! Да чтобъ имъ пусто было! Чтобъ имъ ни дна, ни покрышки!

— Не терзай себя такъ, Луша! Не терзайся, останавливалъ ее мужъ.—Успокойся. Дѣйствительно, я думаю, тутъ ошибка.

Въ дверяхъ стоялъ приказчикъ Филатъ, всхли-

пывая. Странно было видѣть Филата плачущимъ при его крупной, мощной, неловко скроенной, но крѣпко сшитой фигурѣ. Рябое лицо его исказилось еще болѣе, и онъ въ ладъ хозяйкѣ произнесъ:

— Миръ, миръ... Пишутъ про миръ, а какой же это миръ, если по-прежнему то и дѣло запасныхъ берутъ! Кому нужна эта Японія? Намъ, мужикамъ, не нужна. А если до нея такъ охочи господа, то пусть они одни и воюютъ. А насъ оставь...

— Вѣрно, Филатушка.. поддакнула дворничиха Афимья.—Правильно... Пусть бы и воевали одни офицеры съ полковниками и генералами.

Одинаковое горе сближаетъ людей, дѣлаетъ ихъ равными, и Филатъ, забывъ про уваженіе приказчиковъ къ хозяину, присѣлъ къ одному столу съ Зваровымъ. Самъ Зваровъ этого тоже не замѣтилъ и сталъ говорить:

— Не въ этомъ дѣло даже, что война. Война, можетъ статься, нашего призыва и не коснется. Говорятъ, по новому положенію, насъ, стариковъ запасныхъ, на войну и не пошлютъ, пойдемъ мы только на пополненіе частей, которыя не на войнѣ, а вѣдь отъ дѣла отрываютъ людей, разоряютъ дѣла. Ну, какъ одна она останется, если меня возьмутъ? кивнулъ онъ на жену.—Нешто она можетъ вести торговлю? Закрывай лавочки и поѣзжай въ деревню.

— Охъ, только на войну-то васъ не услали бы, а ужъ я какъ-нибудь смогу и безъ васъ! вырвалось у Лукерьи Ивановны со стономъ.—Ну, при одной лавкѣ останусь. Эту дачную закрыть можно.

Побьюсь, побьюсь и привыкну ко всему настоящему хозяйству. А теперь ужъ я объ одномъ Бога молю: только бы в съ подъ японцевъ-то не послали.

— Подъ японцевъ не пошлютъ. Объ этомъ я знаю навѣрное!.. оживился Зваровъ. — Приказъ былъ... Не пошлютъ... И насчетъ этого ты успокойся... Но и помимо того, разореніе. Гдѣ же одной женщинѣ!..

Черезъ полчаса Зваровъ, Лукерья Ивановна и Филатъ сидѣли за самоваромъ и пили чай. Мужчины были только мрачны и тяжело вздыхали, а Лукерья Ивановна по временамъ всхлипывала.

XLII.

Нѣтъ горя, къ которому бы не привыкали. Къ вечеру Лукерья Ивановна нѣсколько поуспокоилась и только просила мужа, что если его возьмутъ на службу, то чтобы онъ не посылалъ ее къ свекрови въ деревню, а позволилъ продолжать торговлю.

— Я ужъ теперь попривыкла къ дѣлу и отъ васъ многому понаучилась, говорила она.—Какъ зоркій воронъ надъ дѣломъ стоять буду, отдыха себѣ не дамъ, во все сама входить стану, и ужъ ежели барышей большихъ не придется брать, то все-таки себя съ ребятами прокормлю и вамъ въ подмогу присылать буду. Вѣдь вамъ тоже, въ

солдатахъ служа, и туда и сюда деньги нужны. Развѣ можете вы, ко всему хорошему привыкши, на однихъ солдатскихъ харчахъ сидѣть!

— Еще бы! поддакнулъ приказчикъ Филатъ.— Захочется и булочки, и пирожка ситнаго съѣсть, а у солдатъ все это вѣдь только въ батальонный праздникъ. Человѣкъ вы непьющій... Въ праздникъ вздумается и вареньица съ чаемъ лизнуть... Вотъ мнѣ такъ ужъ не отъ кого помощи ждать! вздохнулъ онъ.—Какіе остатки жалованья захвачу съ собой—вотъ и весь солдатскій капиталъ. Развѣ свои, старовѣры, на постную пищу въ посту помогутъ.

— Поможемъ и мы... коротко отвѣтилъ Зваровъ.

Онъ сидѣлъ безъ пиджака въ одномъ жилетѣ, изъ проймъ котораго выглядывали розовые ситцевые рукава рубахи, и пилъ чай. Самоваръ въ этотъ день не сходилъ у нихъ со стола, и Зваровъ пилъ очень много. Въ чаѣ онъ находилъ бодрость, подъемъ нервамъ. Ѣлъ онъ сегодня очень мало: не завтракалъ, не обѣдалъ, а только слегка при чаѣ закусывалъ. Впопыхахъ сегодня и ужинъ не стряпали. Всѣ въ домѣ ограничивались сухоѣденіемъ. На столѣ около самовара лежала груда ситнаго хлѣба, баранокъ всѣхъ сортовъ, лежали большіе куски колбасы на сѣрой бумагѣ, на тарелкахъ были нарѣзанныя селедки, да дворничиха Афимья подала котелокъ съ варенымъ картофелемъ.

— А такъ какъ мнѣ нельзя и здѣсь и въ Питерѣ быть и за обѣими торговлями смотрѣть, продолжала Лукерья Ивановна:—то здѣшнюю лавку, дачную, можетъ быть, можно Лаврентію Тихонову

сдать. Что жъ ему съ воза-то торговать! Въ лавкѣ лучше.

— Да знаю... Не учи... отвѣчалъ Зваровъ.— Потомъ поговоримъ... Вотъ, что послѣзавтра у воинскаго начальника скажутъ...

Ему и самому нравился этотъ планъ. Онъ и самъ такъ предполагалъ, но въ головѣ его все еще мелькала мысль, что, можетъ быть, его и освободятъ отъ призыва. На то, что онъ „старикъ девяносто перваго года", нельзя было надѣяться, это уже выяснилось, что именно съ этого-то года и берутъ запасныхъ, своимъ стариковствомъ онъ только покуда утѣшалъ жену, но онъ все-таки надѣялся на свое семейное положеніе, полагая, что его могутъ освободить изъ-за жены съ двумя ребятами. Также возлагалъ онъ надежду и на медицинское освидѣтельствованіе.

„Отяжелѣлъ я въ послѣднее время... подчасъ такіе приливы къ головѣ, что только ялапнымъ корнемъ и спасаюсь... Даже туманъ какой-то подчасъ вступаетъ, разсуждалъ онъ про себя.—Саперъ съ лопатой... А какъ я при этой тяжести саперной лопатой работать буду? Да и отвыкъ... Ну, а съ Петербурга по указу требуется только въ спеціальныя войска запасныхъ брать".

Прибѣжала дворничиха Афимья и сообщила, что въ угловой дачѣ жена дачника разрѣшилась отъ бремени мальчикомъ.

— Такъ и не дождалась повитухи... На два мѣсяца, говорятъ, раньше времени родила, разсказывала она.—Вотъ что значитъ перепугъ-то и всякая непріятность. Недоношенный мальчикъ-то, можетъ

статься, черезъ это и живъ не будетъ. Гдѣ такого выходить! Ахъ, грѣхи, грѣхи! Вотъ что Японія-то значитъ!

Она тараторила безъ передышки.

— И подумайте: разрѣшилась мальчикомъ! Опять война... Въ военные годы всегда больше мальчики родятся.

Вечеромъ пришелъ околоточный съ портфелемъ и въ бѣлыхъ перчаткахъ и сталъ соболѣзновать по поводу призыва Зварова.

— Никогда мнѣ въ голову не могло придти, что васъ возьмутъ! говорилъ онъ Зварову. — Жалко, жалко! Ахъ, война, война! И намъ-то она одно лишнее затрудненіе! Вѣдь вотъ теперь жены запасныхъ... Представленіе къ вспомоществованіямъ... Опять-таки все это черезъ наши руки пойдетъ... Ну, что жъ, хозяюшка... Думаете послѣ мужа продолжать торговлю? обратился околоточный къ Лукерьѣ Ивановнѣ.

Зваровы уклонились отъ отвѣта, а Лукерья Ивановна сказала:

— Да вотъ, все думается Евтихію Павлычу, что это съ нимъ ошибка и его не возьмутъ.

— Никакой ошибки быть не можетъ, если не старше девяносто перваго года, отрицательно покачалъ головой околоточный и подсѣлъ къ столу, закуривъ папиросу.

Лукерья Ивановна опять заплакала. Зваровъ мигалъ околоточному, чтобы онъ молчалъ, и показывалъ на плачущую жену. Околоточный спохватился и прибавилъ:

— Впрочемъ, вѣдь еще медицинское освидѣ-

тельствованіе будетъ. Послѣ освидѣтельствованія многихъ освобождаютъ. Нѣтъ ли у васъ грыжи? спросилъ онъ Зварова.

— Н-нѣтъ...

— Не была ли раньше когда-нибудь? Вѣдь грыжа бываетъ скрытая. Ея и нѣтъ, а на самомъ дѣлѣ она есть... Начнется безпокойство—она и покажется. Она иногда просто отъ безпокойства, отъ суетни. А то становая жила бываетъ не въ порядкѣ. Все-таки вы заявите. А можетъ быть, и поможетъ!

Въ угощеніе околоточному на столѣ появилась початая бутылка лиссабонскаго вина. Игнашка сбѣгалъ въ мелочную лавку за коробкой сардинъ. Появились варенье и пастила къ чаю.

Околоточный, выпивъ рюмку лиссабонскаго, продолжалъ на ту же тему:

— А то бываютъ иногда сердцебіеніе и приливы къ головѣ, вслѣдствіе геморроя... Все-таки вы заявите, что, молъ, такъ и такъ, чувствую...

— Непремѣнно заявлю... отвѣчалъ Зваровъ.— У меня, на самомъ дѣлѣ, бываютъ приливы крови. Да не реви! Ну, что ты! Словно по покойникѣ... дернулъ онъ за рукавъ плачущую жену.—Дай воинскому-то начальнику показаться, а тамъ видно будетъ.

— Я сама съ вами къ воинскому поѣду... еле выговорила сквозь слезы Лукерья Ивановна.

— Ни-ни-ни! погрозилъ ей Зваровъ.—И думать не смѣй! Тебѣ нужно торговлю охранять. Какъ ни на есть, а покуда все-таки торгуемъ. Ты подумай, что ужъ Филата-то нашего въ лавкѣ больше не будетъ. Онъ тоже обязанъ къ воинскому явиться.

— Да и вообще дамамъ при этомъ одно только безпокойство бываетъ, прибавилъ околоточный.— Начнутъ васъ пихать, гнать... Вой, плачъ... Вѣдь во дворъ все равно не допустятъ. Обязаны издали... Много всякой непріятности. Въ Шлиссельбургѣ, въ прошломъ году, говорятъ, одна женщина даже родила на улицѣ отъ непріятности.

— Да вѣдь и у насъ то же самое! всполохнулась дворничиха Афимья.—Въ угловой дачѣ... Тоже часъ назадъ разрѣшилась женщина, отъ непріятности. Убивалась, убивалась объ мужѣ, вдругъ...

— Знаю-съ... Къ намъ за повивальной бабкой присылали... махнулъ ей рукой околоточный и сталъ уходить, говоря хозяевамъ:—Ну-съ, за угощеніе... И дай вамъ Богъ.. Иногда бываетъ, что и освобождаютъ... А насчетъ сердцебіенія-то все-таки попомните. Надо заявить...

Онъ ушелъ.

Появился сосѣдъ табачникъ и тоже сталъ выражать сочувствіе.

— Какія дѣла-то! началъ онъ, качая головой и причмокивая.—Вотъ дѣла-то! Жалко, жалко... Давеча узналъ о васъ и вѣрить даже не хотѣлъ. Возможно ли это, чтобъ купцовъ отъ дѣла отрывали! А какой переполохъ-то у насъ призывъ надѣлалъ въ околоткѣ! И многихъ, многихъ забираютъ. Такой вой повсюду идетъ, что даже вчужѣ жалко. Вотъ вамъ и подъемъ духа... Какой тутъ подъемъ духа будетъ, если этакіе на войну поѣдутъ! А вы, барынька, съ двоими ребятами девять рублей въ мѣсяцъ получать будете, обратился онъ къ Лу-

керьѣ Ивановнѣ.—По три рубля на ѣдока. По примѣру провинціи, говорятъ, будетъ, нужды нѣтъ, что Питеръ.

— Не возьмемъ-съ... Пускай другимъ даютъ, а мы не возьмемъ подачки... рѣзко отвѣтилъ Зваровъ.

Ему ужъ надоѣли всѣ эти сожалѣнія. Съ табачникомъ онъ обошелся сухо и даже не предложилъ ему чаю.

Только было успокоившаяся Лукерья Ивановна начала опять всхлипывать.

Зваровъ ночевалъ у жены на дачѣ. О, какая это была ночь! До свѣта они прогоревали, и Зваровъ далъ волю и своимъ слезамъ. А утромъ съ первымъ поѣздомъ онъ уѣхалъ вмѣстѣ съ Филатомъ въ Петербургъ.

XLIII.

Тяжелой грустью защемило сердце Зварова, когда онъ утромъ пріѣхалъ въ свою городскую лавку. Острое горе, въ которомъ онъ пробылъ весь вчерашній день, прошло, или онъ успѣлъ привыкнуть къ нему, но грусть, щемящая сердце грусть, тяжелымъ камнемъ давила его. Оживленіе лавки покупателями, воюющія съ приказчиками изъ-за недовѣса въ восьмушку фунта—все это прежде радовало Зварова, какъ хозяина бойкой торговли, а теперь онъ оставался къ этому торговому оживленію равнодушенъ.

„Чего тутъ радоваться, если черезъ два-три дня ничего ты этого видѣть не будешь, отъ всего твоего благосостоянія тебя оторвутъ и поставятъ подъ строгую дисциплину! разсуждалъ онъ.—Здѣсь командуешь ты, здѣсь твоего каждаго слова всѣ слушаются, а тамъ ты долженъ при первомъ приказѣ слушаться, каждому приказу неуклонно подчиняться, отъ каждаго слова начальства дрожать".

Не радовала его, какъ прежде, и закупка мяса подрядчиками и артельными старостами пудами.

„Сегодня идетъ торговля бойко, сегодня всѣ изъ кожи лѣзутъ, стараются, а завтра, безъ хозяина, начнетъ все остывать, постепенно заглохнетъ и совсѣмъ прахомъ пропадетъ, мелькало у него въ головѣ.—Пропадетъ, кончится, потому что гдѣ же одной бабѣ съ торговлей и людьми безъ мужа справиться!"

Привыкши вездѣ дѣйствовать самъ, онъ не вѣрилъ въ силы и способности Лукерьи Ивановны, хоть и рѣшилъ поручить ей безъ него торговлю въ городской лавкѣ.

Слезы опять начали подступать къ горлу Зварова, и ему становилось даже непріятно стоять въ лавкѣ. Пуще всего раздражали его разспросы и соболѣзнованія покупателей, которые почему-то почти всѣ узнали, что его призываютъ на службу. На разспросы и выраженія сочувствія онъ или отмалчивался, или отвѣчалъ грубо. На одну покупательницу онъ даже закричалъ:

— Да вамъ-то какое до меня дѣло! Чего вы лѣзете съ своими жалостями! Вѣдь вы за меня

служить въ солдаты не пойдете! Ну, и нечего приставать!

— Ахъ, скажите, пожалуйста!.. Я отъ теплаго сердца, жалѣючи васъ, опѣшила покупательница.

— Родственницей вы мнѣ не приходитесь, стало быть, и жалѣть нечего. Вы зачѣмъ пришли? Говядину покупать? Купили,—стало быть, и уходите, съ Богомъ.

Онъ вышелъ изъ лавки и поѣхалъ къ оптовымъ торговцамъ, гдѣ онъ закупалъ мясо для лавки, дабы попросить тамъ и уговориться, чтобы женѣ его отпускали товаръ на тѣхъ же условіяхъ, какъ и ему.

По дорогѣ Зваровъ все время съ острой болью въ сердцѣ соображалъ, чего онъ лишается, если его возьмутъ на военную службу. „Если“... Онъ все еще питалъ надежду, что тутъ ошибка и его могутъ освободить хоть по семейному положенію, хотя надежда эта и была очень слабая.

„Прощай текущій счетъ въ банкѣ! лѣзло ему въ голову.—Только-что завелъ—и долженъ прикончить. Развѣ баба моя можетъ съ текущимъ счетомъ справиться? Ей и не втолкуешь даже, какъ это и что, и надо будетъ снять всѣ деньги со счета и пусть она ихъ держитъ для оборота торговли или у себя въ чулкѣ, или зашиваетъ въ подолъ юбки, иначе ничего не подѣлаешь. А процентные билеты надо будетъ положить въ банкъ на храненіе, и чтобы на квитанціи было написано, что вкладъ обратно выдать мнѣ или женѣ моей Лукерьѣ Ивановнѣ. Ахъ, все прощай! Заберутъ, и

прощай! А еще думалъ осенью обмеблировать квартиренку по-господски!"

— Все прощай! вырвалось у него еще разъ, и на этотъ разъ вслухъ, такъ что даже извозчикъ обернулся.

— Куда? спросилъ онъ.

— Поѣзжай, поѣзжай, куда велѣно! махнулъ ему Зваровъ рукой.

У торговцевъ-оптовиковъ опять соболѣзнованія. Тамъ Зваровъ узналъ, что и у нихъ берутъ на службу приказчика запаснаго фельдшера. Тамъ опять разговоръ о мирѣ, о войнѣ, о догадкахъ, чему вѣрить: миру или войнѣ.

— Толкуютъ и пишутъ о мирѣ, а чуть ли не въ десятый разъ запасныхъ берутъ! замѣтилъ одинъ съ тяжелымъ вздохомъ.

— Какая тутъ война, коли у насъ весь свой Кавказъ взбунтовался! говорилъ другой. — Кавказъ надо усмирять. Да и не одинъ Кавказъ. Кавказъ, Польшу... Балтійскія губерніи... Финляндію.

— Я такъ предполагаю, что для этихъ-то усмиреній теперь и набираютъ запасныхъ, дѣлалъ догадку третій. — А что миръ, то это вѣрно. Успокойся, Евтихій Павлычъ, подъ японца не попадешь.

Слышится и еще разсужденіе:

— Позвольте, господа... Послѣ заполоненія всего нашего флота японцы, ой-ой, какъ головы подняли и закусили удила! Теперь имъ самъ чортъ не братъ! А намъ нуженъ Тихій океанъ, незамерзающій портъ...

— Тебѣ? Зачѣмъ онъ тебѣ? Что ты съ нимъ

будешь дѣлать? Что? вырвался вопль у Зварова, но это было одно только возраженіе, больше онъ ничего не говорилъ. Ему про все, про все было противно слушать.

Онъ условился, что женѣ будутъ отпускать товаръ по ея запискѣ и по тѣмъ же цѣнамъ, что и ему, и уѣхалъ.

„Вотъ она, солдатчина-то! мелькало у Зварова въ головѣ.—Какъ будто къ смерти готовлюсь и дѣлаю такія же распоряженія, какія дѣлаютъ въ духовномъ завѣщаніи. Да иначе и нельзя. Что я схлопочу тогда, если буду за восемь тысячъ верстъ и отъ жены, и отъ ея дѣла!“

На дачу Зваровъ не поѣхалъ, хоть и обѣщалъ женѣ пріѣхать сегодня. Ему тяжело было смотрѣть на всю ту обстановку, которую онъ долженъ вскорѣ оставить. Онъ даже не могъ быть и въ городской лавкѣ. При видѣ ея благоустройства, въ которое онъ столько вложилъ трудовъ, при видѣ своего благосостоянія сердце его болѣзненно сжималось и слезы невольно подступали къ горлу.

„Вѣдь проститься-то съ женой я и завтра успѣю... Вѣдь отпустятъ же отъ воинскаго начальника меня проститься съ женой и дѣтьми“, думалось ему.

Онъ отправился къ себѣ домой, снялъ пиджакъ, разулся и легъ на диванъ, стараясь заснуть, но заснуть не могъ. Онъ смотрѣлъ на красивый зеркальный шкапъ, и въ голову ему назойливо лѣзли мысли:

„И къ чему я это все купилъ? Зачѣмъ у себя

и у другихъ урывалъ, грошъ къ грошу приколачивалъ!"

Зваровъ отвернулся къ стѣнѣ, но мысли эти не оставляли его.

„Не послать ли за водкой, да не натрескаться ли, какъ иные люди дѣлаютъ?" пронеслось у него въ головѣ.

Онъ поднялся съ дивана, сѣлъ, хотѣлъ крикнуть Матрену, но одумался.

— Нѣтъ, не надо... сказалъ онъ самъ себѣ вслухъ.—Никогда я не занимался этимъ малодушествомъ, и заниматься не буду. Рюмку выпить, двѣ—пользы не будетъ, а нагрузиться—нѣтъ, не надо. Лучше такъ, безъ водки завью горе въ веревочку.

Зваровъ велѣлъ поставить самоваръ, сбѣгать въ лавочку за вареньемъ, за лимономъ и за заварными баранками. Онъ вспомнилъ, что сегодня онъ еще не обѣдалъ, а время ужъ было подъ вечеръ.

И лишь только самоваръ былъ поданъ и Зваровъ сѣлъ пить чай, какъ явилась Лукерья Ивановна. Нарядная, во всемъ новомъ, въ дорогомъ ковровомъ платкѣ, она тихо проскользнула въ комнату и робко остановилась передъ мужемъ, смотря на него заискивающими глазами и стараясь улыбнуться сквозь слезы.

— Зачѣмъ? Съ какой стати пріѣхала? закричалъ на нее Зваровъ.—Вѣдь я же тебѣ не велѣлъ сюда пріѣзжать! Кто тебя приглашалъ?

— Голубчикъ! Я къ вамъ переночевать... Можетъ быть, ужъ и въ послѣдній разъ... Дозвольте, Евти-

хій Павлычъ... бормотала Лукерья Ивановна и, не выдержавъ слезъ, заплакала.

— Вѣдь это значитъ, чтобы завтра меня къ воинскому проводить? Я понимаю... Очень чудесно понимаю! ужъ болѣе сдержанно продолжалъ Зваровъ.—А я этого не хочу! Понимаешь ты, не хочу воя и плача, не желаю срамиться. Вѣдь со мной тебя туда все равно не впустятъ.

— Миленькій, Евтихій Павлычъ, я только здѣсь, только здѣсь съ вами... Мнѣ только переночевать съ вами на прощанье...

— Успѣла бы еще и переночевать. Вѣдь должны же насъ на прощанье съ женами хоть на сутки отпустить... Вотъ и переночевали бы...

— Простите...

— Ну, садись, коли такъ... Разливай чай... Дура... Совсѣмъ дура...

Послѣднія слова Зваровъ сказалъ уже ласково. Ободренная уже Лукерья Ивановна подошла къ нему, поцѣловала его, затѣмъ обняла его голову обѣими руками и крѣпко прижала къ груди своей.

XLIV.

Опять ужасная ночь для Зварова. Женѣ онъ позволилъ остаться ночевать съ нимъ въ городской квартирѣ, но съ тѣмъ, чтобы она рано утромъ, захвативъ мясной товаръ, ѣхала на своей лошади на дачу. Лукерья Ивановна постлала себѣ

постель въ маленькой спальнѣ на полу. Самъ Зваровъ помѣстился въ другой комнатѣ на диванѣ. Матрена испекла ему съ вечера пирогъ съ гречневой кашей и съ лукомъ и сварила нѣсколько яицъ вкрутую. Такой же пирогъ былъ испеченъ и для ночевавшаго въ хозяйской квартирѣ приказчика Филата. Запаслись они и копченой корюшкой, заварными баранками, такъ что у обоихъ образовалось по изрядному узелку съ провизіей. Утромъ они должны были отправиться на сборный пунктъ, но не знали, когда ихъ отпустятъ, будутъ ли кормить при этомъ. Приказчикъ Филатъ хоть и хвалился старообрядческой трезвостью, и на самомъ дѣлѣ почти не пившій вина, ходилъ съ кѣмъ-то прощаться и вернулся въ квартиру изрядно пьяный, заунывно попѣлъ что-то, свалился на койку и заснулъ. И всѣ въ домѣ легли спать рано, чтобы рано утромъ встать, но ни Зварову, ни Лукерьѣ Ивановнѣ долго не спалось.

И чего только не передумалъ въ эту ночь несчастный Зваровъ.

„Вѣдь всего, всего лишаюсь!... проносилось у него въ головѣ.—Вѣдь еще два-три года жизни на свободѣ, и былъ бы богатымъ человѣкомъ, вполнѣ обезпечилъ бы и себя, и ребятишекъ. Съ пріѣздомъ жены такъ хорошо мнѣ все въ руку пошло... Тогда и запасъ-то этотъ несчастный съ меня слетѣлъ, освободился бы я отъ солдатской книжки. А то вѣдь эта книжка какъ пугало какое страшное напоминаетъ тебѣ всегда, что ты подневольный человѣкъ. Сколотилъ бы и домишко себѣ въ Петербургѣ... Ни квартиры себѣ не нанимать, ни

лавки... И то, и другое въ своемъ домѣ. Уволился бы и изъ крестьянства. Что мнѣ крестьянство! Я въ немъ жилъ только мальчишкой, а поступилъ въ ученье въ лавку, такъ только на два-три мѣсяца на побывки пріѣзжалъ, да и то не каждый годъ“...

И припомнилось ему, какъ онъ въ два мѣсяца своего пребыванія въ деревнѣ и посватался, и женился, и съ женой помиловался, и уѣхалъ въ Петербургъ опять деньгу наколачивать.

„Только бы годомъ однимъ раньше мнѣ по призыву быть — и не призывался бы нынче. Какое несчастіе! Одинъ годъ—и что дѣлаетъ! Разоряетъ человѣка“, мелькнуло у него въ головѣ.

„Одинъ годъ, одинъ годъ... Только одинъ годъ!“ стучало ему въ мозгъ.

„А теперь все прахомъ пошло! Только развѣ изъ раньше прикопленнаго присылать мнѣ будутъ, такъ на службѣ нуждаться не буду. А женѣ гдѣ же съ торговлей справиться! Постепенно это все изморомъ пойдетъ“, рѣшилъ онъ и тяжело вздохнулъ.

— Не спите? послышался изъ другой комнаты голосъ жены.

— Нѣтъ.

— И я не сплю.

— Ну, и не спи. Потомъ отоспишься. Не на службѣ тебѣ лямку тереть, рѣзко отвѣтилъ Зваровъ.

Приходила Зварову въ голову мысль и бѣжать. Забрать деньги, бѣжать въ деревню и ждать тамъ жену съ дѣтьми, когда она продастъ въ Петер-

бургѣ все ему принадлежащее и пріѣдетъ къ нему. Бѣжать въ деревню и скрываться. Но онъ сейчасъ же рѣшилъ: поймаютъ и засудятъ.

„А что, если на Кавказъ бѣжать? Тамъ теперь безпорядки. Другъ на дружку лѣзутъ. И медвѣдь реветъ, и корова реветъ, и самъ чортъ не разберетъ, кто кого деретъ. Добыть другой паспортъ. Тамъ, говорятъ, и прежде-то можно было добывать этихъ паспортовъ сколько угодно, а теперь, я думаю, и подавно. А потомъ, когда все утихнетъ, и заняться тамъ же мяснымъ дѣломъ. Вѣдь и на Кавказѣ люди живутъ“, разсуждалъ Зваровъ и тотчасъ же нашелъ эту мысль несбыточной.

„Нѣтъ, надо покориться и служить. Вѣдь не вѣкъ же воевать будемъ. Вѣдь выйдетъ же замиреніе когда-нибудь. Вѣдь не напрасно же поѣхали въ Америку уговариваться о мирѣ. Въ Америку! Шутка сказать, какая даль! А замирятся—насъ, запасныхъ, сейчасъ же и освободятъ. На что мы тогда? И безъ насъ войска довольно“, рѣшилъ онъ.

Но черезъ минуту снова полѣзла въ голову назойливая мысль:

„А что, если въ Америку удрать? Вѣдь послѣ пріемки отпустятъ насъ на свиданіе съ домашними. Тутъ и удрать. Съ деньгами всегда можно удрать. А въ Америкѣ не сыщутъ. Оттуда никого не выдаютъ. Да и жить тамъ хорошо человѣку, который труды любитъ и на починъ дѣла у него деньги есть. Я читалъ про это, читалъ“...

Тутъ глаза Зварова начали смыкаться, исчезъ побѣлѣвшій было свѣтъ блѣдносѣрой іюньской

ночи, въ мозгу какъ бы что-то опрокинулось и Зваровъ забылся сномъ.

Когда Зваровъ проснулся, Лукерья Ивановна была уже вставши и босыми ногами переходила мимо него въ кухню. Успокоившееся было за ночь сердце опять защемило, но онъ старался прибодриться и сказалъ себѣ мысленно:

„Довольно, довольно... Сегодня или завтра все рѣшится и мнѣ легче будетъ“.

— Молодцы! Да полно вамъ дрыхнуть-то! Ужъ и хозяинъ давно проснувшись, а вы все еще валандаетесь.

„А не будетъ въ домѣ хозяина, и молодцы Богъ знаетъ до какого часа будутъ досыпать“, мелькнуло у Зварова.

И наканунѣ его полнаго отрѣшенія отъ хозяйства онъ все еще радѣлъ къ дѣлу, до того велика въ немъ была дѣловитая рабочая жилка.

Мимо него возвращалась изъ кухни, съ полотенцемъ на плечѣ, умывшаяся уже подъ водопроводнымъ краномъ, съ посвѣжѣвшимъ лицомъ Лукерья Ивановна и участливо спросила его:

— Плохо вы спали, миленькій? Ахъ, какъ я за васъ убивалась!

— Поторапливайся, поторапливайся снаряжаться! вмѣсто отвѣта проговорилъ ей Зваровъ.—Чаю напьешся, и сейчасъ же съ Гаврюшкой на дачу... Ты имѣй тотъ расчетъ, что сегодня у тебя въ лавкѣ Филата нѣтъ. А Филатъ въ лавкѣ за двоихъ отвѣчаетъ.

Вскорѣ Зваровъ совсѣмъ уже одѣтый сидѣлъ

за самоваромъ. Отправляясь на сборный пунктъ, онъ прифрантился, надѣлъ даже манишку съ крахмальнымъ воротникомъ и былъ въ черномъ галстухѣ шарфомъ, съ красными горошинами.

— Если можно будетъ, то вы, голубчикъ, хоть по телеграфу дайте о себѣ знать, какъ и что... не пожалѣйте денегъ... говорила Лукерья Ивановна.

— Хорошо, хорошо. Но сама-то торопись.

— Пожалуйста, какъ можно скорѣе... а то я...

Лукерья Ивановна не договорила и полѣзла въ карманъ за платкомъ. Крупныя слезы потекли у нея изъ глазъ и она стала всхлипывать.

— Не выть. Не терзать моего сердца! строго крикнулъ на нее Зваровъ.—Теперь ужъ я почти успокоился, а ты опять меня бередишь. Поплакала, и достаточно... Сегодня въ омутъ головой, вынырну—и потомъ легко станетъ. А то я теперь словно надъ ледяной водой сижу.

— Не буду, не буду больше.

Она отерла платкомъ слезы.

— На, вотъ, чековую книжку... Вотъ тебѣ и два процентные билета... подалъ ей мужъ.—Спрячь хорошенько и подальше. Спрячь на грудь за рубаху... Если меня возьмутъ, то послѣ пріемки приду къ тебѣ и спишу всѣ деньги съ текущаго счета... Возьми и еще двѣсти пятьдесятъ рублей. Мнѣ при себѣ держать неудобно. Не знаю самъ, гдѣ сегодня и ночевать буду. Стащить могутъ. Народа со мной будетъ всякаго... Себѣ я оставлю пятнадцать рублей—мнѣ довольно.

Онъ досталъ свой громадный замшевый коше-

лекъ, вынулъ оттуда кредитокъ, пересчиталъ и вмѣстѣ съ кошелькомъ передалъ все женѣ.

— Да неужто не надѣетесь совсѣмъ къ намъ вернуться? вскинула та на него полные слезъ глаза.

— Ничего не знаю! Что я могу сказать, если я не свой человѣкъ! Чужой я для себя. Что хотятъ, то и сдѣлаютъ со мной, отвѣчалъ Зваровъ. — Да не плачь ты, Бога ради! Дай ты мнѣ успокоиться! Что это, въ самомъ дѣлѣ! Торопись, торопись скорѣй уѣзжать. Чаю напилась, и уходи. Уходи!

Онъ не выдержалъ и самъ заплакалъ. Жена обхватила его за голову, три раза поцѣловала, перекрестила, стала надѣвать на себя пальто и вышла въ кухню.

На дворѣ загремѣла колесами о камни телѣжка Зварова, выѣхавшая съ Гаврюшкой изъ сарая.

XLV.

Было утро, утро туманное и не предвѣщавшее разгуляться ясной погодѣ. По Караванной, Садовой и Инженерной улицамъ, въ тѣхъ частяхъ, которыя прилегали къ Михайловскому манежу, разгуливали солдатскіе патрули съ ружьями на плечахъ. Патрули же виднѣлись и на Итальянской улицѣ и на Манежной площади, гдѣ около входа въ манежъ были пристроены наскоро сколоченные изъ новаго лѣса бараки, возникшіе въ два дня и окруженные деревяннымъ заборомъ со входными воротами, охраняемыми также солдатами съ ружьями. Штыки ружей торчали изъ-за деревяннаго забора. На площади виднѣлся усиленный нарядъ полиціи. Опасались безпорядковъ среди призываемыхъ на службу запасныхъ, были приняты усиленныя мѣры, которыя раньше никогда не принимались. Проѣздъ извозчиковъ черезъ площадь не допускался. Запасные, прибывающіе на сборный пунктъ въ манежъ на извозчикахъ, должны были сходить на Караванной или на Садовой и идти пѣшкомъ. Не допускались на площадь и женщины и дѣти, сопровождавшія запасныхъ, и оставались на Садовой и на Караванной, толпясь на тротуарахъ, присаживаясь на тумбы садовыхъ рѣшетокъ Михайловскаго сада и Инженернаго сквера. Стояли плачъ и завываніе

въ пестрой женской толпѣ, раздавались время отъ времени причитанья, ревѣли дѣти, а оставившіе ихъ мужчины разношерстной лентой одни уже тянулись ко входу въ манежъ.

Призываемые запасные отличались на этотъ разъ замѣчательно разнообразными костюмами. Были франты, были и сильно пообносившіеся, но такихъ было очень мало, а босяки совсѣмъ отсутствовали. Большая часть запасныхъ состояла изъ такихъ лицъ, про которыхъ простой народъ говоритъ: „чисто одѣмшись“... то-есть—пиджачная темная пара въ брюкахъ на выпускъ, рубашка косоворотка съ вышитымъ цвѣтной бумагой воротомъ и картузъ. Были и въ высокихъ сапогахъ съ наборомъ. Мелькали шляпы котелкомъ и поярковыя мягкія, демикотоновыя бѣлыя фуражки, и даже виднѣлся глянцевый цилиндръ на высокомъ, стройномъ и красивомъ бакенбардистѣ безъ усовъ, какіе обыкновенно встрѣчаются лакеями въ барскихъ домахъ и походятъ съ виду на сановниковъ. Попадались сторожа изъ присутственныхъ мѣстъ, пришедшіе даже въ выслужившихъ срокъ сюртукахъ съ мѣдными пуговицами и позументами на рукавахъ. Были въ толпѣ и барскіе кучера въ пальто пиджаками, съ подбритыми затылками, успѣвшіе уже отростить животы на козлахъ. Возрастъ среднихъ лѣтъ и нѣкоторая доля откормленности даже преобладали. Попадались на глаза франты въ визиткахъ, въ пестрыхъ лѣтнихъ парочкахъ, въ высокихъ воротничкахъ сорочекъ, упирающихся въ тщательно подстриженный затылокъ, въ соломенныхъ яхтъ-клубскихъ шляпахъ,

съ пальто, перекинутымъ черезъ руку въ перчаткѣ. Почти всѣ запасные были съ узелками или съ корзиночками, или съ саквояжами, наполненными необходимымъ. Очевидно, люди шли, не зная когда ихъ отпустятъ! Выдѣлялись два-три толстяка съ добродушными лицами, были солидныя окладистыя бороды. На лицахъ у всѣхъ тупая покорность. Попадались заплаканные красные глаза. Были блѣдныя одутлыя лица послѣ изрядной выпивки. Попадались, не взирая на раннее утро, и пьяненькіе, но такихъ было очень мало.

Деревянныя ворота поглощали подошедшихъ къ нимъ запасныхъ, а сзади прибывали все новыя лица.

Почти всѣ запасные шли въ одиночку, ибо не было ни у кого знакомыхъ, шли молча, но изрѣдка слышался ропотъ на исключительныя предосторожности и усиленный нарядъ полиціи.

— Словно мы бунтовщики какіе! вырывались восклицанія.—Сколько полиціи-то! Солдаты...

— Это намъ, запаснымъ, почетъ. Встрѣча... пошутилъ кто-то.

У людей веселаго характера и среди мрачнаго настроенія прорываются шутки.

Но вотъ и наводящія унынiе стѣны манежа, наводящій тоску потолокъ.

Манежъ кишѣлъ запасными. Здѣсь уже успѣли подѣлиться на группы. Люди одинаковыхъ или близкихъ профессій сошлись въ кучку. Солидные люди также обособились отъ молодежи. Начались разговоры; сообщались слухи, дѣлались догадки, сколько времени здѣсь продержатъ. Отдѣльныя

лица искали укромныхъ уголковъ, гдѣ бы можно было расположиться и отдохнуть послѣ пути, но такихъ уголковъ въ манежѣ съ голыми стѣнами не было. Невзыскательные люди все-таки усаживались около стѣнъ прямо на песокъ. Въ манежѣ было душно, пыльно, пахло варевомъ готовящагося обѣда.

— Ночевать, говорятъ, здѣсь сегодня придется, слышалось по кучкамъ.

— Ночевать... Сейчасъ сказывали, что трое сутокъ отсюда не выпустятъ, сообщалъ кто-то.

Франтовато одѣтые запасные уныло покачивали головами.

— Гдѣ же здѣсь прилечь будетъ можно? задавали они вопросы.

— Объ этомъ, господинъ, солдату спрашивать не приходится, слышится отвѣтъ.—Служили вѣдь, бывали на бивакахъ во время маневровъ. Да гдѣ стоишь, тамъ и ложись.

Гдѣ-то въ глубинѣ манежа уже выкрикивали фамиліи. То тамъ, то сямъ дѣловито ходили фельдфебеля. Ихъ старались остановить и приставали къ нимъ съ вопросами.

— Объ этомъ будетъ распоряженіе, коротко отвѣчали они.

Пробѣжали ускореннымъ шагомъ два военныхъ врача въ густыхъ эполетахъ, придерживая на ходу шашки и перекидываясь словами.

— Захотятъ — погубятъ, захотятъ—помилуютъ, кивнулъ на нихъ кто-то.

— Большое освидѣтельствованіе должно быть, произноситъ тощій съ желтоблѣднымъ лицомъ

человѣкъ въ пиджакѣ, бѣлой фуражкѣ и рубашкѣ косовороткѣ.—Помилуйте, за послѣднія восемь лѣтъ я то и дѣло болѣлъ. Наше дѣло такое... мы наборщики... въ типографіи...

Прошло съ часъ, и ужъ люди ѣли, залѣзая въ свои узелки рукой и отправляя куски въ ротъ.

Прибывали въ манежъ впопыхахъ опоздавшіе, съ красными потными лицами, тяжело дыша.

— А женскаго сословія что на Садовой—видимо-невидимо! разсказывало гороховаго цвѣта пальто въ высокихъ новыхъ сапогахъ, отдающихъ ворванью.— И женщины, и дѣти... Расположились у рѣшетки сада и ждутъ. А чего ждутъ? Полиція разгоняетъ— не идутъ.

— Да, трудно чего-нибудь сегодня дождаться— жди хоть до ночи, отвѣчаетъ кто-то.

— Бабы... Само собой, глупы... слышится замѣчаніе.

— И на Караванной то же самое... сообщаетъ кто-то.—Бродятъ попусту, плачутъ, ребятишки ревутъ. И у меня жена тамъ... Вмѣстѣ съ маменькой тамъ... Не могъ отвязаться... Пошли провожать... Меня-то только извели вконецъ.

Франтовато одѣтый тщедушный запасный въ очкахъ и съ бауломъ говоритъ полному, холеному запасному въ шкиперской фуражкѣ:

— Закусками-то мы запаслись, и безъ казеннаго котла сыты будемъ, но вѣдь послѣ ѣды пить надо, тѣмъ болѣе, что у меня почти все соленое. Что мы пить будемъ?

— Я сейчасъ слышалъ, что отъ думы будетъ чай...

— Ну, то-то... А вѣдь иначе можно помереть отъ жажды.

— Будутъ и какія-то подачки... Что-то раздавать будутъ.

— Я не понимаю, отчего въ такихъ случаяхъ не допустить маркитантовъ, торговцевъ съ квасомъ, съ шипучей водой...

— Опасаются, что водку проносить будутъ.

— При такихъ-то предосторожностяхъ? Посмотрите, вѣдь мы оцѣплены военной силой.

— Да... Но водка такая сила, что она и черезъ военную силу проникнуть можетъ...

Зваровъ тутъ. Онъ разговариваетъ съ двумя запасными, судя по одеждѣ, изъ торговаго сословія. На лицѣ его покорность, и онъ произноситъ:

— Что будетъ, то будетъ. Но неужели же по семейному-то положенію освобождать не будутъ?

— Кого ни спрашивалъ — никто не знаетъ. Тайна какая-то, слышится отвѣтъ.—У васъ сколько ребятъ-то?

— Двое... Жена... Матушку въ деревнѣ кормлю... Но, кромѣ того, двѣ лавки долженъ оставить. Приказчиковъ у меня шесть человѣкъ.

— Это въ расчетъ не принимаютъ. Я самъ артельщикъ, сообщилъ запасный съ окладистой русой бородкой и въ шляпѣ котелкомъ.—Двѣ тысячи въ артели моихъ денегъ, мѣсто хорошее въ конторѣ Шписъ и Шнауце имѣю, девятьсотъ рублей жалованья получаю. Конечно, артель меня не отпишетъ, но мѣсто-то хорошее потеряю.

— Ахъ, ужъ эта война, чтобъ ей! слышится вздохъ —Вѣдь все изъ-за войны...

Къ Зварову подходитъ приказчикъ Филатъ и почтительно кланяется, приподнимая свой картузъ. Зваровъ соображаетъ, подать ли ему руку или не подавать, но подаетъ.

— Сейчасъ слухъ прошелъ, что въ субботу вечеромъ насъ освободятъ и до вторника...

— А до субботы здѣсь продержатъ? воскликнулъ Зваровъ, покрутилъ головой, сдвинулъ картузъ на лобъ и поскоблилъ затылокъ.

Двое его собесѣдниковъ переглянулись, крякнули и артельщикъ произнесъ: „однако!“

XLVI.

Въ субботу, 18 іюня, вечеромъ Зваровъ былъ отпущенъ изъ манежа съ тѣмъ, чтобы во вторникъ, 21 іюня, вновь прибыть туда же. Освобожденъ отъ службы онъ не былъ. Ни семейное положеніе, ни недуги его, на которые онъ указывалъ при освидѣтельствованіи, не были уважены. Свидѣтельствовавшій его военный врачъ даже широко улыбнулся, когда онъ заявилъ о какой-то скрытой грыжѣ, которая то появляется, то исчезаетъ.

— Да вѣдь теперь-то этой грыжи у васъ нѣтъ, сказалъ врачъ, все-таки тщательно осмотрѣвъ его.

— Нѣтъ, ваше высокоблагородіе, но при маршировкѣ, при ученьи, когда большая ходьба, она сейчасъ покажется.

— А покажется, тогда и другой разговоръ будетъ. Тогда васъ опять освидѣтельствуютъ.

И врачъ заявилъ членамъ городского по воинской повинности присутствія, находящимся при освидѣтельствованіи, что Зваровъ вполнѣ годенъ.

Зварова какъ ледяной водой облили. Зубы его стучали, по всему тѣлу сдѣлалась, такъ называемая, гусиная кожа, по спинѣ бѣгали мурашки, и онъ вздрагивалъ.

— Но я, ваше высокоблагородіе, за столько годовъ отвыкъ уже отъ службы, отяжелѣлъ и не могу ни саперной лопатой, ни киркой работать, такъ какой же я саперъ! пробовалъ, заикаясь, возражать стоявшій голымъ Зваровъ и умоляюще смотрѣлъ на врача.

Вмѣсто отвѣта врачъ сказалъ ему:

— Не задерживайте другихъ. Одѣвайтесь.

Вообще въ виду недавно бывшихъ въ Москвѣ въ воинскомъ присутствіи злоупотребленій, виновные въ которыхъ уже преданы суду, освидѣтельствованіе на этотъ разъ было особенно тщательное и строгое.

Зваровъ еле одѣлся. Руки не слушались его и съ трудомъ застегивали пуговицы, ноги не сразу попали въ сапоги. На него напала какая-то слабость. Одѣвшись и отойдя отъ стола присутствія, онъ долженъ былъ непремѣнно сѣсть, чтобы придти въ себя, поотдохнуть, что и сдѣлалъ, пріютившись въ уголкѣ.

Къ нему подошелъ артельщикъ, съ которымъ онъ познакомился въ манежѣ.

— Приняты? Не отвертѣлись? спросилъ онъ Зварова.

Зваровъ промолчалъ и только махнулъ рукой.

— И меня умыли. Вотъ, можетъ быть, въ одинъ и тотъ же батальонъ попадемъ, сказалъ ему, какъ бы въ утѣшеніе, артельщикъ.—Да, молебенъ служилъ Всѣхъ Скорбящихъ Радости, а вотъ ничего не вышло... развелъ онъ руками.

— И я служилъ... два раза служилъ... А что толку?.. вырвалось у Зварова.

Зваровъ взялъ свой узелокъ и, кряхтя отъ усталости, поднялся съ земли. Его шатало.

— Не доѣли продукты-то свои? задалъ ему вопросъ артельщикъ, кивая на узелокъ.

— Гдѣ доѣсть! Развѣ можетъ при такой передрягѣ кусокъ въ горло идти? Больше половины осталось. Да я еще угощалъ кой-кого.

— А вѣдь вотъ другіе отлично ѣли. И какъ на казенную пищу набрасывались! И хоть бы что! Только за ушами пищало, разсуждалъ артельщикъ.

— Да вѣдь разные люди бываютъ. Другой даже радъ, что до солдатскаго-то котла дорвался, потому—дома у него ни кругомъ, ни около. Варево-то онъ не каждый день и видѣлъ. Щи-то съ кашей развѣ только въ праздникъ.

— Ну, такихъ въ нынѣшній призывъ мало. Все свѣжепросольные огурчики.

Добродушный артельщикъ еще могъ шутить. Но Зварову было уже не до шутокъ.

— Есть всякіе... Не все же швейцары и старшіе дворники, отвѣчалъ онъ мрачно.

Отъ передряги онъ почти захворалъ. Отходя отъ

артельщика, онъ даже покачивался на слабыхъ ногахъ, отказывавшихся ему служить.

И тутъ Зварову въ голову бросилась такая мысль:

„А что, если бы я третьяго дня отрубилъ себѣ пальцы ножомъ на лѣвой рукѣ? Вѣдь я мясникъ, постоянно съ ножами, постоянно при рубкѣ мяса... Такое ужъ у насъ въ мясномъ дѣлѣ руководство, чтобы говядину рубить. И никто подозрѣнія этого самаго не можетъ объявить... Несчастіе... Въ мясномъ дѣлѣ это часто бываетъ. А какой же саперъ безъ трехъ-четырехъ пальцевъ!“

И онъ пожалѣлъ, что не сдѣлалъ съ собой этого.

Когда запасныхъ отпустили изъ манежа, Зваровъ тотчасъ же поѣхалъ къ женѣ на дачу, рѣшивъ заѣхать и къ себѣ на Петербургскую сторону, для чего на Садовой нанялъ извозчика. На Садовой, на тротуарѣ, и на этотъ разъ были женщины съ заплаканными глазами и дѣти, хотя на этотъ разъ ихъ было уже меньше. Онѣ и сегодня пришли, и сегодня сидѣли на цоколѣ сада, и сегодня ждали вѣстей о своихъ близкихъ, призванныхъ на сборный пунктъ. Зварову пришлось видѣть сцены свиданій, слезы. Городовые въ свѣтлыхъ кителяхъ по-прежнему расхаживали по мостовой, по прежнему исполняя свою обязанность, просили женщинъ расходиться, но тщетно: женщины только переходили съ мѣста на мѣсто. Да и городовые разгоняли ихъ только для проформы, во исполненіе приказа. Вѣдь городовые были люди.

Проѣзжая къ Лѣтнему саду, Зваровъ все-таки

внимательно смотрѣлъ, нѣтъ ли среди женщинъ его жены; но жены не оказалось.

„Хоть и запретилъ я ей отъ лавки отлучаться, а вѣдь дура-баба все равно сюда могла прилѣзть“, разсуждалъ онъ.

Теперь для него было ужъ все потеряно въ смыслѣ торговли, а все-таки лавка тянула его. Пріѣхавъ къ себѣ въ городскую квартиру, онъ первымъ долгомъ бросился въ лавку. Тамъ было все въ порядкѣ, но покупателей, по случаю вечерняго времени, не было. По обыкновенію онъ сталъ креститься на лавочную икону—и кончилъ. Приказчики какъ будто обрадовались ему. Появленіе его въ лавкѣ они сочли за освобожденіе его отъ службы.

— Ну, что, Евтихій Павлычъ, благополучно?.. Теперь свободны? спросилъ приказчикъ Сидоръ.

— Да что ты смѣешься, что ли! угрюмо произнесъ Зваровъ.—Благополучно забрали, вотъ и все...

Приказчики опѣшили и покачивали головами. Сидоръ прищелкнулъ языкомъ, выразивъ сожалѣніе. Василій пробормоталъ:

— Вотъ дѣла-то! Неумолимый рокъ... Такъ какъ же вы-то?

— Здѣсь все въ томъ же направленіи и останется, какъ при мнѣ... Жена торговать будетъ. А на дачѣ лавку закроемъ, снисходительно далъ отвѣтъ Зваровъ.—Лошадь здѣсь?

— Никакъ нѣтъ-съ... Пріѣзжалъ Игнашка и повезъ товаръ въ дачную лавку.

„Ну, слава Богу... Стало быть, дѣло все-таки какъ-нибудь идетъ“... подумалъ онъ.

Приказчики передали ему за два дня его отсутствія выручку и показали запись въ книгѣ. Выручка была не плохая. Это его опять немножко порадовало.

„Стянуть, навѣрное что-нибудь стянули, мелькнуло у него въ головѣ.—Ну, да ужъ теперь каждый день будетъ не безъ этого. Только бы жената съ ребятишками питалась, да мнѣ что-нибудь послать урывала“.

Зваровъ отправился къ себѣ на квартиру. Тамъ его встрѣтила Матрена и опять завыла:

— Касатикъ мой, болѣзный! Да какъ тебя перекатило-то за два дня! Словно ты изъ острога выпущенъ!

— Не выть, старуха! Довольно! Брось... Ну, что ты меня раздражаешь! Вѣдь ужъ слезами не поможешь, а у меня черезъ это только все нутро трясется, вразумительно сказалъ ей Зваровъ.

Онъ перешелъ изъ кухни въ комнаты, сѣлъ на свой диванъ и, оставшись наединѣ, горько заплакалъ.

Послѣ этихъ слезъ ему сдѣлалось легче. Онъ отеръ глаза, подошелъ къ зеркальному шкапу и сталъ смотрѣть на себя. За два дня пребыванія его въ душномъ манежѣ, въ постоянной тревогѣ, при ночевкѣ какъ попало, его, дѣйствительно, „перекатило“, какъ выражалась Матрена. Глаза его были красны, самъ онъ былъ блѣденъ и чувствовалъ, что похудѣлъ.

— Самоварчикъ?.. заискивающе предложила ему Матрена, но онъ досадливо отмахнулся.

— Только и на умѣ, что самовары! произнесъ онъ.—Я къ женѣ... Тамъ и ночевать останусь...

Зваровъ надѣлъ картузъ и вышелъ изъ дома, стараясь на дворѣ и на улицѣ не встрѣчаться со знакомыми, чтобъ избѣжать ихъ разспросовъ и соболѣзнованій. Черезъ полчаса онъ сидѣлъ въ вагонѣ желѣзной дороги и ѣхалъ къ женѣ на дачу.

Въ вагонѣ сзади и спереди его разговоры о мобилизаціи, разговоры о взбунтовавшихся въ Одессѣ матросахъ на броненосцѣ „Потемкинъ“. Какъ разъ сегодня были получены подробности о погромѣ одесскаго порта, при чемъ прибавлялось ужъ и о взбунтовавшейся командѣ на второмъ броненосномъ суднѣ, на „Георгіѣ Побѣдоносцѣ“. Подробно описывался одесскій бунтъ и на морѣ и на сушѣ, и всѣ говорили объ этомъ съ ужасомъ, даже шопотомъ. Многіе печально качали головами и произносили:

—Господи! Чѣмъ все это кончится! Какія тяжелыя времена!

Кто-то сообщалъ, что морскимъ офицерамъ запрещено теперь и въ Петербургѣ показываться въ увеселительныхъ садахъ и въ ресторанахъ, и прибавлялъ:

— Удивительно, что сами-то они до этого не додумались!

Противъ Зварова сидѣлъ франтовато одѣтый господинъ въ очкахъ, изъ запасныхъ, котораго Зваровъ видѣлъ въ манежѣ и познакомился съ нимъ. Онъ оказался петербургскимъ обрусѣвшимъ нѣмцемъ, приказчикомъ изъ какого-то аптекарскаго

склада, и ѣхалъ, такъ же какъ и Зваровъ, къ своей семьѣ на дачу.

Онъ наклонился къ Зварову и сказалъ:

— И представьте, въ газетахъ пишутъ, что всѣ эти взбунтовавшіеся потемкинцы, главнымъ образомъ, изъ запасныхъ... Не хотятъ служить вторую службу... Не хотятъ... развелъ онъ руками.— Сняты съ хорошихъ мѣстовъ... Оторваны... Обжились, завелись семьями послѣ первой службы... Тяжело... трудно...

Зваровъ только тяжело вздохнулъ вмѣсто отвѣта, отеръ потъ съ лица и спросилъ господина въ очкахъ:

— А васъ взяли?

— Еще бы! Я запасный фельдшеръ... Но, уйдя со службы, я получилъ мѣсто въ складѣ... Я въ нѣмецкой школѣ учился. Говорю и по-русски, и по-нѣмецки... Это цѣнятъ въ аптекарскихъ магазинахъ... Поступилъ на тридцать рублей... теперь получаю семьдесятъ, и вотъ—всему прощай! Тяжело! прибавилъ онъ.

И изъ-подъ очковъ его выкатились двѣ слезы.

Зваровъ хотѣлъ его спросить, женатъ онъ или холостой, но промолчалъ и отвернулся. Ему самому опять стало горько.

XLVII.

Опять тяжелая сцена у Зварова съ женой, когда онъ объявилъ ей, что взятъ въ солдаты. Она закликала и пластомъ такъ и повалилась къ нему на руки. Завыла и дворничиха Афимья, находившаяся при ней, и начала причитать. Заплакали дѣти. Зваровъ, совсѣмъ было успокоившійся по дорогѣ домой, снова растерялся. Его зашатало, ноги сдѣлались слабы, и онъ опустился на стулъ. У него выступилъ холодный потъ. Онъ собралъ, однако, силы и крикнулъ на дворничиху:

— Не выть! Ты-то чего голосишь! Словно ты мнѣ родня какая... Дайте хоть напослѣдяхъ-то спокойно побыть въ семействѣ.

Жену онъ уже не успокаивалъ. Около нея возилась съ ковшомъ воды въ рукахъ какая-то кухарка съ дачнаго двора и тоже всхлипывала. Слыша въ домѣ завыванье, появилась и еще какая-то растрепанная грудастая баба, проживающая на дворѣ. За ней пришла третья женщина. Дѣлалось сборище. Зваровъ поднялся со стула и, размахивая руками, завопилъ:

— Чужія бабы, вонъ! Всѣ вонъ! Что это за концертъ такой эѳіопскій! Долженъ же я отдохнуть! Дайте покой душѣ! И такъ ужъ изныла.

Онъ даже схватилъ лежавшій на столѣ бѣльевой валекъ и замахнулся имъ.

Бабы исчезли, но появился старичекъ-сосѣдъ табачникъ въ бѣломъ демикотоновомъ картузѣ.

— Не отвертѣлись? началъ онъ, переминаясь на жиденькихъ больныхъ ногахъ и пощипывая сѣдую бородку.—А дворника съ Уваровой дачи Богъ помиловалъ. Пріѣхалъ, пьяненькій пріѣхалъ, на извозчикѣ пріѣхалъ, въ радости пріѣхалъ. Веселый такой... И извозчика по дорогѣ напоилъ. Пріѣхалъ, а денегъ нѣтъ извозчику заплатить. Сейчасъ жена разсчитывается.

Зваровъ звѣремъ посмотрѣлъ на него, ничего не отвѣтилъ. Но табачникъ сѣлъ.

— Хочу подговорить здѣшнихъ торговцевъ, чтобы вамъ отвальную сдѣлать, продолжалъ онъ.— Когда васъ совсѣмъ-то заберутъ?

— Не надо мнѣ, ничего не надо, и, пожалуйста, все это бросьте. Я человѣкъ не пьющій и никакой мнѣ отвальной не надо, отрѣзалъ Зваровъ.

— Ну, все-таки рюмочку сладенькаго... пирожка... Вѣдь молебенъ-то все-таки напутственный служить будете. Надо честь честью...

— Ничего не буду. Достаточно ужъ служилъ. И свѣчи ставилъ... Молебны служатъ въ радости..

— Ну, иконку какую-нибудь вамъ поднести.

— Солдату негдѣ съ иконой возиться. А ежели что—у меня есть родительское благословеніе.

— Маленькую, нагрудную... такъ, складенекъ небольшой.

Зваровъ промолчалъ.

Табачникъ полѣзъ въ карманъ, вынулъ сложенную газету и спросилъ Зварова:

— А читали вы, какъ въ Кронштадтѣ купече-

скіе сынки братья Туркины отъ солдатчины-то отвертѣться хотѣли? Городовыми объявились... Наканунѣ поступили... Ну, и прислали бумагу. Однако, не того... Одного брата разыскали и привели въ полицейской формѣ... въ оборванномъ мундиришкѣ... Да вотъ прочтите... протянулъ табачникъ Зварову газету, не слыша съ его стороны возраженій, и положилъ ее на столъ.

Лукерья Ивановна поутихла и пришла въ себя.

— Какъ вы спали, голубчикъ? Гдѣ ночевали? спросила она.

— Извѣстно, въ манежѣ, отвѣчалъ Зваровъ, радуясь, что жена заговорила.

— Горяченькимъ-то кормили ли васъ? Чайкомъ-то поили ли?

— Былъ солдатскій котелъ... солдатская ѣда извѣстная, но я и своихъ-то закусокъ, что съ собой взялъ, и половины не съѣлъ.

— Раздавали даже гостинцы отъ думы, сообщилъ вошедшій въ это время въ комнату приказчикъ Филатъ.—Какой-то сѣденькій маленькій генералъ и статскій.

— Гостинцы? поинтересовался табачникъ.

— Да. По фунту черстваго ситнаго, по полфунта колбасы и по три папироски. Взять я взялъ, да сейчасъ отдалъ какому-то изъ чухонъ колбасу и папиросы.

— Зачѣмъ?

— Съ какой же стати я буду ѣсть въ Петровъ постъ скоромь! А табакомъ я не занимаюсь.

— Онъ по старой вѣрѣ... кивнулъ на него Зваровъ и прибавилъ:—А я ничего не взялъ. Въ

состоянiи, говорю, что-нибудь и поделикатнѣе себѣ купить. Обидно. Людямъ жизнь портятъ, отъ семьи, отъ дѣла отрываютъ, а они полфунтомъ колбасы и тремя папиросками утѣшить хотятъ.

— Ну, да вѣдь предполагается, что народъ бѣдный, неимущiй... замѣтилъ табачникъ.

— Позвольте... Со мной вмѣстѣ яичникъ одинъ взятъ, который на пятьдесятъ—шестьдесятъ тысячъ яйцами обороту дѣлаетъ. Сколько артельщиковъ, которые по сту рублей въ мѣсяцъ жалованья получали. Швейцаръ одинъ при казенномъ подъѣздѣ. Этотъ прямо говоритъ: „Я, говоритъ, своимъ мѣстомъ съ чиновникомъ не помѣняюсь. Я, говоритъ, за это мѣсто тремя сотенными подсолилъ“. А они: полфунта колбасы!.. Здѣсь Питеръ, а не провинцiя.

Зваровъ былъ сильно раздраженъ.

— Вѣрно. Но вѣдь есть всякiе, возразилъ табачникъ.—Въ газетахъ пишутъ, что 1185 человѣкъ съ Петербурга-то надо взять. Есть и бѣдные.

— Такъ ты бѣднымъ и давай. Такъ и напиши: бѣдные могутъ получить ситный, полфунта колбасы и три папиросы. А зачѣмъ же тѣмъ, которые въ состоянiи, такая подачка? Прямо обидно. Солдатскiй котелъ есть для пропитанiя—ну, и довольно. А вѣдь это считается за подарокъ.

— Ахъ, голубчикъ, голубчикъ, Евтихiй Павлычъ! опять взвыла Лукерья Ивановна.—Да какъ же я теперь съ малыми ребятами одна при торговлѣ останусь!

— Пріучайся. На то ярославка. Нашей ярослав-

ской націи торговыя бабы и однѣ рѣдко пропадаютъ.

— Миленькій вы мой...

— Опять за то же! Да брось ты плачъ-то! Не раздражай меня. Побереги мужа. Дай ему покой.

Лукерья Ивановна отерла слезы и ужъ спокойно спросила мужа:

— Надолго ли вы теперь, голубчикъ, отпущены?

— На два дня, до вторника. Говорили, что во вторникъ намъ амуницію пригонять будутъ. А потомъ опять отпустятъ дня на два.

— И ужъ никакой надежды вамъ теперь нѣтъ?

— Какая же можетъ быть надежда! Все кончено. Крышка.

Лукерья Ивановна снова заплакала.

— Не реви. Не терзай меня... Брось... Завей горе въ веревочку, какъ я завилъ. Одно могу сказать тебѣ въ утѣшеніе, что покуда, какъ извѣстно, никого изъ насъ, запасныхъ, на войну не пошлютъ. Никого... Всѣ здѣсь въ Россіи по разнымъ частямъ обучаться будутъ, сказалъ ей Зваровъ.—Кто въ Петербургѣ, кто въ Варшавѣ... Всѣ въ лагери... И мнѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, придется при моей части лѣто въ лагеряхъ простоять. Здѣсь, въ Ижорскомъ лагерѣ, по Невѣ. Подъ бокомъ.

Лукерья Ивановна молча перекрестилась три раза и проговорила:

— Ну, слава Богу... Слава Богу...

— По праздникамъ иногда видѣться будемъ. Отпускаютъ... Вѣдь это двадцать пять верстъ отъ Петербурга... На пароходѣ живо...

— Слава Богу...

— Подчасъ и сама ко мнѣ пріѣхать навѣстить можешь, прибавилъ Зваровъ.

Лицо Лукерьи Ивановны просвѣтлѣло и у ней показалась улыбка сквозь слезы. Только теперь замѣтила она Филата и спросила его:

— И ты тоже взятъ?

— А то нѣтъ, что ли! За что жъ меня миловать! Очень немногіе помилованы, которые ежели страдающіе нутромъ, отвѣчалъ Филатъ.

— Такъ отчего жъ ты не убиваешься и не плачешь?

— Будетъ съ меня. Поплакалъ. Вѣдь отъ этого легче не будетъ... Да и одна я голова... Вотъ развѣ одно только, что къ скороми по постамъ опять привыкать придется, а я ужъ отвыкъ на свободѣ-то... Вотъ Успенскій постъ настанетъ... Каково это! А старики-то наши строги... За это отчитываютъ, епитимію накладываютъ.

— А почемъ узнаютъ твои старики? замѣтилъ табачникъ.

— Вотъ и этого боюсь, что нашихъ стариковъ при войскѣ нѣтъ. Поповъ хоть отбавляй, а стариковъ старой вѣры нѣтъ. Погонятъ въ церковь вмѣстѣ съ церковниками.

— Не погонятъ нынче... Можешь объявиться, что старообрядецъ. Теперь свобода всякой вѣрѣ, объяснялъ табачникъ.

— Свобода-то, свобода... Слышали мы, читали... А только лучше не объявляться. Знаю я...

На этомъ разговоръ и кончился.

Было поздно. Поужинали всѣ нехотя. Всѣ чувствовали себя полубольными послѣ передряги,

какъ разбитыми, еле двигались и завалились спать.

Зваровъ спалъ въ эту ночь спокойно. Бѣда ужъ стряслась надъ нимъ, возврата къ просвѣту не было, и онъ почти успокоился.

XLVIII.

Слѣдующій день было воскресенье, и измученный душой Зваровъ употребилъ его исключительно на отдыхъ. Ему нужно было положить свои сбереженія въ банкъ, снять съ текущаго счета деньги, чтобы передать ихъ женѣ для оборота торговли; но сегодня, по случаю праздника, ничего этого сдѣлать было нельзя, и онъ отложилъ это дѣло до завтра, рѣшивъ сегодня вздохнуть свободно послѣдній праздничный день передъ солдатской неволей.

„Послѣзавтра надѣну солдатскую амуницію и буду ужъ не свой“, разсуждалъ Зваровъ.—„Здравія желаю... Такъ точно, ваше благородіе... Есть, ваше высокоблагородіе... Слушаю-съ, ваше благородіе“... повторялъ онъ слова, оставшіяся въ памяти отъ первой службы.

Жена посылала его въ церковь, но онъ не пошелъ. Въ лавку утромъ вышелъ онъ, вырядившись въ послѣдній разъ во все праздничное, выпустивъ брюки на выпускъ и даже надѣвъ ма-

нишку съ крахмальными воротничкомъ и рукавчиками, но передника не надѣвалъ, даже не сталъ за выручку, а сѣлъ на лавку и наблюдалъ за женой, какъ та принимала деньги отъ покупателей, звякала на счетахъ, выдавала сдачу или записывала въ книжки. Всѣмъ покупателямъ, забирающимъ товаръ на книжку, объявилъ, что лавка съ будущаго мѣсяца закрывается и чтобы они приготовились къ уплатѣ денегъ.

Сыпались вопросы: „отчего? по какой причинѣ?“— и приходилось объяснять причину. Шли соболѣзнованія, и эти соболѣзнованія злили Зварова. Объяснялъ онъ причину угрюмо и кратко:

— На военную службу иду.

— Берутъ? Отъ дѣла берутъ? Семейнаго-то человѣка? Сколько у васъ дѣтей?

И шли соболѣзнованія, которыя Зваровъ тотчасъ же прерывалъ, и прерывалъ даже грубо, въ родѣ:

— Оставьте, пожалуйста... Бросьте... Ни къ чему это не ведетъ. Намъ изъ вашей жалости шубы не сшить... и не только шубы, а и рукавицъ не выкроить.

— Да вѣдь я отъ чистаго сердца... слышались возраженія.

— И сердце тутъ не поможетъ. А раздражать раздражаете.

Лукерья Ивановна въ это время, стоя за выручкой, слезливо моргала глазами.

Филатъ, въ передникѣ и опоясанный наборомъ ножей, сегодня въ послѣдній разъ работалъ въ лавкѣ, но къ нему съ соболѣзнованіемъ никто не приставалъ.

— Не такъ легко закрыть эту лавку придется, какъ я думалъ, сказалъ Зваровъ въ перерывъ торговли женѣ и приказчикамъ.—Придется вамъ проваландаться. Когда долги-то получите! Походить да и походить надо. Пожалуй, съ иными и безъ мирового не обойдется.

— Есть публика такая, что только чорту подарить... поддакнулъ Захаръ.—Теперь обозначились. Не слѣдовало такимъ довѣрять.

— Да вѣдь весной нужно было отъ Лаврентія Тихонова покупателей переманить.

— А теперь эти позатянутъ, сильно позатянутъ. Скажутъ: что жъ намъ?.. Теперь ужъ больше въ долгъ вѣрить не будутъ, если уплатимъ. Такого народца у насъ... разъ, два... трое... Нѣтъ, четверо...

— Это ужъ ты долженъ ходить и долги получать... На тебя оставляю... Филатъ будетъ на службѣ, обратился Зваровъ къ Захару.

— Я, хозяинъ, всѣмъ сердцемъ... Нешто я не понимаю, что съ вами такая бѣда стряслась, отвѣчалъ тотъ.

— Ну, то-то... А приказчицкій-то союзъ выбрось изъ головы. Ни къ чему это не поведетъ.

И опять нахлынули покупатели. Сегодня, какъ на зло, торговля шла отлично, и это только злило Зварова.

„Какое дѣло приходится бросать... Ахъ!.. А ничего не подѣлаешь. Съ двумя лавками бабѣ не справиться, думалъ онъ.—Такъ хорошо наладили, и вдругъ въ началѣ лѣта закрывай лавку... А

все изъ-за Манчжуріи... Что намъ Манчжурія? Да хоть бы ея вѣкъ не было!"

И тутъ припомнились Зварову газетныя сообщенія о полученіи концессій въ Манчжуріи разными высокопоставленными дѣльцами на лѣсную вырубку, на разработку каменнаго угля, которые тотчасъ же эти концессіи и перепродали.

„Вотъ кому нужна эта Манчжурія, вотъ кому нужна Корея и какой-то полуостровъ, который и не выговоришь. Вотъ кому, вотъ кому"... повторялъ онъ мысленно.

Опять перерывъ торговли.

— Да вѣдь ближе половины будущаго мѣсяца тебѣ не закрыть этой лавки изъ-за получекъ долговъ, продолжалъ Зваровъ, обращаясь къ женѣ.— А тебѣ на двѣ лавки не разорваться. И не будетъ ни тамъ, ни здѣсь путнаго.

— Какъ-нибудь, Евтихій Павлычъ, поможемъ, отозвался Захаръ.

Торговая душа Зварова скорбѣла.

— Безъ хозяйскаго глаза все равно ничего не выйдетъ. И нуженъ мужской хозяйскій глазъ, говорилъ онъ.—Поможемъ... Какой ты можешь быть настоящій помощникъ, если ты стихотворецъ и у тебя приказчицкое сокращеніе торговли на умѣ.

— Поэзія поэзіей, сокращеніе часовъ торговли тоже само собой, а отчего же для дамы, для хозяйки не постараться? Въ поэтѣ всегда даже больше къ сиротамъ чувства. Я вонъ какое чувствительное стихотвореніе написалъ, что вы покидаете вашихъ птенцовъ!

Захаръ умолкъ.

Прибѣжалъ разносчикъ газетъ. Зваровъ купилъ газету и сейчасъ же сталъ читать извѣстія о мирѣ.

— Ну, что насчетъ мира? поинтересовался Филатъ.—Что уполномоченные о мирѣ?...

— Все еще ѣдутъ. Теперь въ Парижѣ. А до Америки-то, ой-ой, какъ еще далеко! отвѣчалъ Зваровъ и прибавилъ:—Давай Богъ... Хотя уже отъ дѣла-то людей оторвали.

Послѣ обѣда Зваровъ увидалъ проѣзжавшаго съ возомъ мимо лавки бывшаго своего приказчика, торговца Лаврентія Тихонова, остановилъ его и сталъ ему предлагать снять отъ него дачную лавку, но Лаврентій Тихоновъ наотрѣзъ отказался.

— Привыкъ уже я къ возу... Торговля не шибко, не валко, не на сторону, но съ меня и этого довольно, проговорилъ онъ.—А взять лавку—приказчиковъ содержать надо. Корми ихъ... А я безъ бабы... Первый годъ лучше маленькій кусокъ, да вѣрный, а что на слѣдующій годъ—потомъ видно будетъ.

— Да вѣдь я за выходъ ничего не возьму, а дѣло у меня поставлено на порядкахъ. Торгуемъ на отличку, но бабѣ-то моей одной съ двумя лавками не справиться. Тебѣ только за полъ-лѣта найма придется заплатить. Даже уступлю изъ найма. Мнѣ только бы мой приказчикъ съ мѣсяцъ при лавкѣ побылъ и долги получалъ, а ты торговать будешь.

— Уволь, Евтихій Павлычъ... Не подходитъ мнѣ это дѣло. Спасибо, но не подходитъ, поблагодарилъ Лаврентій Тихоновъ и уѣхалъ.

Зваровъ разсердился и выругался про себя.

Къ чаю, который пили послѣ обѣда на заднемъ крыльцѣ дачи, выходящемъ въ садъ, Зваровъ пригласилъ товарища по горю Филата. Теперь Филатъ пользовался уже напослѣдяхъ особыми правами. Онъ пришелъ и принесъ письмо изъ деревни, которое получилъ часъ назадъ.

— Вотъ какія вѣсти пришли отъ брата. Тамъ у насъ все погибло. До того посохло, что скотину некуда выпустить, печально проговорилъ онъ.—И съ иконами старики ходили по полямъ—ничего не помогло. Дождя полтора мѣсяца не было.

— Недородъ? сказалъ Зваровъ.—Да, и въ газетахъ было отъ министерства писано, что недородъ ожидается въ девятнадцати губерніяхъ.

— Какой недородъ! Прямо голодуха. Ожидается! Чего тутъ ожидаться, коли ужъ все съѣдено, и есть такія семьи, что въ кусочки пошли. А наши мѣста были всегда запасливыя. У насъ пьянства нѣтъ и не было. Кругомъ старообрядцы. Страшное дѣло! Хотите, прочту письмо? спросилъ Филатъ.

— Читай. Что жъ мнѣ-то?.. равнодушно и снисходительно отвѣчалъ Зваровъ.—Читай. Вонъ она любитъ деревенскія письма слушать, кивнулъ онъ на жену.

Филатъ отщипнулъ щипчиками маленькій кусочекъ сахарку, положилъ его въ ротъ, допилъ съ блюдечка налитый чай и началъ:

„Любезному братцу нашему Филату Андреичу низкій поклонъ отъ брата вашего Никиты Андреича и желаемъ вамъ всякаго благополучія и въ

дѣлахъ вашихъ успѣха отъ Бога. И увѣдомляемъ васъ, братецъ нашъ милый, что Господь Богъ за грѣхи наши наслалъ на насъ опять бѣдствіе"...

— И повзапрошломъ году былъ неурожай... пояснилъ Филатъ и продолжалъ:

„Наслалъ на насъ опять бѣдствіе... Все погорѣло, все посохло, такъ что и покоса не начинали, а травимъ скотомъ, да ужъ теперь и травить нечего... Яровое тоже посохло, такъ что и убирать ничего не придется, а надо будетъ тоже скотъ выпустить, потому что и на сѣмена не соберемъ, а скотъ голодаетъ и извелся. Озимые тоже еще зимой вымерзли, такъ какъ до Рождества снѣгу совсѣмъ не было, а только порошило. Старики два раза ходили съ образами, но Богъ не внялъ. А ужъ теперь и дождемъ не поправишь. У кого есть скотина—продаютъ скотину и тѣмъ питаются, но лавочники, да и прасолы не даютъ за овцу и полтора рубля. Денегъ взять неоткуда, работишки никакой, потому и у помѣщиковъ все погибло, а потому мнѣ съ семьей такъ трудно приходится, что и сказать нельзя. Любезный единоутробный братецъ Филатъ Андреичъ, пришлите"...

— Тамъ не знаютъ, что меня въ солдаты берутъ, я не писалъ... Да и когда же было писать! опять пояснилъ Филатъ, оторвавшись отъ чтенія.

„Пришлите намъ хоть на два куля муки, если больше не можете, а вамъ Богъ воздастъ сторицею. И еще долженъ вамъ сообщить о нашемъ горѣ... снова началъ читать Филатъ.—На самаго на Николу, въ ночь проходили гуртовщики съ трубками"...

— Брось... Довольно... прервалъ чтеніе Зваровъ и махнулъ рукой.

— Не читать? удивленно спросилъ Филатъ.

— Не читай. Чего тутъ читать, коли съ одного горе да горе! И такъ горя всякаго много, а ты тутъ со своимъ. Душа и такъ изныла, а онъ съ письмомъ...

Филатъ сталъ складывать письмо и пояснилъ:

— У нихъ овинъ трубками спалило.

— Оставь, говорятъ тебѣ! возвысилъ голосъ Зваровъ.—Накладывай, вонъ, себѣ варенья въ стаканъ и пей чай съ вареньемъ.

Филатъ отеръ слезу съ рябого лица и положилъ себѣ ложку варенья въ стаканъ. Всѣ молчали. Черезъ минуту Филатъ произнесъ:

— Какъ тутъ пошлешь на муку, коли самъ заработка лишаешься, коли самого берутъ въ солдаты. Какія крохи есть, такъ вѣдь и на себя надо оставить. Солдатская жизнь трудна.

— Еще бы... Жалованья грошъ съ денежкой, отвѣчалъ Зваровъ.—Но ужъ довольно, довольно объ этомъ.

XLIX.

Въ слѣдующій разъ Зварова отпустили изъ манежа уже въ формѣ сапернаго унтеръ-офицера. Солдатская одежда, однако, была плохо пригнана. Казакинъ на животѣ еле застегивался и одна изъ петель была уже оторвана, такъ что дома сейчасъ же ее пришлось пришить на новое мѣсто, да и вообще петли отставить. Галстухъ давилъ его толстую шею, фуражка безъ козырька была мала. Долго не нося оружія, онъ путался съ шашкой при ходьбѣ. Она сползала ему на животъ, и онъ задѣвалъ ею обо все. Вообще военная форма очень стѣсняла его, вездѣ жало, вездѣ подхватывало. Зваровъ еще не успѣлъ выстричься по формѣ и при своихъ длинныхъ волосахъ русской прически походилъ на казака. Были, однако, люди, которымъ онъ нравился въ формѣ.

— Совсѣмъ первостепенный кавалеръ, проговорилъ его сосѣдъ по городской лавкѣ, мелочной лавочникъ, когда увидалъ его проходившимъ мимо. — Теперь бы только Егорья пришпилить и грудь медалями завѣсить, прибавилъ онъ, улыбаясь.

Зваровъ укоризненно взглянулъ на него и произнесъ:

— Какъ тебѣ не стыдно и не грѣхъ! А еще пожилой человѣкъ.

— Что жъ, я отъ чистаго сердца.

— Хорошо чистое сердце, коли ужъ мнѣ и такъ горько!

— Извини, извини... Я не зналъ, что тебѣ будетъ обидно, забормоталъ лавочникъ.—Я не зналъ что тебѣ будетъ обидно... Прости.

— Дуракъ, стало быть, коли не зналъ!

Зваровъ вошелъ на дворъ и прошелъ къ себѣ въ квартиру. Увидавши его солдатомъ, Матрена такъ и ахнула, всплеснувъ руками и попятившись.

— Да неужто ужъ все кончено, голубчикъ нашъ сердечный!

— Только не реви! Только не реви! Не выть, погрозилъ ей Зваровъ.—Довольно ужъ я этой музыки наслушался. По горло сытъ.

Матрена все-таки всхлипнула.

Зваровъ, узнавъ, что лошадь находится при городской квартирѣ, велѣлъ Гаврюшкѣ закладывать и рѣшилъ ѣхать къ женѣ въ телѣжкѣ. Былъ вечеръ, и телѣжка была нагружена телятиной и первыми сортами мяса, чтобы везти въ дачную лавку.

— Ничего этого не надо. Вынуть и положить на ледникъ. Въ дачной лавкѣ торговлю будемъ постепенно изводить. Тамъ и того довольно, что есть. Лукерья Ивановна должна завтра сюда переѣхать, а тамъ останутся Захаръ и Игнашка, чтобы только долги по книжкамъ получить, отдалъ онъ приказъ приказчику Сидору, явившемуся помогать Гаврюшкѣ.

Кудрявый, бѣлокурый Сидоръ, увидавъ хозяина

солдатомъ, сталъ коситься на него и, наконецъ, осмѣлился спросить:

— Да неужто же, Евтихій Павлычъ, у васъ все кончено? Неужто не помиловали?

— Дѣлай свое дѣло и не разсуждай! строго сказалъ ему Зваровъ.—Видишь, что я солдатъ, ну и довольно.

— Да вѣдь я жалѣючи. Сейчасъ только у насъ въ лавку приходили и разсказывали, что много семейныхъ освобождено. Вотъ сейчасъ только.

— Дѣлай, что приказано. Выноси мясо на ледникъ. А жалѣть меня нечего. Ты жалѣй теперь Лукерью Ивановну и служи ей вѣрой и правдой, честно, чтобы ей безъ меня отъ здѣшней лавки на пропитаніе съ дѣтьми что-нибудь осталось.

— Да я готовъ... Конечно, уже для сиротъ мы обязаны, потому что безъ хозяина очень трудно женщинѣ. Это мы чудесно всѣ понимаемъ.

— Ну, то-то... Вотъ и старайтесь. Тутъ и будетъ жалость. Да дурь-то эту самую о праздничномъ отдыхѣ изъ головы выбросить надо.

Черезъ четверть часа Зваровъ ѣхалъ къ женѣ, трясясь въ телѣжкѣ.

Вотъ и дачная мѣстность. Былъ канунъ Иванова дня. На улицахъ Зваровъ замѣтилъ много чухонъ и чухонокъ въ праздничныхъ нарядахъ. Чухны были въ пиджакахъ поверхъ цвѣтныхъ фуфаекъ и съ трубками, чухонки отличались яркостью платьевъ и платковъ и грызли подсолнухи. Сегодня всѣ они рано покончили съ своими работами и высыпали для гулянки на улицѣ. Кое-гдѣ на пустыряхъ они приготовили смоленыя бочки, чтобы

ночью зажечь ихъ. Къ чухнамъ присоединились и русскіе съ гармоніями. Раздавалась безсмысленная, неумѣлая, рѣжущая ухо музыка. Пробѣгали по улицѣ, вылетая бомбой съ дачныхъ дворовъ, молодыя горничныя и неслись зачѣмъ-то въ булочныя, въ лавки и обратно. Ихъ задирали взрослые гимназисты въ блузахъ съ сучковатыми, неуклюжими палками. На одной изъ дачъ у нѣмцевъ развѣшивали на террасѣ цвѣтные фонарики, приготовляя иллюминацію.

Зваровъ остановился у лавки. Бывшая въ лавкѣ Лукерья Ивановна, завидя въ окно подъѣхавшую телѣжку, вышла на крыльцо. Сразу она не узнала мужа въ военной формѣ, но потомъ схватилась за сердце, прижавъ къ нему обѣ руки, и, поблѣднѣвъ, спросила мужа:

— Да развѣ ужъ совсѣмъ?..

— Совсѣмъ. Послѣзавтра насъ въ лагерь погонятъ. Можешь проводить меня на пароходѣ, отвѣчалъ Зваровъ, выпрыгнувъ изъ телѣжки, и споткнулся о шашку.—Ну, здравствуй... Видишь, какъ хорошо все устроилось. Я до осени въ лагеряхъ пробуду. Буду по праздникамъ тебя навѣщать. Да и ты ко мнѣ пріѣхать можешь. Не реви, не реви, будь умница, прибавилъ онъ, замѣтивъ слезы на глазахъ жены, и, передавъ возжи подскочившему Игнашкѣ, подошелъ къ женѣ и поцѣловалъ ее.

— И уже никакъ, никакъ теперь не отвертѣться? спрашивала она мужа, входя вмѣстѣ съ нимъ въ лавку.

— Покуда все кончено, а тамъ видно будетъ

Да еще хорошо, что такъ-то все кончилось. Иныхъ въ Кіевъ, иныхъ дальше угонятъ.

Онъ вошелъ въ лавку, поздоровался съ Захаромъ и сѣлъ на скамейку. Захаръ съ любопытствомъ разсматривалъ хозяина въ солдатской формѣ. О томъ, что Зваровъ пріѣхалъ въ формѣ, сейчасъ же распространилось по сосѣднимъ лавкамъ. Не прошло и получаса, какъ въ лавку вошелъ старичекъ табачникъ. Онъ держалъ какой-то сверточекъ въ бѣлой бумагѣ, перевязанный розовой ленточкой. Начались выраженія соболѣзнованія.

— Пожалуйста, не терзайте душу. Я уже успокоился, перебилъ его Зваровъ.

— Ну, хорошо, хорошо. Не будемъ объ этомъ говорить, согласился табачникъ.—Читали вы въ газетахъ, что за Нарвской заставой-то дѣлается? Голодуха среди путиловскихъ-то рабочихъ. Ребятишки хвораютъ некормленные.

— Гдѣ же читать-то, коли все время продержали взаперти, отвѣчалъ Зваровъ.

— Сначала-то забастовка, а потомъ самъ заводъ прекратилъ работы. Ужасное положеніе... Тамъ добрые люди начали уже открывать даровыя столовыя для дѣтей. Мясники жертвуютъ мясо... лабазники крупу... Стоитъ только послать открытку, чтобы прислали за пожертвованными продуктами... Дама одна собираетъ. У меня есть адресъ ея...

Табачникъ полѣзъ въ карманъ за адресомъ, но въ это время вошли въ лавку сосѣдъ-булочникъ, сосѣдъ-колбасникъ, мелочной лавочникъ въ передникѣ, портерщикъ въ бѣлой фуражкѣ.

— Перерядились уже во всю амуницію? Ну,

дай Богъ добрый путь-дорогу... послышались пожеланія.

— Никола вамъ путь! Онъ солдатскій защитникъ.

Очевидно, табачникъ всѣхъ ихъ созвалъ сюда. Они переминались съ ноги на ногу, чего-то ожидая, и табачникъ торжественно сталъ развязывать розовую ленточку свертка, а затѣмъ началъ говорить:

— Достоуважаемый Евтихій Павлычъ, позвольте намъ, добрымъ сосѣдямъ вашимъ по торговлѣ, тоже торговцамъ, пожелать счастія и удачъ на новомъ трудномъ тернистомъ пути, и примите на память вотъ этотъ складень. И да хранитъ васъ Богъ.

Табачникъ вынулъ изъ коробочки серебряный вызолоченный маленькій складень о трехъ иконахъ и передалъ Зварову. Тотъ расчувствовался, хотѣлъ цѣловаться съ сосѣдями, но выступилъ приказчикъ Захаръ.

— А это отъ меня... Это мой вопль... сказалъ онъ, вынувъ изъ-за передника съ груди бумагу, развернулъ ее и прочиталъ:

Идетъ съ приказчикомъ война.
Съ хозяиномъ воюетъ онъ,
Поставить отдыхъ чтобъ въ законъ.
Но не прикончилась она,
А ужъ хозяинъ взятъ въ солдаты.
Покинуть долженъ онъ дѣтей
И сбереженный рубль щербатый.
Оторванъ отъ торговли всей,
Прощается съ женой своей,
Когтями службы крѣпко сжатый.
Прощай, хозяинъ дорогой,
И будь здоровъ на службѣ той!

Захаръ свернулъ листъ и передалъ его Зварову.

Зваровъ цѣловался со всѣми и благодарилъ. Поцѣловалъ онъ и Захара, но не утерпѣлъ, чтобы не сказать ему:

— Спасибо тебѣ. Но лучше было бы, если бъ ты эту поэзію бросилъ и хорошенько занялся, чтобы безъ меня собрать долги съ покупателей по книжкамъ. Вѣдь на тебя только и надежда.

L.

Зваровъ опять имѣлъ два дня свободныхъ. Въ лагерь приказано было явиться только на третій день. Табачникъ хотѣлъ устроить ему отвальную въ мѣстномъ дачномъ трактирѣ, но онъ отказался отъ отвальной. Сосѣди-торговцы полагали, что онъ хоть самъ отблагодаритъ ихъ за поднесеніе складня приглашеніемъ къ себѣ на пирогъ, на что и намекалъ ему приказчикъ Захаръ, но онъ этого не сдѣлалъ. Ему не до того было. Все, что Зваровъ сдѣлалъ, чтобы отблагодарить торговцевъ — снялъ съ себя, съ жены и дѣтей фотографію у дачнаго фотографа и рѣшилъ поднести каждому изъ нихъ по оттиску этой группы, но снялся въ статскомъ платьѣ, до того была ему непріятна военная форма. Два свободныхъ дня онъ употребилъ на устройство своихъ дѣлъ и перевезъ жену съ ребятишками съ дачи на зимнюю квартиру, оставивъ при дачной лавкѣ Захара и Игнашку для

полученія долговъ по заборнымъ книжкамъ, рѣшивъ постепенно умалять въ ней торговлю.

— Съ вѣсу отпускай имъ самаго расхожаго мяса, а затѣмъ пусть каждый день и Захаръ свѣшиваетъ остатки, а за проданное получай каждый день съ него деньги, говорилъ онъ женѣ.— Такъ много не утянутъ. Ѣдятъ пусть въ волю и сами себѣ стряпаютъ. Ну, два-три фунта говядины скинешь. Хлѣбъ и крупу будутъ брать они для себя на книжку въ мелочной лавочкѣ, а потомъ, какъ закрыть лавку, заплатишь. Захара на зиму въ городскую лавку не бери. Ну его!.. Хоть онъ насчетъ утайки чего-либо замѣченъ не былъ, но все-таки стихотворецъ, а эта самая поэзія къ торговлѣ не подходитъ. Да и очень много о союзѣ приказчиковъ говоритъ. „Союзъ... сокращеніе часовъ торговли... праздничный отдыхъ“—только отъ него и слышишь. Словно попугай болтаетъ. Да тебѣ для здѣшней торговли довольно и тѣхъ приказчиковъ, что у насъ есть. Не бери... училъ Зваровъ жену.—Да если увидишь, что и здѣсь торговля не особенно спориться будетъ, то новаго приказчика, котораго я недавно нанялъ, тоже по боку... Тоже не ко двору онъ тебѣ будетъ. Перѣхалъ съ кроватью, пружинный тюфякъ у него, шкапъ для платья и бѣлья... Что за баринъ такой! Намъ нужны люди попроще... Тебѣ Игнашка его замѣнитъ, когда дачная лавка прикроется. Игнашка изъ мальчишекъ и получаетъ пять рублей въ мѣсяцъ, а вѣдь этотъ двадцать пять рублей. Ну, заломается Игнашка осенью насчетъ пяти рублей—

прибавишь ему еще два-три рубля. Все-таки выгоднѣе.

Лукерья Ивановна слушала мужа и перебивала его словами:

— Все исполню, голубчикъ... все будетъ сдѣлано, какъ вы говорите...

— Ну, то-то... Вѣдь я взялъ этого новаго для городской лавки потому, что торговля увеличилась, понаѣхали рабочіе и артели стали покупать дешевое мясо пудами; а къ зимѣ уѣдутъ рабочіе, такъ зачѣмъ тебѣ лишній приказчикъ? Надо на обухѣ рожь молотить, ты остаешься одна, безъ мужа, все равно что вдова...

Лукерья Ивановна при словѣ „вдова“ закапала слезами.

— Не кукси, не кукси... остановилъ ее Зваровъ. — Слезами ничего не возьмешь. Да надо и успокоиться. Такъ вотъ, такъ и сдѣлаешь. Поняла?

— Еще бы не понять.

Зваровъ дѣлалъ распоряженія, какъ будто бы онъ собирался умирать.

— Въ лагеряхъ мы простоимъ мѣсяца полтора... Раза два-три меня къ тебѣ отпустятъ, ну, а потомъ на зимнюю стоянку, продолжалъ онъ. — На зимнюю стоянку, если на войну не ушлютъ. Такъ ты пиши.

— Да неужели на войну?.. вскинула Лукерья Ивановна на мужа испуганный взоръ, и губы ея затряслись.—А вѣдь вы говорили...

— Мало ли что я говорилъ! Воля начальства. Я знаю, что насъ, запасныхъ, теперь обучать будутъ

въ лагеряхъ, а обучатъ, да если миръ заключенъ не будетъ, такъ воля начальства. Нешто я теперь свой человѣкъ? Чужой, весь чужой... Хотятъ—съ кашей меня ѣдятъ, хотятъ — изъ меня масло пахтаютъ. Былъ Зваровъ свой, вышелъ въ люди, сталъ наживать капиталъ, а теперь весь чужой! воскликнулъ онъ, вздохнувъ.

Голосъ его дрогнулъ, и онъ отвернулся.

— А какъ же, голубчикъ, насчетъ мира-то? Что въ газетахъ пишутъ? спросила Лукерья Ивановна.

— Да ужъ пріѣхали уполномоченные въ американскую землю для переговоровъ. А сойдутся ли въ условіяхъ—Богъ вѣсть. Главная статья, что очень ужъ насъ побили на этомъ самомъ Дальнемъ Востокѣ и на морѣ и на сушѣ, такъ теперь много съ насъ запросятъ. Можетъ статься, столько запросятъ, что и взять неоткуда. Да и въ газетахъ... Одни за миръ, а другіе за войну... Вотъ въ „Новомъ Времени“ статья за статьей, что не надо мира. А послалъ бы я самихъ этихъ газетчиковъ лобъ подъ пули японскія подставлять, такъ не такъ бы заговорили. Сейчасъ за миръ завели бы музыку, коли ихъ собственной шкуры коснулось бы. А имъ что! Война газетѣ деньги даетъ. Чѣмъ больше кровопролитій, тѣмъ больше газета раскупается.

Зваровъ искренно негодовалъ; негодовала и Лукерья Ивановна.

— Деньги — сила... продолжалъ онъ. — Изъ-за нихъ совѣстью кривятъ, изъ-за нихъ проворовываются, особливо, когда онѣ плохо лежатъ да уви-

дитъ ихъ такой гусь, который самъ никогда не наживалъ, а только на казенномъ плохенькомъ жалованьѣ сидѣлъ. Поѣхалъ туда на Дальній Востокъ совсѣмъ патріотомъ, а увидалъ, что кое-что плохо лежитъ во время переполоха и горячки,— ну, и цапъ-царапъ. Кто отъ провіанта, кто отъ амуниціи, кто отъ построекъ... Дѣло темное... Въ газетахъ то и дѣло пишутъ насчетъ того, что тамъ хапнуто, здѣсь хапнуто. Вѣдь не зря же пишутъ. Да писали бы зря, такъ за это и лопатки писакамъ скрутили бы. Я, бѣдный человѣкъ, на первой службѣ былъ, а долженъ былъ свои сапоги заказывать, потому что казенныхъ и на двѣ недѣли не хватало. Деньги—сила... повторилъ Зваровъ.— И ты черезъ это самое, какъ свой глазъ, береги все то, что я скопилъ и тебѣ передалъ. Береги, Лукерья Ивановна... У себя урви что-нибудь, а истинника, который есть, не тронь.

Зваровъ сказалъ торжественно и даже погрозилъ женѣ.

— Да что вы, Евтихій Павлычъ! Зачѣмъ же я ихъ трогать-то буду? испуганно произнесла она.

— Ну, то-то. А затѣмъ я долженъ теперь лошадь продать. Незачѣмъ ей быть у насъ... Только даромъ она будетъ овесъ и сѣно ѣсть.

— Да конечно же, продать... поддакнула жена.

Зваровъ на слѣдующій же день поѣхалъ на конную площадку и продалъ лошадь, телѣгу и сбрую.

— Не много мы съ тобой, ярославка, на своемъ конѣ покатались, сказалъ онъ женѣ, вернувшись

съ площадки.—Подрѣзали насъ солдатчиной, совсѣмъ подрѣзали! Ну, да и то сказать: хорошо еще, что не великъ убытокъ взялъ. Лошади-то изъ-за конской мобилизаціи въ цѣнѣ.

Онъ горевалъ, горевалъ тихой, покорной грустью. А въ душѣ его все-таки еще была надежда, хоть и слабая, что его почему-либо могутъ освободить отъ службы. Въ своемъ замшевомъ кошелькѣ онъ носилъ газетныя вырѣзки, гдѣ обличались случаи лицепріязненнаго освобожденія запасныхъ нѣкоторыми воинскими начальниками. Онъ для чего-то собиралъ ихъ. Тамъ, между прочимъ, лежала и вырѣзка краткой корреспонденціи изъ Олонецкой губерніи объ освобожденіи отъ службы мясника-подрядчика, поставщика мяса для воинскихъ частей, который медицинскимъ освидѣтельствованіемъ былъ признанъ годнымъ.

„Случаи есть,—стало быть, можно, разсуждалъ Зваровъ.—Въ газетахъ пишутъ. А вѣдь газетчики не о двухъ головахъ: за ложное и отвѣтить можно“.

Онъ посмотрѣлся въ стекло зеркальнаго шкапа и хлопнулъ себя по животу.

— Какой я буду саперъ, коли у меня такой животъ, что даже казакина впору для меня не могли подогнать! проговорилъ онъ женѣ.—Смотри, еле застегивается. А я еще похудѣлъ отъ передряги.

— Касатикъ, болѣзный мой, обратилась къ нему слезливо Матрена, подававшая самоваръ.—Да въ солдатской-то службѣ нешто не обезбрюшатъ тебя? Живо обезбрюшатъ. Вѣдь не на своей волѣ. Ино

не допьешь, ино не доѣшь — и вся твоя тѣлесность съ тебя спадетъ.

Слова Матрены онъ оставилъ безъ отвѣта, а женѣ сказалъ:

— А шкапа этого, Лукерья Ивановна, не продавай, ни за что не продавай. Пусть этотъ шкапъ тебѣ на память отъ мужа останется.

— Зачѣмъ же я его продавать-то буду, голубчикъ!

— Мало ль какая нужда можетъ случиться у бабы безъ мужа! А только не продавай. Выростетъ Дунька большая, будемъ выдавать ее замужъ—ей въ приданое пойдетъ.

Онъ любовался шкапомъ.

Изъ лавки вернулись домой приказчики, покончивъ торговлю, и приказчикъ Сидоръ сказалъ Зварову:

— У фабричныхъ голодовка началась. Заводы-то вѣдь нѣкоторые закрыли послѣ забастовки.

— Сами виноваты... Не бастуй, пробормоталъ Зваровъ.—Да тебѣ-то что?

— Нѣтъ, я къ тому, что сейчасъ приходили въ лавку двѣ барышни и просили пожертвовать мясца для даровыхъ столовыхъ. Даровыя столовыя открываютъ и по всѣмъ лавкамъ ходятъ и просятъ, чтобы тоже жертвовали, такъ вотъ я изъ-за чего. Дѣти, говорятъ, очень мрутъ. Такія хорошія барышни приходили. Не шишгаль какая-нибудь. Обѣщались завтра придти за отвѣтомъ, прибавилъ онъ.

Зваровъ угрюмо задумался.

— Дѣти-то вѣдь ни въ чемъ не виноваты.

Мало ли что тамъ ихъ отцы!.. Несчастныя ребятишки... ' сказала Лукерья Ивановна со вздохомъ и погладила по головкѣ сидѣвшую у ней на рукахъ Дуньку.

Приказчикъ переминался съ ноги на ногу и ждалъ отвѣта.

— Отпусти имъ полъ-пуда грудины подъ расписку. Пусть поминаютъ за здравіе воина Евтихія. Да черкасской-то говядины не давай, хороша и русская.

LI.

Къ вечернему чаю вызвали Зваровы и приказчика Филата, который все еще имѣлъ пристанище у нихъ въ городской квартирѣ. Филатъ былъ также въ военной формѣ и ужъ остригшись по-военному. Русской крестьянской прически какъ не бывало, вслѣдствіе чего лицо его совсѣмъ измѣнилось, хотя борода осталась и неподстриженной. На рябомъ подбородкѣ Филата она, впрочемъ, росла плохо. Лукерья Ивановна взглянула на него и слегка улыбнулась.

— Словно ты изъ больницы вышелъ послѣ стрижки-то, сказала она ему.—Словно облѣзлый.

— Похоже на то, отвѣчалъ Филатъ и прибавилъ:—По нашей старой вѣрѣ вѣдь такъ корнать себя не полагается. Когда стригся, такъ, вѣрите ли, чуть не плакалъ—вотъ до чего обидно. Хорошо

еще, что бороду брить не требуютъ... вздохнулъ онъ.

— Придется и мнѣ завтра обкорнаться и принять обликъ солдатскій, произнесъ Зваровъ, тряхнувъ все еще длинными волосами.

Онъ сталъ разсчитываться съ Филатомъ, которому пришлось зажитыхъ денегъ всего только тридцать съ чѣмъ-то рублей.

Филатъ опять вздохнулъ, принявъ деньги, и проговорилъ:

— Вѣдь вотъ ужъ теперь всякая заработка кончилась. А великъ ли запасъ-то? Изъ этихъ денегъ завтра придется брату десять рублей на муку послать въ деревню. Не погибать же ему съ голоду, хотя мнѣ и самому трудно. Дѣла-а-а! покрутилъ онъ головой.—По настоящему-то, родня солдату помогать должна, а тутъ солдатъ помогай роднѣ. Въ какое трудное время войну-то тянутъ. Хорошо еще, что я чуйку овчинную продалъ!.. Но зато сапоги новые купилъ, прибавилъ онъ.—Солдату и безъ своихъ сапогъ почти невозможно...

— А вольную одежду?.. Куда ты вольную одежду дѣнешь? спросилъ его Зваровъ.

— Попрошу хозяюшку ее поберечь. Ужъ пожалуйста, Лукерья Ивановна, сохраните. Выпустятъ со службы, такъ потомъ все-таки будетъ во что переодѣться.

— Ладно, оставляй. Мы сохранимъ.

— Если бы не голодуха, я брату послалъ бы въ деревню свою одежду... А теперь проѣстъ. Голодъ не тетка.

— Мою шубу на лисьихъ бедеркахъ береги,

Луша... напомнилъ женѣ Зваровъ. — Почаще ее встряхивай, вели Гаврюшкѣ выколачивать. Да вотъ еще что... Не забывай маменькѣ каждый мѣсяцъ по десяткѣ въ деревню посылать. За іюнь я послалъ, а въ будущемъ мѣсяцѣ пошли.

— А если торговля будетъ плоха? возразила Лукерья Ивановна, не любившая свекровь.

— Ну, шесть пошли, а все-таки пошли. Да вѣдь объ этомъ спишемся. Ты мнѣ писать должна насчетъ торговли, когда меня изъ Петербурга уберутъ. А маменькѣ я вчера послалъ письмо, что меня берутъ въ солдаты, и слезно съ ней простился, написалъ, что помощь ты ей будешь высылать попрежнему. То-то поплачетъ старуха! У старыхъ людей глаза-то на самомъ мокромъ мѣстѣ.

Зваровъ отеръ невольную слезу.

— А я-то нешто мало объ васъ плакала! укоризненно замѣтила ему Лукерья Ивановна.

— Ты что жъ это: ревновать? Къ маменькѣ ревновать? У! Курносая!

Зваровъ улыбнулся сквозь слезы и шутливо тронулъ жену пальцемъ по носу.

Они оба заплакали. Заплакалъ и сидѣвшій съ ними Филатъ.

— Икону мою большую, родительское благословеніе, также сохраните, хозяюшка, обратился къ Лукерьѣ Ивановнѣ Филатъ.—Я обернулъ ее въ ручникъ и спряталъ въ коробокъ. Сохраните... Гдѣ-жъ солдату съ такой большой иконой вязаться. Да и не люблю я, коли чужіе на наши старыя иконы молятся.

— Хорошо. Сохраню...

— А ежели на войну ушлютъ меня, да убьютъ— брату въ деревню все мое добро перешлете. Ну-съ, за чай, за сахаръ...

Филатъ отеръ слезы, поклонился и отправился въ приказчицкую.

Спустилась ужъ сѣро-фіолетовая іюньская ночь, когда съ дачи пріѣхалъ приказчикъ Захаръ.

— Ты зачѣмъ? встрѣтилъ его удивленно Зваровъ.

— Семнадцать рублей долгу по заборной книжкѣ привезъ. Завтра вѣдь уѣзжаете въ лагери, такъ вотъ я и привезъ, отвѣчалъ Захаръ.—Совсѣмъ плохо, Евтихій Павлычъ, съ долгами. Всѣхъ чиновниковъ нашихъ обошелъ, и всѣ сулятся, что только въ будущемъ мѣсяцѣ заплатятъ—нужды нѣтъ, что недавно двадцатое число было и они только что жалованье получили. Плохо. Вотъ получайте.

Онъ передалъ деньги и записку, отъ кого онѣ получены.

— Только зря хозяйскія деньги проѣзжаешь, ворчалъ Зваровъ. — Могъ бы потомъ и Лукерьѣ Ивановнѣ передать. Ты смотри, завтра въ дачную лавку не опоздай. А то тамъ одинъ Игнашка.

— Съ первымъ же поѣздомъ потрафлю. А на станціи у насъ красная афишка вывѣшена: спектакль въ пользу голодающихъ, разсказывалъ Захаръ.—Приходили въ лавку двѣ дамы и предлагали билеты на спектакль... Но мы что жъ?.. Сказали, что хозяева въ отъѣздѣ...

— Сейчасъ только велѣлъ на даровыя столовыя для заводскихъ полъ-пуда мяса отпустить. Тѣ же

голодающіе... сказалъ Зваровъ и прибавилъ:— Теперь ужъ пойдетъ со всѣхъ сторонъ... То собирали на раненыхъ. Теперь пошло на голодающихъ. Откуда только денегъ набраться!

— Съ міра по ниткѣ—голому рубаха, Евтихій Павлычъ...

— Правильно. Ну, а если голыхъ-то будетъ больше, чѣмъ одѣтыхъ? А теперь къ тому идетъ. Разореніе-то со всѣхъ концовъ наступаетъ. Тамъ неурожай, здѣсь безкормица, въ третьемъ мѣстѣ погорѣлое—пожаромъ все село слизнуло, такъ съ кого же нитки-то брать? Да кромѣ того, въ газетахъ пишутъ, что крестьяне и помѣщичьи усадьбы жгутъ. Дастъ нешто этотъ помѣщикъ что-нибудь на голодающаго мужика?

— Говорятъ, что съ богатыхъ монастырей хотятъ взять. Богатые монастыри притаились и молчатъ. Я читалъ въ газетахъ. Прямо на монастыри указываютъ.

Зваровъ погрозилъ Захару пальцемъ.

— Ну, ты, господинъ стихотворецъ, говорить говори, да не заговаривайся! сказалъ онъ.

— Ей-ей, Евтихій Павлычъ, читалъ въ газетахъ. Да и что жъ изъ этого? Монахи сытые, а тутъ повсюду мужики голодные. Подѣлиться должны. Такъ и въ Писаніи говорится. Право слово, въ газетахъ .. увѣрялъ Захаръ.

— Мало ли что въ газетахъ... А ты помалкивай. Садись. Пей чай-то... Чай хорошій, еще не спитой... Напослѣдяхъ хозяинъ тебя угощаетъ.

— Благодаримъ покорно.

Захаръ присѣлъ къ столу.

Зварову завтра утромъ слѣдовало ѣхать въ лагерь, и онъ началъ приготовлять для себя небольшой парусинный саквояжъ съ пожитками, укладывая туда бѣлье, полотенца, чай, сахаръ, баранки, складное зеркальце, гребенку. Лукерья Ивановна подавала ему все это. Положили въ саквояжъ и большую расписную чашку съ надписью „пей еще“; запихнули и мѣдный чайникъ для заварки чаю туда же.

Захаръ сидѣлъ, пилъ жидкій чай и разсказывалъ:

— А дача наша теперь какъ сирота безъ хозяйки. И грустно, грустно въ ней таково... Пустой домъ... Мы что жъ... Я съ Игнашкой только на ночь... а остальное время мы въ лавкѣ... Вчера даже и плиту не топили... Варево и каша были старыя, такъ у дворничихи разогрѣвали... И дворничиха Афимья не приходила колотырничать. При хозяйкѣ, бывало: тра-та-та-та... Заведетъ шарманку, и не удержишь. А вчера тихо... Только кошка чья-то чужая забралась черезъ окно и мяукала. Прямо: домъ сирота. Домъ сирота... Есть даже такое стихотвореніе „Домъ сирота“... Я читалъ. Грустное, грустное такое... Послѣ вашего отъѣзда я самъ такое же стихотвореніе думаю начертить. Начало я даже ужъ придумалъ:

Оставилъ домъ, семью родную,
Оставилъ лавочку свою...

Разсказъ Захара опять сталъ наводить грусть на Зварова. Слезы снова начали сжимать ему горло.

— Ну, ты скоро чай-то допьешь? спросилъ Зваровъ.—Торопись, да уходи... Намъ спать ложиться

пора. Намучились мы сегодня съ женой. Еле ноги носятъ.

Захаръ быстро допилъ стаканъ, опрокинулъ его на блюдечко кверху дномъ и ушелъ, попрощавшись съ хозяиномъ.

Черезъ полчаса весь домъ улегся на покой.

LII.

Зваровъ отправлялся въ Ижорскій лагерь на службу. Путь туда пароходомъ. Къ десяти часамъ утра подъѣхалъ на извозчикѣ вмѣстѣ съ женой и дѣтьми къ пристани у Лѣтняго сада. Съ нимъ были жена и дѣти, небольшой парусинный саквояжъ съ немудрыми солдатскими пожитками, новые сапоги, привязанные къ саквояжу, подушка въ красной кумачевой наволочкѣ и хорошее байковое одѣяло тигроваго рисунка. Рѣшено было, что Лукерья Ивановна и дѣти проводятъ его до пристани Лагерь и съ обратнымъ пароходомъ вернутся въ Петербургъ. Кромѣ жены и дѣтей, его никто на провожалъ.

Актъ „вольной“ жизни Зварова кончался, какъ называютъ эту жизнь солдаты, начинался актъ подневольной „казенной“ жизни. Ни Зваровъ, ни Лукерья Ивановна, ни дѣти больше ужъ не плакали, не видно было у нихъ и заплаканныхъ глазъ. Зваровъ былъ возбужденъ и даже веселъ. Расплачиваясь съ извозчикомъ, онъ шутилъ.

Дома, передъ отъѣздомъ на пароходъ, прощаясь съ приказчиками и своимъ сосѣдомъ по зимней лавкѣ, зеленщикомъ Раструбинымъ, онъ за закуской выпилъ съ ними двѣ-три рюмки, и у него, какъ у рѣдко пьющаго человѣка, вино подняло нервы.

Во время своей первой солдатской службы онъ много разъ ѣздилъ на Шлиссельбургскихъ пароходахъ, и, войдя на пароходъ, говорилъ женѣ:

— Здѣсь на пароходахъ очень фасонисто и вкусно всякое рыбное готовятъ. Попотчую васъ на прощанье... Поѣдимъ селяночки рыбной и потребуемъ чайку, чтобъ лакомъ покрыть. Ребятишкамъ сладкихъ пирожковъ къ чаю можно... Да и ты сжуешь.

Онъ прошелъ въ первый классъ, гдѣ было меньше пассажировъ, и только что расположился съ женой и дѣтьми около столика, какъ на него наскочилъ матросъ и закричалъ:

— Здѣсь солдатамъ нельзя! Чего разсѣлся? Проходи во второй классъ.

— Отчего? Въ какихъ смыслахъ?.. Да мы деньги заплатимъ... возвысилъ голосъ Зваровъ.

— Отчего!.. Солдатъ, а не знаешь своего положенія! Солдаты во второмъ классѣ... Вонъ гдѣ солдаты... Съ той стороны...

— Намъ только закусить... Я съ женой и ребятишками...

— Проходи, проходи въ корму... Нечего разговаривать! Тутъ публика... офицерство ѣздитъ.

Зваровъ вспомнилъ, что „нижнимъ чинамъ“, дѣйствительно, полагается ѣздить только во второмъ классѣ, и, забравъ пожитки, сталъ перебі-

раться съ женой и дѣтьми во второй классъ. Матросъ, не довѣряя ему, сопровождалъ его и уже мягче объяснялъ ему:

— Тамъ и закусить можешь, тамъ и выпьешь, коли деньги есть. Буфетъ-то вѣдь во второмъ классѣ. Опустись внизъ въ каюту - вотъ тебѣ и закуска. А то разсѣлся въ первомъ классѣ!

Второй классъ отличался многолюдіемъ. Ѣхали и другіе солдаты, тоже, очевидно, запасные, призываемые на службу. Одинъ еще не обстриженный, въ кучерской прическѣ съ выбритымъ затылкомъ, изрядно пьяненькій, сидѣлъ на скамейкѣ, обнявъ молодую женщину въ платочкѣ на головѣ, въ кофточкѣ и съ краснымъ зонтикомъ, и, держа ее за талію, шепталъ ей что-то. Она слезилась и жевала баранки, отламывая ихъ отъ связки, которую держала въ рукѣ. Другой солдатъ, саперъ, съ оттопырившимся карманомъ брюкъ, изъ котораго выглядывало горлышко бутылки, тоже пьяненькій, сидѣлъ, прищуривъ красные, воспаленные отъ вина глаза, и пѣлъ пѣсню. Третій саперъ, черненькій, съ прыщавымъ краснымъ носомъ, цѣловался съ молодымъ человѣкомъ въ пиджакѣ, въ картузѣ и съ серьгой въ ухѣ и заплетающимся языкомъ говорилъ:

— Прощай, Миша, прощай! Не поминай лихомъ Пантелея Григорьича! За васъ, антиллеристовъ, погибаемъ. За васъ, чертей... Вы антиллеристы и моложе насъ призывомъ, а не взяты, а мы, саперы, взяты. За что такой рокъ судьбы? За что? Прощай, Миша! Кланяйся всѣмъ нашимъ полѣстницѣ. Кланяйся во всѣхъ пяти этажахъ...

Швейцаръ, молъ, Пантелей... Ахъ, ты, елова шишка!

Поцѣлуи слѣдовали безъ конца.

Зваровъ несъ пожитки, велъ за собой жену и дѣтей и отыскивалъ себѣ мѣсто. Ему стыдно было, что простой матросъ могъ согнать его съ мѣста, и онъ, какъ солдатъ, долженъ былъ повиноваться ему.

„Вотъ она, солдатская-то жизнь! Началось подневольное житье... думалъ онъ съ грустью.—А чѣмъ солдатъ хуже вольнаго человѣка? И чисто одѣвшись, и все этакое... А вотъ: пошелъ вонъ изъ кона... И службу несешь, и отъ семьи оторванъ, и всякій тебѣ тычетъ въ глазъ, что ты солдатъ... Матросъ... А вѣдь у меня шесть человѣкъ приказчиковъ, которые передо мной дрожали“...

Во второмъ классѣ было тѣсно. На скамейкахъ все было занято. Зваровъ съ трудомъ отыскалъ мѣсто для жены и дѣтей, хотѣлъ положить свои пожитки, но, вмѣсто того, выронилъ ихъ изъ рукъ. Изъ буфета вышелъ, звеня шпорами и прожевывая что-то, молодой офицеръ. Зваровъ вытянулся во фронтъ и взялъ подъ козырекъ, припоминая прежнюю службу. Офицеръ отмахнулся и прошелъ.

— Посидите покуда здѣсь... А я схожу и поищу мѣсто въ каютѣ. Нѣтъ ли тамъ свободнаго столика. Тогда закажу слугѣ селянку и займемъ столикъ. Закусить необходимо... Ничего еще не извѣстно, когда насъ сегодня къ казенному котлу допустятъ. Павля, пойдемъ... Если есть мѣсто, то я его тобой и займу, обратился онъ къ сынишкѣ и пошелъ съ нимъ въ каюту второго класса.

Когда Зваровъ вернулся за женой, пароходъ подходилъ ужъ къ Воскресенской пристани за пассажирами. На пристани пассажировъ было много, и главнымъ образомъ солдаты. Съ палубы Зваровъ сталъ ихъ разсматривать и увидѣлъ бѣлокуренькаго тщедушнаго нѣмца въ очкахъ, приказчика изъ аптекарскаго склада, а также и бородатаго артельщика изъ банка. Оба они были въ военной формѣ и садились на пароходъ. Среди солдатъ здѣсь былъ одинъ настолько пьяный, что спалъ, обнявъ прикрытую рогожей бочку съ товаромъ. Его расталкивали и не могли растолкать. Присутствовавшіе на пристани и стоявшіе у борта на пароходѣ жалѣли его.

— Запасный... Опоздаетъ явиться къ сроку, такъ въ отвѣтъ попадетъ... говорили на пароходѣ.— Послушайте, матросъ, внесите его на пароходъ. По дорогѣ до лагерей онъ проспится.

— Проспится... Хорошо, если проспится. А проснется, да забуянитъ на пароходѣ? Что тогда? отвѣчали матросы.

На пристани относились къ пьяному запасному снисходительно.

— Лучше пусть здѣсь отлежится. Съ слѣдующимъ пароходомъ переправимъ его, говорилъ какой-то служащій пароходства, съ пачкой накладныхъ на товаръ.

Но тутъ два сапера подняли пьянаго солдата подъ руки и силой втащили его на пароходъ.

— Ребята! Солдатики! Вы все-таки наблюдайте за нимъ! кричали солдатамъ съ пристани. — А то какъ бы онъ не набѣдокурилъ чего

— Рыба... Вареная рыба, а не человѣкъ... Чего

тутъ набѣдокурить!.. отвѣчали про пьянаго солдаты.

Бѣлокураго нѣмца въ очкахъ сопровождала какая-то молоденькая брюнетка въ соломенной шляпкѣ съ красными гвоздиками, очень недурненькая и вообще со вкусомъ одѣтая. У нѣмца на казакинѣ тоже была приколота гвоздика. Придерживая шашку, онъ велъ дѣвушку подъ руку, увидалъ Зварова и поздоровался съ нимъ.

— Съ фамиліей ѣдете? спросилъ его нѣмецъ въ очкахъ, на нѣмецкій манеръ, указывая на Лукерью Ивановну и дѣтей.—Семейство васъ провожаетъ? Меня тоже невѣста провожаетъ... Это невѣста... Осенью должна бы быть свадьба... Но не удалось... хотя...

Онъ не договорилъ, вытянулся и приложилъ къ козырьку фуражки руку. Мимо ихъ проходилъ офицеръ. Стоялъ на вытяжкѣ и Зваровъ, пока офицеръ не прошелъ.

— Ну, что жъ, пойдемъ ѣсть селянку-то, позвалъ Зваровъ жену, и они стали спускаться въ каюту второго класса.

— Легонькій фриштикъ задумали? спрашивалъ его нѣмецъ въ очкахъ, слѣдуя со своей спутницей за ними въ каюту.—Не мѣшаетъ и намъ покушать. А ваша супруга до какой пристани ѣдетъ васъ провожать? задалъ онъ вопросъ.

— До Лагеря.

— Зачѣмъ до Лагеря? Тамъ ей придется долго ждать обратнаго парохода. Меня будутъ провожать только до пристани Зиновьево... Совѣтую и вамъ отпустить... Такъ будетъ скорѣе.

— Слышишь, что товарищъ-то говоритъ? обратился Зваровъ къ женѣ.—Сходи и ты у Зиновьева, скорѣе дома будешь, скорѣй на дѣло станешь. Довольно... Попрощаемся честь-честью на пароходѣ, и выходи. Дальніе проводы—лишнія слезы.

— Какъ хотите, Евтихій Павлычъ... Воля ваша... отвѣчала супруга.

— Ну, такъ вотъ вмѣстѣ съ этой барышней и выходите.

Зваровы сѣли за столъ близъ буфета. Слуга ставилъ передъ ними приборы.

LIII.

Зваровъ съ семьей помѣстился за столикомъ совсѣмъ около стойки буфета и сейчасъ же замѣтилъ, что мѣсто его для нижняго чина было совсѣмъ неудобное. Къ стойкѣ то и дѣло подходили изъ перваго класса офицеры, чтобы выпить рюмку водки, и ему приходилось вставать, вытягиваться и отдавать честь. Онъ хотѣлъ пересѣсть на другое мѣсто, но въ каютѣ всѣ столики были уже заняты. Слуга, которому онъ заказалъ двѣ порціи селянки и порцію котлетъ для дѣтей, видя его въ солдатской формѣ и опасаясь его денежной несостоятельности, прежде чѣмъ подать, предупредилъ его о цѣнѣ кушанья.

— Смотри, кавалеръ, здѣсь вѣдь не закусочная, и ѣда не дешево стоитъ. Селянка по полтиннику, а котлета съ бобами семь гривенъ.

Зваровъ вспылилъ при такомъ предупрежденіи и воскликнулъ:

— Да я тебя куплю, перекуплю и выкуплю. Подавай, коли приказано! Шестерка несчастная! бросилъ онъ ему обидное прозвище.—Думаешь, что солдатъ, такъ и шильникъ. Я отъ торговли взятъ. У меня у самого почище тебя одровъ шесть штукъ въ услуженіи осталось.

— Да полно вамъ... Бросьте... кротко останавливала Зварова Лукерья Ивановна.

— Какъ бросить! Ихъ надо учить! Думаетъ, что солдатъ, такъ ужъ и шильникъ.

— Я только предупредилъ... виновато произнесъ слуга.—Зачѣмъ же сердиться такъ?..

— Подать сюда бутылку мадеры! вдругъ отдалъ приказъ Зваровъ только для того, что бы показать слугѣ свою состоятельность.

— Въ какую цѣну прикажете?

— Ну, въ два рубля, что ли...

— Въ два рубля мадеры нѣтъ-съ... Два съ полтиной.

— Ну, въ два съ полтиной... самодовольно проговорилъ Зваровъ и молодцовато поправилъ на головѣ набекрень фуражку безкозырку.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ его, заслыша шумъ, нѣмецъ въ очкахъ.

Зваровъ разсказалъ ему и прибавилъ:

— Безъ понятіевъ къ жизни... Не умѣютъ различать публику... Нынче изъ запаса въ солдаты всякаго сорта взяли. Я торговый человѣкъ, я на двадцать тысячъ въ годъ оборота дѣлалъ.

— Можно около васъ присѣсть? спросилъ нѣ-

мецъ, пощипывая рѣденькую бѣлокурую бородку. — Ищу, ищу мѣста, чтобы съ барышней присѣсть, и не могу найти.

— Пожалуйста... Сдѣлайте одолженіе... Мы сейчасъ немного потѣснимся, сказалъ Зваровъ.

Нѣмецъ сѣлъ на уголкѣ за столъ, посадилъ противъ себя на табуретку дѣвушку въ шляпкѣ съ красными гвоздиками, заговорилъ съ ней понѣмецки и тотчасъ же заказалъ слугѣ двѣ порціи сосисокъ съ капустой и двѣ чашки кофе.

Зварову подали селянку, бутылку мадеры и рюмки.

— Не прикажете ли? предложилъ онъ нѣмцу вина.—Да и вашей барышнѣ рюмочку. Сладенькое... Моя супруга тоже выпьетъ. Это ужъ на прощанье.

Нѣмецъ почему-то сконфузился.

— Мы хотѣли потомъ пива. Но, впрочемъ, пожалуй. По-товарищецки можно, произнесъ онъ.

Они чокнулись, выпили, и Зваровъ сталъ разливать селянку.

— Кушай, Луша, хлебай... Это ужъ напослѣдяхъ съ хозяиномъ, обратился онъ къ женѣ, но только поднесъ ко рту свою ложку съ кускомъ рыбы, какъ къ буфету подошелъ офицеръ и спросилъ себѣ рюмку водки. Зваровъ моментально опустилъ ложку въ тарелку, вскочилъ съ мѣста, вытянулся во фронтъ и приложилъ руку къ виску, продолжая такъ стоять, пока офицеръ не выпилъ водки и не взялъ съ тарелки бутерброда. Стоялъ на вытяжкѣ и нѣмецъ.

Офицеръ махнулъ имъ рукой, чтобы они садились, и удалился.

— Неужто ужъ и за ѣдой надо козырять офицерству? спросила мужа Лукерья Ивановна.

— Такая ужъ служба солдатская... Такое положеніе. Ничего не подѣлаешь, отвѣчалъ тотъ со вздохомъ и принялся ѣсть.

Нѣмецъ только развелъ руками, меланхолически покачалъ головой и заговорилъ съ дѣвицей по-нѣмецки.

Подошелъ еще знакомый Зварову запасный,— артельщикъ съ широкой бородой. Борода его была расчесана и плотно ложилась на казакинъ, такъ что на половину прикрывала значокъ за отличную стрѣльбу, полученный имъ въ первую службу. Онъ былъ уже навеселѣ.

— Питаетесь? спросилъ онъ пѣвучимъ голосомъ.— А я такъ на ходу позаправился, сказалъ онъ.—Подойду къ буфету, опрокину посудинку и пару бутербродцевъ съѣмъ. Потомъ опять. Тешка осетровая малосольная здѣсь очень чудесная. Не въ каждомъ хорошемъ трактирѣ такую найдешь.

— Рюмочку мадерки, товарищъ, не прикажете ли? предложилъ ему раскутившійся Зваровъ.

— Мадерки? Мадера не вредитъ. Имѣй вѣру, пей мадеру и будешь здравъ, произнесъ онъ, улыбаясь, выпилъ протянутую ему рюмку и спросилъ:—А чѣмъ же я-то васъ угощать буду? Хотите лимонадцу съ коньякомъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, я вѣдь виномъ не балуюсь. Это такъ только... на прощанье съ женой... отвѣчалъ Зваровъ, аппетитно хлебая селянку.

— Супруга? Очень любопытно... Продолжать торговлю безъ мужа, говорятъ, будете? Похвально для дамы.

И артельщикъ протянулъ Лукерьѣ Ивановнѣ руку.

— Черезъ полчаса въ Зиновьевѣ будемъ. Надо спускать на пристань нашихъ дамъ, напомнилъ Зварову нѣмецъ, покончивъ съ сосисками и приступая къ питью кофе.

Вотъ и возгласъ матроса: „Пристань Зиновьево!“

Зваровъ и нѣмецъ засуетились и стали выводить изъ каюты провожающихъ ихъ женщинъ.

— Не убирай здѣсь со стола. Вернемся и допьемъ здѣсь, сказалъ Зваровъ слугѣ.

Вотъ и пристань Зиновьево, съ высящимся на холмѣ громаднымъ барскимъ домомъ съ лѣстницей, уставленной статуями, спускающейся къ рѣкѣ. Пароходъ, давая задній ходъ, подходилъ къ пристани. Матросъ кидалъ на пристань сторожу петлю каната для причала. Зваровъ наскоро поцѣловалъ плачущую жену и перекрестилъ ее. Перекрестила и она его. Затѣмъ онъ чмокнулъ сына Павлю, протянулъ руки къ дочкѣ Дунѣ, чтобы поцѣловать и ее, но та заревѣла и отвернулась отъ него. Она все еще не могла привыкнуть къ отцу въ его солдатской одеждѣ. Лукерья Ивановна опять прижалась къ мужу, обхвативъ его за шею свободной отъ Дуни рукой.

— Выходите, господа, выходите! Не задерживайте пароходъ! кричалъ кассиръ парохода, и высадилъ на пристань Павлю и Лукерью Ивановну съ ребенкомъ.

Пароходъ отваливалъ. Зваровъ и нѣмецъ въ очкахъ махали платками. Лукерья Ивановна и барышня въ шляпкѣ съ красными гвоздиками отвѣчали имъ съ пристани. Дабы видѣть ихъ дольше, Зваровъ и нѣмецъ поднялись по лѣстницѣ на верхнюю палубу и продолжали махать платками, но тотчасъ же около нихъ раздался голосъ матроса:

— Войско! Здѣсь нельзя вамъ... Здѣсь первый классъ. Сойдите внизъ во второй классъ.

— Такъ возьми приплату за первый классъ! А мы не пойдемъ! раздраженно сказалъ нѣмецъ въ очкахъ.

— Какіе вы безпонятливые! Совсѣмъ нельзя солдатамъ въ первый классъ... Верхняя палуба для солдатъ не полагается. Тутъ господа... Проходите, проходите... Будетъ вамъ платками-то махать!.. упорствовалъ матросъ.

Зваровъ и нѣмецъ сошли съ верхней палубы и направились въ каюту. Нѣмецъ негодовалъ.

— Въ Германіи тоже такъ... Я былъ въ Берлинѣ, видѣлъ. Но зачѣмъ это такъ, если у солдата есть деньги? Зачѣмъ, если всѣ служить должны! Зачѣмъ такое исключеніе? говорилъ онъ.—Вѣдь здѣсь на пароходѣ, а не на службѣ. Это ужасно! Это обидно! Правильно я, товарищъ?

— Чего еще чище! поддакнулъ ему Зваровъ.— Словно шкуру обстоятельный человѣкъ перемѣнилъ, коли солдатскую форму на себя надѣлъ Гдѣ бы почтеніе ему за его даровую службу оказать, а его съ горы скатываютъ.

Онъ сдѣлался мраченъ; нѣкоторая веселость, которой онъ сегодня отличался при женѣ, исчезла.

Допивъ вмѣстѣ съ нѣмцемъ остатки мадеры, онъ началъ собирать свои пожитки. Пристань Лагерь, гдѣ нужно было сходить запаснымъ, была уже близко. Зашевелились и другіе запасные и начали выходить изъ каюты.

Вышелъ на палубу и Зваровъ, вынося свои пожитки. На палубѣ одинъ сильно захмелѣвшій запасный плакалъ, пиликалъ на гармоніи и сквозь слезы напѣвалъ:

— Играй, играй, гармонь моя! Послѣдній день гуляю я ..

Пароходъ гудѣлъ свисткомъ, подъѣзжая къ пристани Лагерь. У самой пристани виднѣлся домикъ Штаба, привѣтливой дачной архитектуры. На пристани стояло нѣсколько солдатъ въ саперныхъ рубахахъ и суетился пожилой откормленный фельдфебель. Пароходъ причалилъ. Запасные начали выходить на пристань. Зваровъ перекрестился, затѣмъ взвалилъ на спину свой саквояжъ съ привязанными къ нему новыми сапогами, взялъ въ руку подушку и одѣяло въ ремняхъ и тоже вышелъ.

Пароходъ отваливалъ. На пристани суетились запасные съ своими пожитками. Одного пьянаго запаснаго два товарища держали подъ руки, а тотъ отъ нихъ вырывался. Запасный съ гармоніей кричалъ, что забылъ на пароходѣ свою подушку. Фельдфебель размахивалъ руками, распоряжался и кричалъ, чтобы запасные шли съ пристани на берегъ. Зваровъ растерянно смотрѣлъ на удалявшійся пароходъ, дававшій гудки, и чувствовалъ, что съ уходомъ парохода отошло отъ него на не-

опредѣленное время все его, Зварова, самостоятельное житье-бытье.

— Прощай вольная жизнь! мысленно произнесъ онъ, и сейчасъ же слезы сдавили его горло.

LIV.

Отъ Лукерьи Ивановны Зваровой къ мужу.

1.

5 іюля 1905 года.

Любезному супругу моему Евтихію Павлычу отъ супруги вашей низкій поклонъ и съ любовью цѣлую васъ несчетно и крѣпко прижимаю къ груди моей.

И какъ-то вы, голубчикъ мой, поживаете? Изъ записочки вашей вижу только, что вы благополучно доѣхали, хорошо устроились въ палаткѣ и начальство къ вамъ милостиво. А я денно и нощно объ васъ вспоминаю и не проходитъ дня единаго, чтобъ объ васъ не всплакнула. Плачемъ вмѣстѣ съ Матреной. Дѣвочку отпустила. На что мнѣ теперь нянька, если есть Матрена! Не до роскоши теперь, коли домъ безъ хозяина. А дѣвочка ѣстъ столько же, что и взрослая. Ей даже больше подавай. Читаемъ каждый день газету о мирѣ, даже привадила газетчика, чтобъ по утрамъ въ лавку приносилъ. Но что-то ужъ очень съ этимъ миромъ копаются. Да и будетъ ли толкъ — ничего не из-

вѣстно. Вчера къ намъ въ лавку приходилъ раненый солдатъ и просилъ на бѣдность. Рука у него подвязана. Говоритъ: вылечили, а насчетъ помощи не можетъ добиться никакого толку. Дала ему на хлѣбъ десять копѣекъ за ваше здоровье, да приказчики собрали ему гривенникъ. Теперь такіе солдаты стали часто заходить въ лавку и просить, да и по улицамъ просятъ. Также заходила я въ часовню и поставила за васъ свѣчку.

Маменькѣ послала отъ васъ десять рублей, какъ вы приказывали.

Дома у насъ все благополучно, только долги по дачной лавкѣ совсѣмъ не получаются. Послѣ вашего отъѣзда Захаръ ни копѣйки не принесъ, а прислалъ записку, чтобы я послала ему въ три позвонка ростбифъ для знакомаго покупателя. Я послала, а онъ такъ и не продалъ и обратно возвратилъ. Тамъ въ дачной лавкѣ на деньги покупаютъ очень мало, все требуютъ на книжку, а по книжкѣ по вашему приказу мы тамъ совсѣмъ не продаемъ.

А за симъ письмомъ будьте здоровы. Цѣлую васъ еще разъ крѣпко. Дѣти тоже цѣлуютъ.

Супруга ваша Лукерья Зварова.

2.

17 іюля.

Любезному супругу моему Евтихію Павлычу супруга ваша Лукерья шлетъ низкій поклонъ отъ неба до земли и крѣпко васъ цѣлуетъ и обнимаетъ.

Ахъ, касатикъ мой Евтихій Павлычъ, и какъ же я скучаю объ васъ! Встаю поутру и не слышу вашего голоса и плачу. И за чаемъ всплакнешь, и за обѣдомъ всплакнешь, а за ужиномъ на ночь еще пуще. Бывало, встаете и ругаетесь съ приказчиками, ложитесь и тоже поругиваетесь, и такъ я любила вашъ хозяйскій голосъ, теперь же и поругать-то ихъ некому, а они меня совсѣмъ не слушаются, потому что зачѣмъ они женщину будутъ слушаться, если страха на нихъ нѣтъ. Дѣлаютъ все такъ, словно черезъ пень колоду валятъ.

А въ дачной лавкѣ и еще того хуже. Долги совсѣмъ не получаются. А Захаръ только стихи пишетъ да читаетъ—и одинъ разговоръ у него даже и съ покупателями: о союзѣ приказчиковъ. Въ воскресенье послѣ обѣда я ѣздила въ дачную лавку и все видѣла и слышала. Торговли никакой, такъ что дачную эту лавку я закрою, Захару откажу, а долги получать по книжкамъ будетъ ѣздить Игнашка изъ зимней лавки.

А въ зимней лавкѣ торгуемъ пока на порядкахъ. На Ольгинъ день продали два фрикандона телятины, да на Владиміровъ день продавали хорошо ростбифъ и телятину, былъ хорошій именинный покупатель.

Каждый день читаемъ о мирѣ. Что жъ миръ-то? До сихъ поръ еще никакихъ настоящихъ разговоровъ объ этомъ мирѣ не начиналось. Заходитъ къ намъ въ лавку одна капитанша за провизіей. Та все о мирѣ разговариваетъ. Мужъ у ней на войнѣ. Она и на картахъ о мирѣ сама гадаетъ и

къ гадалкамъ ходитъ, но разсказывала мнѣ, что по картамъ миръ совсѣмъ не выходитъ, а гадали ей на кофейной гущѣ, такъ совсѣмъ напротивъ. А я о мирѣ каждый день свѣчку ставлю. Посылаю съ Гаврюшкой пятачокъ въ церковь. Читаемъ тоже, что какое несчастіе по деревнямъ-то! И на хлѣбъ, и на овсы, и на сѣно вездѣ неурожаи. Вездѣ безкормица. Скотъ продаютъ по деревнямъ на мясо, а потому и у насъ мясо начало дешевѣть въ покупкѣ. Конечно, для торговли мясникамъ это хорошо, но каково тамъ-то по деревнямъ! Приказчикъ Сидоръ тоже получилъ письмо, что у нихъ въ деревнѣ голодуха и всѣ пошли искать работы, а работы нѣтъ.

Будьте здоровы, свѣтикъ мой Евтихій Павлычъ! Крѣпко обнимаемъ васъ съ дѣтьми и желаемъ вамъ всякаго благополучія. Да что жъ васъ ко мнѣ-то не отпускаютъ? А говорили, что по праздникамъ пріѣзжать будете. Вотъ она, неволя-то солдатская.

И еще разъ цѣлую васъ несчетно.

Любящая васъ жена Лукерья Зварова.

3.

29 іюля.

Свѣтику моему ясному, супругу моему любезному Евтихію Павлычу отъ супруги вашей Лукерьи Ивановны поклонъ съ любовью. Крѣпко обнимаетъ васъ супруга ваша съ дѣточками малыми и желаетъ здоровья и всего отъ Бога хорошаго.

А живемъ мы безъ васъ, какъ сироты безъ хозяина, и вспоминаемъ объ васъ при каждомъ кускѣ, когда за столъ садимся, вспоминаемъ при чаѣ и сахарѣ. Встаю ли я поутру, ложусь ли спать вечеромъ—все вы у меня на умѣ, голубчикъ нашъ милый. Вотъ ужъ больше мѣсяца, какъ вы въ солдатахъ, а пріѣзжали къ намъ всего одинъ только разъ въ Царскій день, на Марію Магдалину. Очень ужъ скупо васъ отпускаютъ. А уйдете изъ лагеря въ Новгородскую губернію, и еще рѣже видѣться будемъ. А торговля у насъ хуже. Заводскіе опять забастовали, артели разстроились и дешеваго мяса русскаго у насъ теперь совсѣмъ мало покупаютъ. Къ тому же по сосѣдству черезъ переулокъ новая мясная открылась. Хорошо, что я Захара отказала. Все-таки намъ на двадцать пять рублей изъ-за его жалованья полегче. Долга съ покупателей онъ сдалъ только семь рублей. Говоритъ, что всѣ отказываютъ до 1 числа. А кто изъ заводскихъ былъ малость долженъ—съ тѣхъ теперь при забастовкѣ ужъ и совсѣмъ ничего получить нельзя. Продаютъ вещи на хлѣбъ за безцѣнокъ, тѣмъ и живутъ. Вчера у одного купила я лампу съ абажуромъ за тридцать копѣекъ, а лампа стоитъ два рубля, а то и больше. Дѣло въ томъ, что заводскіе прокуражились. Сначала они забастовали сами, а потомъ хозяева и на зло имъ заводы закрыли.

А какъ ваше горло, миленькій? Если еще все болитъ, то снимите съ лѣвой ноги носокъ, натрите сѣрымъ мыломъ и привяжите на горло. Это очень помогаетъ. Горло болитъ у васъ прямо отъ

палатки, отъ сырости. Все спали на двухспальной кровати въ теплѣ, а теперь кое-какъ валяетесь на землѣ.

А насчетъ мира читаемъ и только сердце беретъ. Кажется, ужъ и не будетъ его. Только одни разговоры. Какой этотъ Комура ненасытный. Неужели нельзя обуздать его хорошенько? Я о мирѣ все свѣчки ставлю. Каждый день посылаю съ Гаврюшкой пятачокъ на свѣчку.

И еще скажу, что приказчики не слушаются меня, сладу съ ними нѣтъ, послѣ лавки ходятъ въ трактиръ, играютъ тамъ въ шары и пьянствуютъ.

Затѣмъ прощайте. Цѣлую васъ и обнимаю.

Супруга ваша любящая Луша.

4.

2 августа.

Любезному супругу моему Евтихію Павлычу отъ супруги и дѣтей низкій поклонъ и цѣлуемъ васъ крѣпко.

И увѣдомляю васъ, что новаго приказчика отказала. Нѣтъ возможности... Выходитъ, что я въ домѣ хозяйка, а онъ хозяинъ и мутитъ другихъ. А я женщина. Я такъ ругаться, какъ вы, не могу, и черезъ это страха никакого. Вы, говоритъ, не смѣете въ мою жизнь вступаться, потому что у насъ есть указъ Сенату. Въ лавкѣ, говоритъ, я приказчикъ, а дома самъ по себѣ. А Захара хоть и отказала, но онъ каждый день у насъ въ лавкѣ

торчитъ, говоритъ о праздничномъ отдыхѣ и смутьянитъ не только нашихъ, а и сосѣдскихъ. Гоню его, а онъ не уходитъ. Я, говоритъ, обязанъ кандидата въ новую государственную думу отъ нашихъ приказчиковъ отыскать. А торгуемъ плохо. Маменькѣ вашей послала ужъ только шесть рублей въ этомъ мѣсяцѣ. Что жъ это съ миромъ-то?

А засимъ прощайте. Кланяюсь вамъ низко отъ неба и до земли и обнимаю.

Супруга Лукерья Зварова.

5.

8 августа 1905 г.

Любезному супругу моему Евтихію Павлычу отъ супруги вашей Лукерьи Ивановны низкій поклонъ съ любовію и отъ дѣточекъ также. И цѣлую васъ крѣпко и обнимаю, другъ миленькій.

И что же это мира-то нѣтъ? Каждый день читаемъ газеты, все думаемъ: вотъ-вотъ миръ заключатъ,— а на самомъ дѣлѣ одни только разговоры и даже ужъ писать стали, что на миръ и надежды мало. Прочитала это и долго плакала. И чего тутъ разговаривать? Согласиться, да и кончено, скорѣй отвязаться отъ этого японца. Вѣдь всѣмъ тягостно. Несчастныя женщины, у которыхъ мужья взяты, чуть не по міру ходятъ, ждутъ помощи; а когда она, помощь-то, придетъ! Все говорятъ, что скоро да скоро, а толку никакого. Вчера приходила къ намъ въ лавку одна, плакала и говорила, что трое дѣтей, и я, миленькій мой, дала ей три фунта

солонины за ваше здоровье. Солонина немного пообвѣтрившись, — ну, да все равно съѣдятъ. Не разбирать же при голодухѣ. И зеленщикъ Раструбинъ нашъ насыпалъ ей въ передникъ картофелю и далъ брюкву. Дала опять и барышнямъ десять фунтовъ русскаго мяса на даровыя столовыя. Хоть плохо торгуемъ, а все равно вамъ Богъ подастъ за это. Раструбинъ тоже далъ картофелю.

А мы всѣ, слава Богу, здоровы, чего и вамъ желаемъ и ждемъ не дождемся, когда васъ къ намъ отпустятъ въ гости. Два праздника было, очень ждали, а ничего не вышло.

Третьяго дня въ Преображеньевъ день забѣгали утромъ у насъ газетчики, кричатъ, что манифестъ, я обрадовалась, сейчасъ же купила три листа, стала читать, но оказалось, что это не о мирѣ, а о государственной думѣ. И всѣ покупали, даже извозчики покупали и читали, а вышло совсѣмъ напротивъ.

А за симъ письмомъ прощайте, берегите себя и потрудитесь быть здоровы. Я такъ страдаю объ васъ сердцемъ, что вы въ простой палаткѣ спите въ сырости, а ночи теперь холодныя.

Лукерья Зварова.

6.

12 августа 1905 г.

Супругу моему милому отъ супруги вашей Лукерьи Ивановны.

Крѣпко цѣлую и обнимаю васъ, другъ сердечный. Дѣточки также кланяются и просятъ у васъ родительскаго благословенія, навѣки нерушимаго.

Какъ-то вы поживаете въ солдатской неволѣ? А мы, слава Богу, благополучны, только Дуня зубками мучается и блажитъ. И про миръ читаемъ каждый день, но видимъ, что ничего путнаго-то не выходитъ. Сегодня я даже всплакнула и цѣлое утро терзалась, что Витте ужъ бѣлье укладывать приказалъ, чтобы скорѣе уѣхать отъ Комуры этого самаго, не простясь съ нимъ. А все Америка. И зачѣмъ это въ Америку ѣхать задумали для мира! По моему, самый неблагополучный городъ. Мало ли есть другихъ всякихъ городовъ. Хоть бы къ французамъ, что ли. А вчера опять обманулась. Пробѣжалъ подъ вечеръ мальчишка-газетчикъ, махаетъ листкомъ и кричитъ о мирѣ. Я сейчасъ купила два на гривенникъ, и опять попусту. Одинъ обманъ. Сообщаютъ только, что на Кавказѣ въ какомъ-то городѣ татары бьютъ армянское происхожденіе. Такъ и пропали зря деньги.

А торговля, милый хозяинъ, у насъ въ лавкѣ все плоше и плоше, и не по моей винѣ бабьей, хоть расказните меня, а новый торговецъ, о которомъ я вамъ писала, что по сосѣдству мясную открылъ. Фамилія ему Силантьевъ, онъ тоже ярославецъ, но пошехонскій. Онъ обошелъ всѣхъ нашихъ покупателей и посулилъ копѣйку скидки— вотъ изъ-за чего. А нашъ франтъ приказчикъ у него теперь служитъ и супротивъ насъ дьяволитъ за нашу прежнюю хлѣбъ-соль. По дачной торговлѣ тоже долговъ не получается, а скоро ужъ и съ дачъ съѣзжать будутъ. Сидора приказчика тутъ какъ-то послала на дачу долги получать, а онъ

вернулся вечеромъ пьяный и говоритъ, что ничего не получилъ.

И опять непріятность. Опять заходила по лавкамъ полиція и санитарные доктора. Холеру еще при васъ отмѣнили и все стало тихо и спокойно, а тутъ вдругъ снова является докторъ. Явился, обнюхалъ все, накричалъ и два пуда и десять фунтовъ мяса залилъ керосиномъ. А мясо самое обыкновенное и только чуть-чуть пообвѣтрившись было и съ душкомъ. Знала бы и вѣдала, что опять такая строгость пойдетъ, то пожертвовала бы его на бѣдность, и бѣдные люди благодарили бы Бога и съѣли бы его и за васъ помолились бы, а теперь зря пропало больше чѣмъ на десять рублей. А докторъ разсказывалъ, что это ужъ не та холера, которую весной ждали, а особая холера, нѣмецкая.

И по дворамъ ходятъ и нюхаютъ, и недавно сосѣдскаго дворника за что-то засадили. И въ ледникъ къ намъ заглядывали, и все обнюхали, и въ тетрадку санитарную записали, но что такое записали, я понять не могу, и приказчикъ тоже.

Ахъ, скорѣе бы миръ, скорѣе бы васъ отпустили, вы вернулись бы и все наладили бы на мужской манеръ. А я женщина и ничего этого сдѣлать не могу, потому строгости во мнѣ нѣтъ и я по-хозяйски ругаться не умѣю.

А Захаръ все у насъ. Не идетъ вонъ изъ лавки и никакъ выжить его не могу. Смутьянства отъ него нѣтъ, но мѣшаетъ. Теперь далась ему эта государственная дума. Приходитъ, читаетъ объ ней и все толкуетъ нашимъ приказчикамъ, что

это обозначаетъ. И мнѣ разсказывалъ, но я его не слушаю. Что мнѣ эта дума! Затѣмъ говоритъ, что на мѣсто онъ теперь не поступитъ покуда, а поѣдетъ въ свое мѣсто въ деревню и будетъ тамъ мужикамъ-землякамъ про думу толковать и хлопотать, чтобъ они выбирали какого-то надежнаго кандидата. А самъ все хвастается, все хвастается и говоритъ, что онъ гражданинъ своего отечества и обязанъ заботиться. Я ему говорю: какой ты гражданинъ, ты просто мужикъ самый обыкновенный, но только въ Петербургѣ пообтерся, и нечего тебѣ облыжно возноситься. А онъ не вѣритъ и смѣется. Мнѣ кажется, что онъ даже въ умѣ повихнулся отъ этой думы. Вѣдь бываетъ, находитъ на человѣка. Ужъ хоть бы скорѣе уѣзжалъ къ себѣ въ деревню!

Если въ письмѣ много я наболтала ненужнаго, то простите, дружочекъ милый. Любя я это. Да и не съ кѣмъ посовѣтоваться, одна я, такъ поневолѣ хоть въ письмѣ языкъ распустить.

Берегите себя, одѣвайтесь потеплѣе, не забывайте надѣвать фуфайку въ сырости и будьте здоровы.

Прощайте, другъ любезный, цѣлую васъ несчетно.

Жена ваша любящая Луша.

7.

17 августа.

Свѣтику моему ясному, супругу любезному Евтихію Павлычу отъ супруги вашей Лукерьи Ивановны низкій поклонъ.

Въ первыхъ сихъ строкахъ поздравляю васъ,

соколъ мой ясный, съ миромъ! Вчера купила телеграммъ на двугривенный, читала во всю и даже прослезилась отъ радости и долго рыдала. Сейчасъ же побѣжала въ церковь и служила Николѣ благодарственный молебенъ.

Ахъ, какъ все это неожиданно! Господи! Еще наканунѣ читали, что мира не будетъ, я даже ночью плохо спала отъ безпокойства, и вдругъ миръ! Читала и глазамъ своимъ не вѣрила. И всѣ приказчики у насъ читали, и всѣ покупатели, которые приходили въ лавку, читали о мирѣ. И на улицахъ вездѣ читали, на всѣхъ углахъ читали, рабочіе на постройкахъ читали, и всѣ радовались. Даже извозчики читали. А вѣдь какъ всѣ пріуныли, когда была объявлена по городамъ новая мобилизація! И голодъ-то, да и мобилизація. Теперь ужъ ничего этого, стало быть, не надо. Довольно. Теперь ужъ, другъ сердечный, и вы скоро должны вернуться. На что теперь запасные? Достаточно и не запасныхъ.

Ахъ, супругъ мой милый Евтихій Павлычъ! Вы не повѣрите, какъ мы счастливы! Словно отъ смерти насъ спасли. Вчера, какъ только прочла о мирѣ, и вернувшись изъ церкви, сейчасъ же велѣла Матренѣ печь аладьи къ обѣду и угощала приказчиковъ, съ патокой, велѣла печенку для нихъ зажарить и купила имъ сороковочку за ваше здоровье. Очень ужъ я рада.

Проситесь, другъ мой, у начальства на побывку и пріѣзжайте хоть часика на два къ намъ.

Кланяюсь вамъ. Цѣлую крѣпко, крѣпко!

Супруга Л. Зварова.

8.

20 августа 1905 г.

Драгоцѣнный супругъ мой Евтихій Павлычъ, здравствуйте. Отъ супруги вашей и дѣточекъ желаемъ здоровья и всякаго благополучія въ дѣлахъ вашихъ.

Письмо ваше я получила и всплакнула. Вижу, свѣтикъ мой милый, какъ вамъ трудно живется. Изъ хорошей жизни, изъ хорошей квартиры, гдѣ сами надъ всѣми командовали, и вдругъ самому стать подъ команду. Горько мнѣ и на мою пружинную кровать ложиться. Лягу, а сама думаю: а какъ-то мой свѣтикъ ясный Евтихій Павлычъ теперь спитъ? И постоянно это у меня на умѣ. Еще хорошо, что у васъ въ пищѣ нѣтъ стѣсненіевъ, такъ какъ вы пишете, что узнавши, что вы изъ мясниковъ, васъ къ пріемкѣ мяса приставили. Но мясо мясомъ, а все-таки вы вотъ уже два мѣсяца безъ пироговъ сидите; я знаю, что пироги вы обожаете. И все это больно для моего сердца, и я горюю о васъ. Живете при деньгахъ, и не въ состояніи пирога съ капустой покушать. Вотъ вамъ и капиталъ!

А что васъ до сихъ поръ не отпускаютъ и на дняхъ на зимнія квартиры въ казармы повезутъ, то я даже удивляюсь. Что же миръ-то? Вѣдь миръ заключили, такъ зачѣмъ же теперь запасные-то? Достаточно и не запасныхъ, ежели не воевать. У многихъ я здѣсь спрашивала объ этомъ, но никто не говоритъ, да и вы ничего не пишете. Неужели

на Кавказъ керосинщиковъ усмирять пошлютъ? Но вѣдь вы сами мнѣ разсказывали, что вы по саперной части, а саперы не для усмиренія. Читаемъ мы про этотъ самый городъ Баку и дивимся, какое тамъ происшествіе. Керосинъ ужъ вздорожалъ, да говорятъ, и еще вздорожаетъ, такъ каково это будетъ мнѣ въ хозяйствѣ жить! А теперь вечера становятся все длиннѣе и длиннѣе и одна лавка сколько керосину жжетъ. Приказчикамъ я долго съ лампами сидѣть запрещаю дома, но они не слушаются и грубятъ. Ахъ, какъ трудно женщинѣ надъ мужскимъ сословіемъ командовать! На каждое хозяйкино слово десять въ отвѣтъ.

Съ одной стороны я безпокоюсь, что васъ на зимнія квартиры въ казармы погонятъ, а съ другой стороны и рада немножко. Что жъ, ужъ если покуда не отпускаютъ запасныхъ совсѣмъ, то все-таки въ теплѣ въ казармахъ лучше жить, чѣмъ на сырой землѣ валяться. Прикрывайтесь вы одѣяломъ-то хорошенько, а сверху шинелью. Одѣяло у васъ хорошее.

А за симъ письмомъ цѣлую васъ крѣпко. Дѣти тоже цѣлуютъ и кланяются вамъ.

Супруга ваша Л. Зварова.

9.

25 августа.

Свѣтику моему ясному Евтихію Павлычу отъ любящей супруги вашей Лукерьи Ивановны и дѣточекъ по низкому поклону и цѣлуемъ васъ и крѣпко обнимаемъ.

Сегодня получила отъ васъ писулечку, сегодня и отвѣчаю вамъ по новому адресу.

Ну, вотъ вы теперь и въ теплѣ, и въ казармахъ, не будутъ у васъ и зубы болѣть. А самое главное, купите себѣ шерстяные носки и носите, а то шерстяныя подвертки.

Какъ это жалко, другъ мой милый, что вы и теперь еще не можете сообщить, когда васъ, запасныхъ, отпустятъ. Вѣдь ужъ миръ, такъ чего же держать?

Вы пишете мнѣ, супругъ мой любезный, какъ по вашей книжкѣ на текущій счетъ деньги класть и чтобы я много денегъ у себя не оставляла, а положила бы на книжку. Какъ это класть надо, я поняла, но вотъ бѣда—откуда же деньги-то наберутся, если торговля все хуже и хуже? Сосѣдъ мясникъ много отбилъ. 1-го сентября надо платить за четыре мѣсяца впередъ за наемъ лавки и квартиры 320 рублей, а я и этихъ-то денегъ еще не накопила. Развѣ на Андреяна и Наталью да въ Александровъ день торговать будемъ получше. Я вѣдь писала вамъ, что плохо, а вы имѣете совсѣмъ другія понятія. Считаю я выручку и вижу, что еле концы съ концами мы сводимъ.

А живемъ по-старому. Какъ за пирогъ съ капустой сяду—сейчасъ объ васъ вспоминаю и заплачу. Жалко мнѣ васъ, голубчикъ, очень жалко.

Новостей у насъ никакихъ. Развѣ только то, что Захаръ уѣхалъ наконецъ въ деревню, и я такъ рада, такъ рада, что объ этомъ праздничномъ отдыхѣ разговоры прекратились. А то извелъ онъ меня. Не служитъ у насъ, а въ лавкѣ торчитъ и

о государственной думѣ этой самой читаетъ. Поѣхалъ онъ въ деревню, какъ говоритъ, кандидата выбирать. А прощаясь со мной, написалъ для меня стихи. Совсѣмъ глупый человѣкъ!

Есть и еще новость. Появились въ Петербургѣ солдаты въ желтыхъ сапогахъ и ходятъ по улицамъ пьяные. Говорятъ, что это матросы съ кораблей, которые бунтовали изъ-за говядины, что ли, а ихъ теперь изъ матросовъ въ обыкновенныхъ солдатъ за наказаніе передѣлываютъ и въ отмѣтку надѣли на нихъ желтые сапоги. Приходили двое такихъ и къ намъ въ лавку и просили на табакъ.

А за симъ письмомъ прощайте. Цѣлую васъ несчетно.

Любящая супруга Лукерья Зварова.

10.

27 августа.

Любезному супругу нашему Евтихію Павлычу отъ супруги вашей Лукерьи Ивановны низкій поклонъ съ любовію.

И что я слышала сегодня такое ужасное, отъ чего у меня и по сейчасъ руки и ноги дрожатъ. Дошло ли до васъ это происшествіе, но я съ утра успокоиться не могу и не знаю, какъ спать буду ночью. Утромъ приходилъ нашъ дачный сосѣдъ старичокъ-табачникъ и разсказывалъ такія вещи, что будто бы очень можетъ быть, что мира еще и не будетъ. Что будто господинъ Витте и Комура этотъ самый подписали миръ, а японскій король подпи-

сывать его не хочетъ изъ-за того, что тамъ въ Японіи насчетъ мира этого самаго японцы сбунтовались и теперь происходитъ такое же тамъ усмиреніе, какъ и у насъ на Кавказѣ. Вотъ японскій король и боится подписывать. Въ нашей газетѣ ничего объ этомъ нѣтъ, а въ той газетѣ, которую табачникъ принесъ, есть пропечатано и онъ даже читалъ мнѣ объ этомъ.

Что же это, супругъ мой любезный Евтихій Павлычъ? Гдѣ же всѣ наши упованія? Радовались мы объ мирѣ, я молебенъ служила даже, а выходитъ, что можетъ выйти и совсѣмъ напротивъ. Ждемъ и не дождемся, когда хозяинъ возвратится изъ запаса, а всякія сомнѣнія въ головѣ. Вѣдь это значитъ опять японская война можетъ продолжаться и все замиреніе по боку. Господи Боже мой! Ужъ хоть бы скорѣе какъ-нибудь усмирили этихъ непокорныхъ японцевъ.

А нсваго у насъ только обида. Приказчикъ Василій проситъ пять рублей прибавки къ жалованью, а то, говоритъ, займусь своимъ дѣломъ и буду изъ корзинки мясомъ торговать среди знакомыхъ покупателей и стану по квартирамъ ихъ ходить.

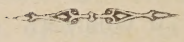
То-есть, всякая-то дрянь норовитъ намъ же за нашу хлѣбъ-соль непріятность сдѣлать. Я сказала ему, что напишу вамъ. Какъ прикажете, Евтихій Павлычъ, прибавить ему съ перваго числа или не прибавлять? Гдѣ я теперь, сирота безъ мужа, новаго приказчика найду?

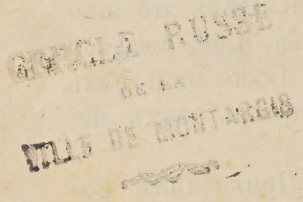
Со слезами цѣлую васъ и остаюсь любящая супруга ваша

Лукерья Зварова.

А денегъ для платежа за квартиру и за лавку еще больше ста рублей не хватаетъ, а 1 число сентября не за горами.

Ахъ, какъ трудно одной бабѣ безъ мужа торговать! Даже чувствую, что дѣло врозь лѣзетъ.





295—